

DOCTOR WHO

THE INFINITY DOCTORS



LANCE PARKIN

ДОКТОР КТО

ДОКТОРА

БЕСКОНЕЧНОСТИ

Лэнс Паркин

Серия «Прошлые приключения Доктора»

PDA-17

Past Doctor Adventures

Перевод ssv310

ПРОЛОГ

Старые дни

Налетая на толстые стены Цитадели, снежинки таяли, но вместо них продолжали падать новые и новые, словно наступающая армия.

На восемьдесят пять этажей ниже всё было чёрно-белым. Лишь самые высокие из руин всё ещё выглядывали, а остальное скрыл снег. И нечего там было особенно видеть до прихода льда, всего лишь древние храмы и амфитеатры, последние свидетельства о расе, которая правила мечом и планета за планетой строила империю, распространившуюся по вселенной.

Когда строились эти храмы, будущее было открытым морем. Галлифреем правили провидицы, которые помнили будущее так же, как и прошлое. Судьба была программой действия, богатым грузом, наполнявшим трюмы тысячи тысяч звездолётов. Пророчества использовались как карты для навигации в бесконечности. Исследователи стремились всё дальше, уже зная о чудесах, которые им будет суждено открыть, готовые к опасностям. Старатели спешили к звёздам, уже зная, где искать золото. Герои шли на большой риск, уверенные в результате. Будущее сияло так же ярко, как луна, и было таким же неподкупным.

Эти времена прошли, они закончились в считанные годы.

Статуи и башни рухнули, а флоты растерялись. Герои умерли, слепые и одинокие, как и надлежит истинным героям. А когда загорелись храмы и библиотеки, книги пророчеств были утеряны в этих пожарах вместе со всеми остальными книгами. Среди обломков удалось найти лишь один фрагмент пророчеств. Теперь о тех точных, детальных картах грядущего остались лишь воспоминания. Но память играет нечестно, она ворует, она лжёт, она говорит то, что ты хочешь услышать.

Сегодня приходилось жить памятью.

Корабли были сбывшейся мечтой, и выглядели соответственно. Уже по яркой окраске их корпусов было очевидно, что они не являются частью этого мира: они висели словно огромные тропические рыбы среди наполовину затопленных часовых башен и минаретов; свет, подобного которому планета не видела уже целое поколение, исходил из их иллюминаторов и люков и растворялся в вечернем воздухе. Не удивительно, что толпы Новорождённых собрались на наблюдательных площадках причалов. Представители старого поколения относились ко всему этому скептически, они считали это предприятие расточительством, способным привести к катастрофе. Этим кораблей не было в пророчествах, — настаивали они. Это было предательством, расчётливой попыткой оборвать все известные им связи с будущим: не было предсказано, что галлифрейский народ станет бесплодным, в Фрагменте не было ничего ни о Домах, ни о Кузинах, ни о многом другом.

Лишь несколько Старейшин рискнули выйти сюда из укрытий, легко узнаваемые по осанке, не говоря уже об их мантиях. Многие из них до сих пор ворчали по поводу того, что команды кораблей состояли из молодых, что лишь несколько

из членов экипажей было больше десяти лет. Но это не было неожиданностью. Те, кто родился после наступления тьмы, были уже не той расой, что их предки. Они были устремлёнными, энтузиастами, их лучшие времена были ещё впереди. Они не жили славой прошлого, они хотели жить в будущем, создавать его, а не просто вспоминать. Новый порядок больше не шокировал, он даже становился удобным, привычным. Старые ощущали новую обиду: изначально Новые должны были быть временными, они должны были стать заменой лишь до тех пор, пока всё наладится, причём плохой заменой. Но теперь они были единственным будущим. Имея мудрость веков, некоторые из Старейшин понимали, что рано или поздно молодое поколение начнёт видеть в своём прошлом балласт, который сдерживает их, не даёт им реализовать свой потенциал.

Команды молодёжи погружали на корабли последние грузы, передавая по цепочкам ящики и модули. В отведённом для них куполе экипажи при помощи ассистентов облачались в униформы. Подразделение Стражи наблюдало за происходящим. Армия инженеров в защитных одеждах вилась вокруг и внутри кораблей, проверяя всё до последней детали. Небольшая группа музыкантов начала играть мотив, и Новорождённые подхватили его:

«Спой мне снова о былом, о том, о чём уж пел.

Скажи о том, что знаешь, я скажу, что ты неправ.

Просто спой мне о былом, ведь в прошлом твой удел.

Пойдём со мною в завтра, там новые слова».

Ветер разносил их голоса. Две фигуры в мантиях, мужчина и женщина, следили за происходящим со своего балкона на самом верхнем этаже Цитадели. Балкон был открыт всем

стихиям, но и снег, и ветер обходили его стороной, не решаясь вторгаться.

— Они великолепны, — провозгласил Омега, не нуждаясь в том, чтобы говорить.

— Сбывшаяся мечта, — молча согласилась его жена.

Она была стройная, с зелёными глазами. Под меховой накидкой на ней была облегающая одежда.

Он возвышался над ней, и казалось, что он как минимум в два раза крупнее, этот эффект усиливал его огромный доспех. Доспех был из бронзы, с алюминиевыми заклёпками и свинцовым нагрудником.

— Я должен идти на свой корабль. Мы должны погрузиться до наступления ночи.

— Удачи, — безмолвно сказала она.

— Зачем нам удача, когда у нас есть пророчество? — засмеялся он, обнимая её.

Она кивнула, и они расстались. Он ушёл, а женщина осталась на балконе одна, наедине со своими мыслями и воспоминаниями.

Так, во всяком случае, думал он.

— В самом деле, зачем? — нарушая тишину, спросил невысокий мужчина.

Она повернулась к нему:

— Ты давно уже тут?

Он стоял посреди выложенного плиткой пола с таким видом, словно всегда там был.

— Время относительно, — он посмотрел на вынутые из кармана часы. — Во всяком случае, оно может стать относительным с завтрашнего обеда.

— Из последней строки Фрагмента мы знаем, что экспедицию ждёт успех. Это предначертано, — она снова повернулась к кораблям. — Лишь то, что будет ещё позже, не определено. Но скоро мы будем не просто знать будущее, скоро мы будем в нём странствовать.

— Фрагмент, — сказал он, подходя к ней и кладя руку ей на плечо. — А я думал, что ты догадалась.

Она знала, что он собирается сказать.

Он говорил мягко, с глубокой грустью в голосе:

— Рассилону нужно было как-то сплотить своих людей, ему нужно было оправдать свой безумный план. Ты же помнишь, что было десять лет назад, после Проклятия: Старейшины смотрели в лишь прошлое, они опустили руки. Всё, что у нас оставалось — наша память. Все эти золотые эпохи и легендарные приключения, все эти склоки относительно того, какая из былых слав была самой славной. Галлифрей умер.

— Даже без Рассилона мы бы жили ещё много миллионов лет. Нас очень непросто убить.

— О, да. Мы бессмертны, если не считать несчастных случаев. Но несчастные случаи случаются, миледи. В конце концов мы бы все умерли, если бы не Рассилон и его план. Ты никогда не задумывалась о том, насколько надуманна была эта ситуация? Рабочий, расчищающий обломки обрушившегося храма, совершенно случайно обнаруживает страницу из «Книги Пророчеств». Единственную страницу, слегка обгоревшую по краям. Тебе это не показалось странным? Ты никогда не задумывалась о том, что случилось с остальными страницами? И, главное, это была такая полезная страница — та самая, в которой говорилось о наступающем десятилетии, она

рассказала всему Галлифрею о том, что мы станем первыми повелителями времени. Даже противники Рассилона признали, что очень часто будущее почти дословно цитирует манифест Рассилона. Интересное совпадение, не находишь?

— Открытие Фрагмента было самым ясным указанием нашей судьбы, — твёрдо сказала она. — Пути вселенной загадочны.

— Фрагмент! — фыркнул невысокий мужчина. — Рассилон сам его написал и подsunул под камень во время прогулки. Он не хочет знать будущее, он хочет его творить. Свитки — это то, что *может* случиться; это то, что он бы *хотел*, чтобы оно случилось, а не то, что *будет*. Если бы не Фрагмент, Рассилону и Консорциуму не позволили бы продолжать эксперименты с перемещениями во времени, мы бы потратили все ресурсы планеты просто на выживание, и не стали бы их ни во что инвестировать.

В его словах была логика, но это превращало будущее в пропасть.

Она сбросила с плеча его руку и повернулась к нему лицом. Мужчина какое-то время молчал. Наконец, свойственным ему мягким голосом он сказал:

— Во вселенной есть много рас, которые никогда не помнили будущее.

Она вздрогнула:

— Прожить эти девять лет не зная того, что должно случиться, было очень тяжело. Но быть слепым навеки... ты хочешь жить *так*?

— Ты бы удивилась, узнав, как легко они придумывают объяснения происходящему. У них много верований, которые мы сочли бы странными. Они говорят о «причине и следствии»,

о «квантовой механике», о «прогнозе». Но в основном они возлагают надежды на своих богов. Они верят в то, что боги могут оказывать влияние на мир смертных, награждая своих последователей, наказывая неверующих. Законы физики могут изменяться ради исполнения воли богов. Они называют это «божественным вмешательством».

Она смотрела на него.

— Интересная концепция, — наконец, сказала она.

— Да, — ответил он. — А мы без этой концепции вынуждены создавать свои собственные чудеса.

Он снова указал на корабли, и она обернулась. Солнце было чуть выше горизонта. Тени были длинные, матово чёрные, они начинали сливаться друг с другом, как капли ртути. Корабли висели над разрушенным Капитолием, не тронутые тенью. Помосты были отсоединены, наземный персонал уходил в безопасность Цитадели. Пение уже прекратилось.

Без дополнительных церемоний, воздух наполнился неземным визжащим, стонущим звуком, и массивные корабли растаяли, как воспоминания. И затем не осталось ничего, кроме развалин Капитолия, теней прошлого, и зимнего вечера.

— А тебе разве не нужно быть на корабле? — спросила она.

Но его рядом с ней уже не было.

ЧАСТЬ 1

Интервенция

ГЛАВА 1

Ночь под Куполом

Он никогда не видел дождь, но он слышал его.

Дождь капал по свинцу и цементу Купола, а затем журчал в желобах до тех пор, пока его не засасывало в водосточные трубы или не выливалось наружу из отверстий. Каждый раз, когда шёл дождь, воздух наполнялся шипением и пульсирующим, хаотическим постукиванием капель. Этот звук был похож на издаваемый каким-то животным, скребущим панцирь пойманной черепахи; оно вертело его и так и сяк, выискивая в нём уязвимые места и быстро отступая при малейшем сопротивлении. Дождь можно было услышать лишь находясь у самого Купола, а значит, нужно было находиться у самых высших точек Цитадели, в тех частях Восточных Башен, где была его вершина. Вообще-то, здесь каменная кладка крыши Цитадели образовывала наружную поверхность Купола, и некоторые из чердаков и мансард находились между внутренними и внешними слоями его стен. Хотя в распоряжении повелителей времени был бесконечный запас энергии, здесь не было ни освещения, ни отопления. Мало кто уходил так далеко от роскоши главных залов, лишь временами тут появлялись техники и полу-регулярные патрули Стражи. Когда-то здесь жили несколько землероек, но они уже давно превратились в окаменелости, а их потомки, наверное,

разбежались, эволюционировали до овладения космическими перелётами, и навсегда покинули Галлифрей.

Иногда капитан Реймор задумывался о том, как выглядит дождь. Он никогда не поддавался этому любопытству в полной мере, оно никогда не было настолько сильным, чтобы он рискнул пойти на одну из наблюдательных мансард, или хотя бы свериться с Библиотеками Архивов. У него никогда не возникало желания составить компанию одной из групп обслуживания, которые примерно раз в столетие выбирались наружу, лезли по внешней части Купола и проверяли состояние черепицы и желобов. Однажды кто-то ему сказал, что дождь — это всего лишь падающие капли воды, ну что в них может быть интересного?

На часовой башне в Старой Гавани пробило 4.5 колоколов, ему это было слышно даже через стены Цитадели. Это была середина ночи, традиционное время, когда вампиры и прочие призраки бессмертных умерших заходили в земли смертных.

Сквозь звуки дождя он слышал чьи-то шаги.

— Кто идёт? — устало спросил Реймор.

— Это я, Пелтрок, — отозвался голос.

Пелтрок был юношей, ему не было ещё даже восьмидесяти. Реймор завидовал его морщинистому лицу и седеющим волосам. Осложнения во время его последней регенерации привели к тому, что физическая форма Реймора выглядела намного моложе, чем ему хотелось бы. Большинство членов Канцелярии предпочитали более молодые тела, по сравнению с остальным Галлифреем, но новое тело Реймора было чуть ли не подростковым. Постепенно оно старело: появлялись залысины, на лбу начали появляться признаки морщин, но пройдёт, наверное, ещё целое столетие, прежде чем его внешность

станет такой, какую ему хотелось бы. Внешность не должна иметь значения, но она имела: никто его больше не воспринимал всерьёз. Он подумывал о том, чтобы временно, на те несколько десятилетий, пока его тело взрослеет, перевестись в Транспортный Надзор.

Пелтрок всегда присоединялся к нему в этом месте. Те, кто никогда не служил в Страже, могли бы удивиться, почему некоторые отрезки обходов еженедельного патруля требовали одного стража, а для других требовалось два или три. Но у каждого маршрута обхода была своя традиция, а традиции служили Галлифрею хорошую службу. Стража появилась задолго до того, как появились повелители времени, десять миллионов лет были закодированы в традиционных маршрутах. Некоторые из маршрутов напоминали о великих катастрофах: хранилища Бесконечной Библиотеки обыскивались каждую ночь, чтобы не допустить ещё одного Библиоклазма. Залы Верховного и Высочайшего Советов ритуально стерилизовались перед каждым заседанием, несмотря на то, что Бледную Чуму искоренили ещё четверть миллиона лет назад. Победы тоже не забывали: каждый месяц церемониальные марши повторяли триумфальные парады, проходившие после войн с Ригелем, Госолусом, и ещё как минимум с десятком других миров, нападавших на Галлифрей со времён Рассилон и Омеги. А ещё были возложения венков на гробницах, кенотафах, мемориалах и памятниках по всему Капитолию, чтобы напомнить о том, что настоящее было создано не без жертв.

Они отправились по своему маршруту, и Пелтрок, как всегда, был исполнен мальчишеского энтузиазма:

— Опять дождь идёт.

Реймор изобразил удивлённое лицо:

— Правда? А я и не заметил.

— Последнее время часто идут дожди.

У Реймора перед глазами предстала целая ночь пустых разговоров в сопровождении зевоты.

— И к чему ты это сказал? — уныло спросил он.

Пелтрок задумался.

— Может быть, это инопланетяне? — предположил он.

Его не удостоили ответа, поэтому секунды через две он решил развить свою мысль:

— Пока мы жили без них, дождь так часто не шёл. Быть может, это Рассилон указывает нам, чтобы мы держались своих, чтобы они сами разбирались со своими проблемами.

Парень был не прав, Реймор понимал это, но в его предположении были свои привлекательные моменты.

— Дождь Рассилона, — фыркнул он. — А мне это нравится. Подумай только, Пелтрок: где-то там, к нам сейчас направляются два боевых флота. По сотне боевых кораблей от каждой стороны. Это же безумие! Это наверняка приведёт к беде. Одной только бумажной работы уйма будет.

— Я слышал, что многие члены Верховного Совета тоже так считают. Спроси любого повелителя времени, и он скажет, что недоволен, — фыркнул Пелтрок.

— Президент воспользовался своим решающим голосом. Так что инопланетный флот прибудет на рассвете.

— Но сами инопланетяне не появятся на Галлифрее до завтрашней ночи, не так ли?

— Ты что, не читал инструкцию? Инопланетяне прибудут с наступлением сумерек. В девять колоколов ровно. А день они проведут на орбите, утрясая последние детали.

Реймор поднял свой фонарь. Луч ощупывал темноту, заползая в углы и щели, но там ничего не было, и луч быстро вернулся обратно в фонарь. Тут было тихо; в этой части Капитолия всегда поддерживали более низкую температуру, чем в жилых помещениях. Он знал тут каждый сантиметр, и ничего здесь никогда не менялось, никто сюда не приходил. Ночь за ночью он проходил по этому маршруту, идя от казарм Стражи, а затем через Архивы к краю Купола. Он шёл вдоль края Купола триста-четырееста метров, петляя по сотовой структуре комнат и давно неиспользуемых галерей, и в конце концов приходил сюда. Отсюда они с напарником бредут обратно в казарму.

У них на запястьях запищали коммуникаторы.

Судя по лицу Пелтрока, он был шокирован не меньше, чем Реймор — раньше их коммуникаторы никогда не пищали. Реймор поднял руку и посмотрел на запястье, не зная, что делать дальше. Снова раздался писк, и на коммуникаторе вспыхнуло сообщение:

*«4.5 КОЛОКОЛОВ. ВЗЛОМ АРХИВНОГО ЗАЛА 403.
РАССЛЕДОВАТЬ И УВЕДОМИТЬ».*

Реймор нахмурился.

— Что нам теперь делать? — спросил Пелтрок.

— Расследовать и уведомить, я полагаю.

Он проходил мимо архивного зала 403 всего несколько минут назад. Возвращаясь туда, Реймор подумывал о том, а не задел ли сигнализацию он сам. Некоторые из систем безопасности были там ещё со Старых Времён; несмотря на благородство своего происхождения, они были известны повышенной чувствительностью и склонностью к ложным тревогам. Когда Реймор и Пелтрок явились к Залу 403, они

увидели, что как минимум один из защитных механизмов не сработал. Железные охранные заслонки должны были опуститься при активации сигнализации, опечатав зал до прибытия Стражи.

Реймор нерешительно стоял в арочном входе в зал. Он не слышал, чтобы оттуда донёсся хоть один звук. Он вдруг понял, что держит руку на рукояти своего стазера. Это была странная реакция, и он убрал руку, опасаясь, что Пелтрок мог это заметить.

Пелтрок пошёл первым, и Реймор с радостью его пропустил.

В зале, как и во многих других помещениях этой части Капитолия, было полно древних, пыльных лакированных шкафов, многие из которых были со стеклянными дверцами. Реймор знал, что эта часть Цитадели была создана ещё во времена Рассилона. Это до сих пор было видно по углу наклона крыши, по качеству кладки, по форме зала. На одной из стен кирпичная кладка и панелировка были недавние — быть может, всего десять тысяч лет — но они не могли скрыть прошлое этого зала: в далёкие времена это был открытый балкон, выходивший на старую звёздную гавань. С тех пор этот зал чем только не был, начиная от кабинета высокопоставленного чиновника и заканчивая студенческим общежитием. Сейчас же тут не бывал никто, кроме патрулей.

Пелтрок и Реймор пересекли зал, освещая себе путь фонарями.

В одном из стеклянных шкафов было гигантское чучело птицы, подвешенное в силовом поле вместе с тысячелетним слоем пыли. Оно глазело на стражей сверху, расправив три крыла так, словно готовилось броситься на них. Рядом с ним

была груда замасленных шестерён — должно быть, детали гигантского часового механизма. Старый шкаф стоял косо относительно всего остального в зале. В одном из углов доминировал огромный доспех. Ржавая табличка сообщала о том, что он когда-то принадлежал Тегораку, но это имя капитану Реймору ни о чём не говорило. Вдоль стен стояли огромные шкафы, по виду которых ничего невозможно было сказать об их содержимом.

Один из шкафов со стеклянной панелью, стоявший у дальней стены, был повреждён. На плиточном полу валялись осколки стекла. Замок на дверцах был простой, но вор его просто сбил. Посмотрев по сторонам, Реймор обнаружил обломки сканера сетчатки и кирпич, которым вначале сломали сканер, а затем разбили стекло. Не самый изящный способ взлома.

Пелтрок занялся осмотром шкафа, а Реймор начал быстрый обход зала.

Реймор скривился:

— Что в нём?

Вглядываясь во мрак шкафа, Пелтрок пожал плечами:

— Шкатулки какие-то. Ничего особенного, — он вынул одну из шкатулок и показал её.

— Какие-нибудь озорники из Нижнего Города.

— Обычно они так далеко не заходят.

— Выше для них нет ничего интересного, разве что им взбредёт в голову обойти Купол по кругу.

— Может быть, это инопланетяне?

Реймор задумчиво кивнул:

— Инопланетяне могли не знать, что в этом зале нет ничего важного. Как бы там ни было, нам нужно доложить об

этом. Забыл? «Расследовать и уведомить». Расследование мы провели.

Пелтрок поднял шкатулку:

— И кого мы должны уведомить?

Реймор огляделся, словно ответ на этот вопрос мог возникнуть из мрака.

— Эта часть здания принадлежит Прайдонскому Колледжу. Нужно сообщить старшему прайдонцу.

Пелтрок усмехнулся:

— *Он* же прайдонец, да?

— И с инопланетянами именно он общается. Да он и сам почти инопланетянин. Вот и решено. Бери шкатулку и кирпич.

Некто в балахоне услышал, что два стража уходят из зала, услышал, как удаляются их шаги.

Снова оставшись в одиночестве, он обошёл шкаф и нашёл проделанную им дыру. Он аккуратно, чтобы не порезаться битым стеклом, протянул вовнутрь руку. Он ощупывал крышки шкатулок, стоявших рядами. На крышках у них были рельефные буквы и цифры.

Того, что он искал, там не было.

Его рука нащупала на полке промежуток в том месте, где должна была стоять нужная шкатулка.

Он вспомнил, что один из стражей сказал другому захватить с собой шкатулку.

— Нет! — прошипел он. — Нет!

На него был направлен взгляд красных глаз, они смотрели на него молча, не нуждаясь в словах.

Реймор и Пелтрок прошли к лифтам и спустились на пятьдесят этажей ниже.

Обычно в это время ночи в Цитадели почти никого не было. Пара других патрулей на дежурстве, несколько повелителей времени в Зале Наблюдения за Временем, ночные портье в колледжах — вот, пожалуй, и всё. Сегодня же они пересеклись не меньше, чем с шестью повелителями времени. Это больше, чем обычно; должно быть, они готовятся к встрече инопланетян.

Как и у других членов Верховного Совета, *его* комнаты были в самом сердце Цитадели. И хотя до квартир Совета было недалеко, чтобы попасть туда, им пришлось пойти по одной из галерей, проходящих над Паноптикумом. В такой дали от Купола не было ни единого шанса услышать дождь.

Мало кто из повелителей времени видел публичные места Цитадели ночью. Фонтаны продолжали работать, не утихал постоянный гул техники, но яркость освещения снижалась, во всех нишах сгущались тени. Всё становилось незнакомым.

Пожалуй, лучшим примером был сам Паноптикум — огромный шестиугольный зал, занимавший всю центральную часть Цитадели. Днём, даже во время второстепенных праздников вроде Харрененмаса, на каждой колонне развевались бы разноцветные полотнища. В центре на полу была выложена «Печать Рассилона» — древний узор-завиток, символизирующий бесконечность и вечность. Далеко-далеко под ним было Око Гармонии — чёрная дыра, которую укротили древние повелители времени. Её энергия была неизмерима; каждый джоуль потребляемой Галлифреем энергии обеспечивался ею с большим запасом, сколько бы её ни понадобилось. Вокруг центра днём стояли бы десятка два

повелителей времени в мантиях, а с ними их ученики и сопровождающие. Возможно, пел бы хор; какая-то музыка или пение звучали бы наверняка. Кто-то совершал бы подношение, было бы как минимум десять серьёзных философских споров и в два раза больше игр в шахматы. Казалось бы, галлифрейцев такая архитектура должна была подавлять, но они с радостью наполняли этот огромный зал. Паноптикум кипел бы жизнью.

А по ночам Паноптикум превращался в самую огромную гробницу во вселенной. Тишина обволакивала всё, как паутина, даже от слабого скрипа или стука эхо казалось вечным. Те же места, которые днём были радостные и весёлые, по ночам казались мрачными и застоявшимися. Пол — мраморная площадь, по размеру сравнимая с аэродромом — имел цвет слоновьей кости. В каждом из углов Паноптикума стояла огромная статуя одного из галлифрейских Основателей. По ночам статуи были похожи на гигантских призраков, замерших во времени. Реймору было трудно пройти мимо них, не отдав дань уважения.

Реймор всегда уделял минуту, чтобы посмотреть ночью на Паноптикум сверху. Он слышал, что Пелтрок рядом нетерпеливо топчется. Ничего, подождёт парень.

По галерее, склонив голову, шёл повелитель времени в фиолетовой мантии. Он чуть не столкнулся с парой стражей.

— Простите, милорд, — пробормотали оба.

— Я не мог заснуть, — сказал повелитель времени, словно извиняясь. — Надо же, капитан, уж не случилось ли что-нибудь?

Повелитель времени автоматически обратился к Пелтроку, поскольку тот выглядел старше. Реймор узнал в нём лорда Рэтфэка, эксперта по космическому излучению, который

преподавал в колледже Патрекс со времён разъединения. Должно быть, он решил сократить путь к одной из камер бесконечности.

— Не беспокойтесь, милорд, ничего такого, с чем мы не справимся.

У лорда Рэтфэка были кустистые брови и хриплый голос:

— Это, случайно, не связано как-то с инопланетянами?

— Это мы и пытаемся установить, — сказал Реймор.

— Так вы к *нему* идёте, так ведь? К смутьяну?

— Так точно, милорд.

— Уже очень поздно, он, наверное, уже спит.

Не успел Реймор на это ничего ответить, как Рэтфэк хрипло рассмеялся. Он ткнул Реймора пальцем в грудь:

— Так ему, молодому дураку, и надо! Продолжайте службу.

Он ушёл, продолжая тихо хихикать.

Пройдя ещё немного, они прибыли на место.

Реймор постучал в дверь. Никто не ответил. Он нетерпеливо топал ногой.

— Неторопливые у него слуги, — заметил Реймор.

— У него нет слуг, — шмыгнул носом Пелтрок. — Он считает их ненужными.

— Оставляет какого-то бедняка без работы. Впрочем, ему служить никто и не захотел бы.

Дверь по-прежнему не открывалась.

— Он спит, — сказал Пелтрок. — Нужно оставить наши визитки и дожидаться утра.

— Ни в коем случае, — упрямо ответил Реймор. — Ты же слышал, что сказал старый Проныра¹.

Он снова постучал. В этот раз засов двери отодвинулся.

Осторожно, стараясь проявлять надлежащее уважение, они вошли в прихожую. Дверь за ними закрылась. Они прошли в главную комнату жилища. В полной тишине под их сапогами громко скрипел лакированный пол. Для рядовых галлифрейцев оказаться в апартаментах члена Совета было большой привилегией. За девять столетий своей службы капитан Реймор бывал в таких покаях лишь трижды. Судя по лицу Пелтрока, тот этой чести удостоился впервые, но было ясно, что он ожидал увидеть что-то более внушительное: колоннады, фонтаны. Но эта комната была не намного больше, чем спальное место стража. Все шесть её стен были заставлены книжными шкафами, отчего она казалась ещё меньше. На верхний этаж вела лестница.

Реймор прошёл мимо большого деревянного глобуса. Он не узнал планету, которую тот изображал, да и сам глобус, судя по всему, не был продуктом галлифрейской цивилизации. Установить карту другой планеты в качестве самого заметного предмета мебелировки было как раз в духе этого советника. Странная это была планета: её суша была разбита на несколько разноцветных кусков с неровными краями.

— Его здесь нет, — фыркнул Реймор, стараясь не повышать голос. Он отвернулся от своего спутника. — Ты посмотри вокруг — тут всё не так.

Пелтрок осматривал себя в зеркале с резной рамой.

¹ Обыгрывается схожесть имени Рэтфэк (Wratfac) и слова «проныра» (ratface).

— Что вы хотите сказать, капитан?

Реймор попытался подобрать правильные слова:

— Такая комната... она должна стремиться к *математической простоте*.

Пелтрок нахмурился, продолжая смотреть на своё отражение.

— Я так и не смог освоить математику, — тихо сказал он.
— Все эти сложения и вычитания. Так и не разобрался. Как по мне, математика и простота несовместимы.

— Это значит, — вздохнул Реймор, — что комнаты вроде этой должны иметь простые, прямые линии. Она должна выглядеть так, словно её спроектировал компьютер. Если уж нельзя обойтись без кривой линии, то это должна быть парабола или дуга окружности. Нет никакого оправдания для *цвета*. Мрачно тут, беспорядок.

— Я понял, что вы имеете в виду, — прошептал Пелтрок. Он перевёл взгляд с зеркала на полки. — А этому чуваку действительно нужно так много книг?

— Не забывай о том, сынок, что этот «чувак», что бы мы о нём ни думали, всё ещё член Верховного Совета. Проявляй уважение.

Пелтрок стал по стойке смирно:

— Да, сэр.

В одной из стен был большой камин, его пламя освещало половину комнаты. Над каминной полкой висели две картины в тяжёлых рамах. На картине поменьше были изображены мужчина и женщина: он был крепкого телосложения, с грубыми чертами лица, морщинистым лицом и тёмными глазами, а она была полноватая, с рыжими волосами. Но внимание к себе приковывал большой неофициальный портрет

красивой дамы с короткими чёрными волосами, в золотом платье. Плечи у неё были оголены, на шее висело ожерелье с голубым кулоном, а в руке у неё был свиток. Лицом к камину и картинам стояло большое кресло с высокой спинкой.

— Кто? — проворчал Пелтрок, глядя на картины.

Реймор толкнул Пелтрока в бок и кивнул на кресло:

— Забудь, — прошептал он. — Кажется, мы его нашли.

Реймор пересёк комнату и подошёл к камину. Здесь было теплее, уютнее. Рядом с креслом стоял небольшой столик. На нём был деревянный поднос с аккуратно расставленными серебряными кувшинами. Также на нём были три фарфоровые чашки.

— Милорд? — обратился Реймор, нагибаясь над креслом.

С кресла на него удивлённо посмотрел серый кот. Кот моргнул и потянулся, всем своим видом демонстрируя, что страж ему неинтересен, даже скучен.

Секунду спустя Реймор снова стоял прямо:

— Его здесь нет.

В другом конце комнаты Пелтрок пытался найти кого-нибудь за гобеленами, но обнаружил там лишь нишу с пищевой машиной. Недовольно пробурчав себе под нос, Реймор снова принялся изучать столик. Из носика самого высокого сосуда поднимался пар. Должно быть, Доктор был тут буквально только что.

— Добрый вечер, господа! Чем могу служить?

Реймор вздрогнул и обернулся.

Он стоял между ними, в самом центре комнаты. На нём была толстая хлопчатая ночная рубаха. У него было продолговатое лицо, аристократический нос, полные губы. Высокий лоб подчёркивали коротко стриженные волосы. У него

были грустные голубые глаза, а в руках он держал старую книгу.

Доктор.

— Простите, что разбудили вас, сэр.

Подходя к ним, Доктор смотрел на него. У Реймора возникло ощущение, что он заглядывает ему в душу, но единственное, что пришло в голову старого стража — Доктор не такой высокий, каким кажется. Он остановился в нескольких сантиметрах от Реймора.

Затем он улыбнулся:

— Нет, нет, нет, вы меня не побеспокоили. Я не мог заснуть. Я просто читал. «Илиаду». Вы её читали?

— Нет, сэр.

Пелтрок подошёл ближе к Реймору.

— А зря, зря, — вдруг лицо Доктора изменилось, словно ему в голову пришла идея. — Вот, — сказал он, вкладывая книгу в руку капитана. — Возьмите. Я её ещё не дочитал, но уже понял, чем она закончится. И присаживайтесь. Кыш, Вайклиф!

Доктор аккуратно перенёс кота в его ящик и сел на освободившееся кресло. Пока кресло разворачивалось лицом в комнату, капитан сделал вид, что изучает полученный подарок. Издание было недавнее, не больше тысячи лет. По эмблеме на корешке было ясно, что книга была позаимствована в одной из колледжских библиотек. Не будь это член Верховного Совета, капитан мог бы поинтересоваться, каким образом эта книга оказалась в частном пользовании. Но вместо этого он лишь поблагодарил Доктора.

— Вы капитан Реймор и констебль Пелтрок, не так ли? — мягко спросил Доктор.

Пелтрок нашёл себе старое деревянное кресло, и оказалось, что больше сидеть в комнате не на чем. Реймор отклонил предложение Доктора сесть на коня-качалку, решив, что лучше постоит.

— Чаю? — предложил Доктор.

Оба стража кивнули, хотя ни тот, ни другой не поняли, о чём их спросили. Когда все заняли места вокруг столика, Доктор нагнулся и взял меньший из двух кувшинов. Он ловко плеснул из него в каждую чашку белой жидкости — судя по виду, обычное молоко. Улыбнувшись своим гостям, он взял другой сосуд и наполнил из него каждую чашку почти до краёв. Наконец, он взял ложечку и по очереди размешал содержимое всех чашек. Закончив эти манипуляции, Доктор дал по чашке обоим охранникам, а третью взял сам.

Реймор взял в руки чашку и почти сразу пролил немного напитка в блюдце. Жидкость была коричневого цвета, над ней поднимался серый пар. Реймор понюхал и аккуратно надпил её. Она была горькая, почти кислая, но это уравнивалось молоком. Видимо, какой-то растительный экстракт. Довольно приятный.

— В Архивах кто-то разбил стекло в шкафу, — объяснил он. — Причина нам не известна.

Доктор надпил чай:

— А что, должна быть причина?

— Сэр, мы тоже так подумали: наверное, это просто вандализм.

Доктор улыбнулся.

— Вы меня не поняли, — он указал им на карманные часы, лежавшие между чайником и кувшином с молоком. — Как они туда попали?

Реймор до этого не замечал на столе часов.

— Должно быть, вы их туда положили, — сделал он вывод.

— Вы думаете?

— Это не обязательно были вы, — предположил Пелтрок.

— Это мог быть кто-нибудь другой.

— Почему?

— Ничто не случается просто так, — объяснил Пелтрок. — Если я нахожу на улице монету, значит, кто-то её уронил.

Доктор повёл бровями:

— И это единственное возможное объяснение?

Пелтрок нахмурился:

— Хозяин монеты... мог... положить её туда умышленно.

— Но только что этих часов тут не было, и вот они есть.

Он немного помолчал.

— А что, если бы там было двое часов?

Доктор опустил взгляд и изобразил удивление тому, что на столе лежало двое часов.

— Двое часов! Или же одни часы, но два раза. Время и пространство элегантно переплетены. Как говорится, время относительно.

— Это фокус, милорд, — сказал Реймор, теряя терпение. — Вы, сэр, пытаетесь при помощи часов доказать философское утверждение.

Доктор усмехнулся:

— В любом случае, теперь они исчезли — и те, и другие.

— Милорд, не могли бы мы вернуться к преступлению?

— А какое оно имеет отношение ко мне? — Доктор нахмурился, его лицо удлинилось. — Уж не подозреваемый ли я?

Реймор вежливо засмеялся:

— Нет, сэр. Этот зал принадлежит Прайдонскому Колледжу, а как самый старший член...

— Если не считать Магистрата, — заметил Доктор.

— Ну... да, сэр...

— Мы подумали, что это могли быть инопланетяне, милорд, — запинаясь, сказал Пелтрок.

Доктор склонил голову набок:

— Почему вы так решили?

— Ни один галлифреец не сделал бы так.

— Но ведь инопланетяне сюда придут только завтра вечером, не так ли?

Два стража переглянулись. Это им в голову не приходило.

— Это сделали вот этим кирпичом, — услужливо сказал Пелтрок, протягивая орудие преступления.

Доктор улыбнулся, осматривая его:

— А замок вы не принесли?

— Эмм... нет, сэр.

— А что это был за замок?

— Настроенный на сетчатку.

Доктор скривил губы:

— Зачем тогда его разбили? Такие замки довольно легко обходятся.

— Только теми, у кого галлифрейские глаза, — тихо пробормотал Пелтрок.

— Даже если и не галлифрейские, это всё равно довольно просто, — заверил его Доктор.

Реймор продолжил свой рассказ:

— Сигнализация сработала, но железные заслонки и сирена каким-то образом были заблокированы.

— Для этого понадобились бы пара деревяшек и одна или две подушки, — вслух подумал Доктор. — Этот шкаф был самый ближний к двери?

Реймор пытался вспомнить:

— Нет, там было чучело птицы и... разбитый шкаф был в самом конце зала.

Доктор улыбнулся:

— И что пропало?

— Пропало? — хором спросили они.

— Мы не думаем, что что-то пропало, — объяснил Пелтрок. — Просто вандализм.

Доктор закатил глаза:

— Кто-то зашёл в зал, отключил сигнализацию, подошёл к самой дальней стене, разбил замок единственного шкафа, не тронув больше ничего. Не похоже на действия глупого вандала, — он прищурился: — Он умный, но не очень хорошо осведомлён. Он умудрился выбрать тот единственный день, когда вы там патрулируете. Ему повезло, что вы на него не наткнулись.

— Мы не знаем, было ли что-нибудь украдено, сэр, — подал голос Пелтрок. — Быть может, вы сможете это определить?

— Я? В каком зале это было?

— В четыреста третьем.

Доктор скривил губы и покачал головой:

— Далеко от общепринятых путей. Но, несмотря на это, я не помню, чтобы когда-нибудь там бывал. Во всяком случае, в последние несколько сот лет.

— Я принёс шкатулку, — чопорно заявил Пелтрок. — Она из того шкафа.

Доктор решительно взялся открывать шкатулку и изучать её содержимое.

— Там не было ничего особенного, — заметил Реймор.

— Конечно, не было. Если бы там было что-нибудь особенное, его бы там не оставили. Итак, ключ к тайне должен быть где-то тут, — Доктор раскрыл шкатулку, вынул её содержимое и разложил его перед собой на столе. — Межпространственные протракторы. Последний раз я видел такие ещё в школе.

Он повертел один из них в руке, вращая им в пяти измерениях. Затем он нашёл два прозрачных диска.

— Это карты данных? — спросил Реймор.

— Да, — вздохнул Доктор. — Но сазу видно, что их повредили много веков назад. Такое мог сделать только сильный импульс излучения. А это значит, что их стёрли ещё до того, как поместили в эту шкатулку.

На самом дне шкатулки лежала рукоять ножа.

— Осторожнее! — предупредил Реймор.

— Что это? — спросил Доктор.

Пелтрок тоже не знал.

— Это силовой нож. Действует по тому же принципу, что и силовое поле, но создаёт лезвие.

Доктор нажал на кнопку. Возникло твёрдое, как металл, лезвие. Доктор внимательно осмотрел его.

— А чем он лучше обычного ножа?

— А вы попробуйте, — предложил Реймор.

Доктор примерял нож в руке и ткнул им в стол. К его удивлению, нож пробил насквозь и поднос, и столешницу. Он прошёл сквозь серебро и дерево так, как будто их не было, войдя по самую рукоять. Теперь он выглядел так, словно был

там всегда, и никакая сила во всей галактике его оттуда не вытащит.

— Какой острый нож, — заметил Пелтрок.

— Лезвие может быть длиной от кварка до метра. Оно само настраивается так, чтобы прорезать что угодно, даже на молекулярном уровне. Если вам жить надоело, им можно даже атом расщепить. Его создали как инструмент универсального назначения.

Доктор осмотрел его:

— Я, пожалуй, буду ограничиваться звуковой отвёрткой. А это не совсем в моём стиле.

Он около минуты рылся в шкатулке: вынул из неё связку ключей, горстку монет, пару треснувших экситонных плат. А затем грустно поднял взгляд:

— Просто хлам. Ничего ценного. Непонятно, почему это не выбросили ещё несколько тысячелетий назад. Всё это ни о чём мне не говорит. Я... — он замолчал, когда ему в руки попался лист бумаги — коричневый от старости, сложенный пополам.

На бумаге заглавными буквами было от руки написано единственное слово: «WHO»². Доктор поморщился, прищурил глаза, словно ему в лицо направили яркий луч света.

Реймор и Пелтрок переглянулись.

— Вам плохо, милорд?

— Вы слышите это? — спросил он. — Оно приближается к нам, оно со всех сторон.

Доктор потряс головой, словно пытаясь что-то вытряхнуть из неё. Затем он поднял взгляд, устремив его на Реймора.

² КТО (англ.)

— Я здоров, — заверил он их. — Просто голова разболелась. Из-за недосыпа, наверное, — он встал. — Больше вы тут ничего не сделаете. Возвращайтесь к патрулированию, остальным займусь я.

Стражи стали по стойке смирно, сказали «Есть, сэр!» и вышли из комнаты.

Было уже семь колоколов, два часа до рассвета, и приключений для одной ночи было уже достаточно, поэтому Реймор и Пелтрок не пошли завершать патрулирование. Они вернулись в казармы, сменили униформы на повседневные туники, сдали своё оружие и коммуникаторы, отдали фонари в люксквартиру.

Ночь была насыщена событиями, а завтрашний день будет не из простых. Во время прибытия инопланетян они оба должны будут быть на посту, а до того большую часть дня они проведут в Паноптикуме, на строевой подготовке. Реймор проворчал об этом, прежде чем уйти к своей койке. А ещё, прежде чем уйти, капитан вручил Пелтроку томик «Илиады», сказав, что ему он не нужен. Пелтрок провёл его взглядом, раскрыл книгу на первой странице, посмотрел на первую иллюстрацию, а затем выбрал на пищевом синтезаторе еду — ничего экзотического, обычное питание. Он поест, начнёт читать книгу, а затем ляжет спать.

Пелтрок подумал о слонах: как они могут играть в четырёхмерный бильярд?

Он встряхнул головой. Откуда такие мысли?

Особенно сложно им было бы держать кий, к тому же у них были бы этические возражения против шаров из слоновьей кости.

Он попытался сесть, но стул из-под него выбили. Ещё до того, как он опустился на землю, к его горлу прижали что-то острое.

— Это силовой нож. Он может разрезать что угодно. В умелых руках он может разрезать...

— Атом, — заикаясь, сказал Пелтрок. — Я знаю. Мы только что это обсуждали.

Лезвие ножа прижалось к его коже, выпустив немного крови.

— Тогда вы должны знать, что к тому, у кого в руках такой нож, нужно относиться с уважением, — голос был спокойный, слишком спокойный, чтобы быть настоящим. — Отпустите ментальную блокировку.

Рука, державшая нож, немного сместилась, и Пелтрок краем глаза увидел напавшего. Чёрные хлопчатые перчатки, просторные рукава из серой ткани. Нож гудел, словно зависшая над его шеей оса.

И тут до Пелтрока дошло:

— О, я понял! Вы попытались прочесть мои мысли, но не смогли. Вы увидели какую-то чушь. Про слонов, да?

Мужчина отступил от него на шаг. На нём был толстый серый балахон, закрывавший всё его тело. Голова была скрыта под тяжёлым капюшоном.

— Все стражи Канцелярии обучены сопротивляться зонду разума, — спокойно сказал голос. — Но есть способы преодолеть вашу подготовку. Зал 403. Я там был.

Там было так темно, — понял Пелтрок. Там могла целая армия спрятаться. Почему им не пришло в голову проверить? Он снова думал об этом... вспоминал всё, а особенно угрюмый слоняра загнал чёрный шар в лузу, сгрёб рядок столбиков

монет, стоявших вдоль края стола, и самодовольно улыбнулся своим партнёрам по игре.

Это опять давала о себе знать его гипнотическая подготовка.

— Покажите мне своё лицо, и мы поговорим, — ответил Пелтрок.

В ответ раздалось что-то вроде рёва, вроде мучительного крика. Нож просвистел в воздухе и рассёк пополам «Илиаду» в кожаном переплёте.

— На кону сейчас *всё*, констебль Пелтрок, и ваша жизнь не важна. Вы расскажете мне то, что я хочу узнать, так или иначе!

Страж что-то прошептал. Мужчина в капюшоне нагнулся ближе, чтобы расслышать.

Пелтрок схватил его капюшон:

— Посмотрим, кто ты такой!

Он потянул вниз. Лица не было, голова была похожа на хромированное яйцо. Пелтрок шагнул назад, в полированном металле он видел отражение ужаса на своём лице. То, что стояло перед ним, издало булькающий смех, занесло руку, и начало приближаться к нему.

Не успел Пелтрок закричать или позвать на помощь, как всё потемнело.

Огонь в камине угасал, чайник остыл, ночь подходила к концу, а Доктор всё ещё не спал. У Вайклифа таких проблем не было, он крепко заснул, свернувшись на своём коврике.

Что-то было не так.

В туфли Доктора просачивалась вода. Он выругал себя за то, что стал на самом краю берега — вокруг него плескался

прибой. На мгновение Доктор опустил взгляд на туфли, а затем осмотрелся.

Здесь пейзаж не соответствовал никакому времени. Конечно же, это была Земля, несомненно Земля. Ни на какой другой планете не было такого освещения, таких запахов и звуков. Невозможно было перепутать Солнце, висевшее посреди чистого зимнего неба, с другим солнцем, и во всей остальной вселенной не было буквально ничего подобного этому морскому бризу. Доктор предположил, что это берег Англии. В паре сотен метров от него над утёсами кружили чайки, над пляжем разносились их крики.

А затем появилось что-то ещё, что-то страшное. Доктор чувствовал, как оно приближается к нему со всех сторон. Оно следило за ним древними глазами.

Мир был кроваво-красным, Солнце разбухло, оно было в два раза старше, чем должно было быть. Красный свет наполнял небо, наполнял море, но тепла от него было мало. Пляж стал темнее и продолжал темнеть.

На фоне Солнца двигалась серая тень. Доктор немного расслабился, узнав в этом затмение. Луна проходила между Солнцем и Землёй. Но... Солнце теперь было больше, оно раздулось от возраста, как же могла Луна его загораживать? Китайцы когда-то считали, что затмения случаются тогда, когда драконы откусывают куски Солнца. Это должно было бы быть огромное существо, с глазами размером с Землю, с хвостом длиннее любой кометы. Доктор представил себе, как у этого существа раскрывается рот, а солнце у него в зубах похоже на фрукт. Доктор понял, что раз он мог это видеть, значит, он уже не мог ничего поделать. Это было в прошлом. Солнце умерло давным-давно, а сейчас угасал и его свет.

Вдали завыл ветер, хотя воздух казался тёплым. Земля была потеряна.

Чёрные столбы проносились по земле, словно лучи прожекторов. Колонны, состоящие из противоположности света, косые, возникающие то тут, то там, скачущие по поверхности моря и вершинам утёсов. Доктор осмотрел небеса в поисках их источника, но они были похожи на солнечные лучи, пробившиеся сквозь тучи.

Вокруг него звенел смех, насмешливый смех, за которым больше ничего не было слышно. Он слышал своё имя.

Что-то из прошлого и будущего, что-то бесконечно большее, чем он. На кону было всё. Всё.

Рядом с ним на море смотрел ещё кто-то. Мужчина его возраста, его роста, но с развевающимися волосами до плеч. Все его дети умерли, а моря пересохли. Начали появляться звёзды. Наступала ночь.

Глаза Доктора распахнулись.

Это был ужасный сон.

ГЛАВА 2

Общая перспектива

Главный Зал Наблюдения за Временем казался больше, чем он был на самом деле, что было неудивительно, учитывая, что по центру в нём была вся бесконечность и вечность.

Помещение представляло собой тор, кольцо размером со стадион, окружавшее камеру бесконечности — одно из величайших технологических достижений повелителей времени, превосходившее мечты даже основателей Галлифрейской цивилизации. Это устройство не просто следило или наблюдало за известной вселенной, оно *включало* её в себя. В некотором смысле, собравшиеся здесь повелители времени смотрели не на изображение Пазити, луны Галлифрея, они смотрели на саму Пазити, в полном масштабе. Повелители времени входили в зал, шли по часовой стрелке вдоль колоннады, отмечающей периметр зала, и занимали свои места. Всего в свете голографической луны находилось чуть больше пятисот повелителей времени. Больше половины их общего числа, что было почти беспрецедентно, особенно с учётом того, что ещё не совсем рассвело. Некоторые из присутствующих, должно быть, впервые вышли из своих комнат за долгие десятилетия. На публичных галереях людей было меньше, но всё равно много. Зал был наполнен гулом разговоров.

Ларна нерешительно отделилась от толпы. Все уже чётко знали, в какой части амфитеатра они должны стоять. Они

собрались в привычные группы, обусловленные сложным соотношением старшинства, должности, принадлежности к колледжам и личных знакомств. Все знали, где им нужно стоять, кроме Ларны. Складки её мантии мешали её рукам и ногам, а высокий церемониальный воротник давил ей плечи.

— Вы потерялись, дорогая?

Она обернулась. Это был лорд Хедин. У него было худое лицо, доброе и проницательное. Он был историк, давний член Верховного Совета, как и его отец до него. Ларна посетила несколько его лекций о Старом Времени. Чаще всего его можно было обнаружить в Бесконечной Библиотеке, за компиляцией библиографии для работы всей его жизни — трёхсот томов «Жизни Омеги».

— Я тут впервые, милорд, — объяснила она. — Я имею в виду на этаже Камеры. Последние несколько лет я бывала только на публичных галереях либо управляла машинами.

Лорд Хедин улыбнулся:

— Вы Ларна, не так ли? Одна из учениц Доктора?

— Да, милорд.

— Вы теперь повелительница времени, миледи. Можете называть меня Хедин.

Она кивнула.

Он указал место на полу:

— Как недавняя выпускница Прайдонского Колледжа и полноценный гражданин Капитолия, вы должны стоять здесь.

Если бы она раньше заметила лорда Гина и леди Тлау, она бы и сама догадалась бы, что ей нужно стоять где-то рядом.

— Вы будете на расстоянии прямой слышимости от Верховного Совета, — сказал Хедин.

Ларне это понравилось, хотя интонация Хедина предполагала, что в этом нет ничего хорошего.

— Вы знаете членов Совета?

— Конечно, — сказала она.

Она знала имена всех, кто стоял вокруг Президента: Магистрата и других министров, Кастеляна, Координатора Матрицы, полдюжины кардиналов, и пару скрытых капюшонами представителей религиозных орденов. Ларне не верилось, что теперь и она стала шестернёй того же тонкого механизма, что и эти люди, что она и сама начинает приобретать звания и обязанности.

Хедин указал на члена Совета с аккуратно подстриженной бородой, в желтовато-зелёной мантии.

— Кто это?

— Советник Норвал, главный научный консультант.

Хедин кивнул:

— Вы не обратили внимания, что он тоже ещё не привык к своей мантии?

Он действительно выглядел немного ошеломлённым.

— Но ведь лорд Норвал стал повелителем времени четыре тысячи лет назад, — сказала она.

Хедин улыбнулся:

— Оглянитесь вокруг, дорогая. Вы увидите, что почти все присутствующие находятся в таком же положении, что и вы. Как вы там сказали? Ошеломлены? Все повелители времени, даже самые старшие, до сих пор в шоке от складок ткани и от веса воротников.

Ларна улыбнулась:

— Спасибо... Хедин.

Хедин улыбнулся.

— Инопланетные флоты вышли на позиции, — провозгласил техник.

— Не так давно это делали вы, не так ли? — спросил её Хедин. — Когда вы были тут в последний раз, на вас была эта монокромная униформа.

Невозможно было стать повелителем времени, хотя бы недолго не проработав техником, но дежурства Ларны ни разу не попадали на такие важные события.

— Последний раз я была техником во время воссоединения планет Тарвы и Аламбила.

— А я это пропустил, — грустно сказал Хедин.

— В Матрице заархивированы полные протоколы, милорд. Вы можете воспроизвести их в любой момент.

Хедин кивнул:

— Да, но это ведь не то же самое, что присутствовать тут, правда?

— Архивирование не приводит к деградации... — она замолчала; её слова опережали её мысли. — Вы правы. Есть качественная разница между наблюдением за тем, как собираются данные, и просмотром записи.

Он улыбался:

— Вы знаете сегодняшнего дежурного техника?

Она повернула голову:

— Он был со мной в группе на одном из курсов. Его зовут Вейм из Олиести.

Она немного завидовала Вейму, но в то же время была рада, что ей не нужно было заниматься управлением. Мало кто из повелителей времени при входе в Зал замечал техника. Да и сейчас, когда он заговорил, мало кто его заметил, однако малейшая ошибка с его стороны могла стать для него позором,

даже концом его академической карьеры. В голосе Вейма была лёгкая нервозность, он немного терялся среди этого собрания.

— Олиести — это один из Трёх Малых Городов Востока.

— Верно.

— Несмотря на связи его семьи, вы закончили обучение раньше него.

— Видимо, это из-за того, что его наставника каоны интересовали больше, чем ученики.

Хедин тихо засмеялся:

— Вы о Рэтфэке?

— Да, милорд, — она оглянулась, испугавшись, что тот может услышать, но его не было рядом.

— Дурак. Хуже того, старый дурак.

Распорядители начали призывать к тишине.

— Мне лучше пройти на своё место. Приятно было с вами поговорить, леди Ларна.

Кивнув ему, она заняла своё место.

Ларне не нужно было прислушиваться, чтобы слышать, о чём все говорят. Присутствие Вейма собравшиеся повелители времени могли и не замечать, но они заметили отсутствие кое-кого важного. Помимо обычных разговоров повелители времени начали обсуждать пустое место в рядах Верховного Совета. Где же виновник сегодняшнего собрания?

— Ещё есть время отменить всё это, — из-за спины Президента подал голос один из рядовых членов совета.

Теперешнее тело Президента было невысоким; его покрытое морщинами лицо было ещё бледнее, чем его мантия цвета слоновьей кости, и чем седина его бороды. Казалось, что ему с трудом удавалось стоять в церемониальном Поясе Рассилона. Он не повернулся к тому, кто обратился к нему.

— Я консультировался с Матрицей, — сказал он, указывая на металлическое кольцо, зависшее над его головой, как нимб.
— Это будет знаменательный день.

Снова усилился гомон обсуждений.

Вперёд вышел один из членов Совета — лорд Норвал, о котором Ларна только что беседовала с Хедином.

— Лорд Президент, раз уж у нас задержка, быть может, мы могли бы воспользоваться этой возможностью и обратить внимание на темпоральное мерцание в...

— О нет, не смей! — отозвался другой, высокий дромейский член совета, проталкиваясь сквозь толпу.

Ларна увидела, что это был Кастелян Воран, только что прибывший со своим толстым маленьким помощником, Пендрелом.

— Вначале нам нужно изучить недавние беспорядки на Тайлерс Фоллис. Некоторые из других высших сил рекомендуют своим гражданам покинуть эту зону. Эта планета является крупным узлом во времени и события на ней...

— Представляют ограниченный интерес, Воран, как ты прекрасно...

Кастелян махнул рукой:

— А темпоральное мерцание важнее? В отличие от твоей небольшой проблемы, рассмотрение Тайлерс Фоллис находится в планах ближайшей сессии Совета.

Президент поднял руку:

— Хватит!

Оба повелителя времени замолчали. Президент благодарно кивнул.

— Магистрат? Где Доктор?

Магистрат шагнул вперёд. Это был мужчина среднего роста, одетый в толстую чёрную мантию. Его лицо было болезненно-бледным, с острой бородкой, но не это в его облике запоминалось. Больше всего запоминались его тёмные, прожигающие глаза. Магистрат был одним из наиболее доверенных советников Президента и самым старым другом Доктора.

— Я его поищу, ваше превосходительство.

Президент покачал головой:

— Вы нужны мне тут.

Он попросил одного из кардиналов найти Доктора, а затем повернулся к собравшимся повелителям времени:

— Раскройте врата Вихря Времени.

Они его даже не связали.

Он был в Нижнем Городе — это Пелтрок понял, как только открыл глаза. В воздухе был запах сырого ковра и жареных клубней; было слышно толпы людей, проходивших за окном по мощёным переулкам. Он сидел на стуле, который стоял посередине пустой комнаты; на втором этаже, судя по тому, что ему удалось разглядеть в грязных окнах. Ковра не было, освещал комнату свисавший с потолка химический фонарь, а единственными предметами мебели были старый платяной шкаф и сундук, который выглядел так, словно сто лет пролежал под водой. Дверь была одна.

Пелтрок встал и размял мышцы. Никаких последствий потери сознания не было, даже голова не кружилась. Что бы фигура в маске для него ни уготовила, это ещё не применяли. Все известные Пелтроку зонды разума требовали того, чтобы изучаемый был в сознании.

Нижний Город состоял из построек, стихийно возникших вокруг колонн, поддерживавших Купол Капитолия. Даже на Галлифрее были бедные. Многие жители Нижнего Города прибыли в Капитолий, надеясь устроиться в Стражу, или на государственную службу. Некоторые, возможно, пытались поступить в Академию. Другие, возможно, отказались от жизни в Капитолии, разочаровавшись в правлении повелителей времени. Пелтрок тоже иногда чувствовал разочарование, он видел, что в Нижнем Городе образ жизни совсем не такой, как в дисциплинированном, упорядоченном верхнем мире, но он не видел преимуществ в том, чтобы переселяться сюда. На самом деле люди здесь жили потому, что это был компромисс со многими преимуществами Капитолия, включая источники энергии, свежую воду, и действие законов, но без социальных обязанностей «таймиков», без десятины. Власти терпели Нижний Город, потому что это позволяло им следить и контролировать беззаконие, не давая ему выходить за пределы Нижнего Города, который был у них на глазах. Довольно немалое количество повелителей времени, особенно молодых, решалось посещать местные бары и бордели, чтобы посмотреть, как живут другие люди. Это были лицемеры; аристократы, игравшие по ночам в простолюдинов. Капитолийской Гвардии регулярно приходилось устраивать спасательные операции, вырывать одного из таких лордов из лап какого-нибудь преступника, но эти повелители времени по крайней мере признавали само существование таких мест. Грустная же правда была в том, что бедные жили в Нижнем Городе потому, что большей части элиты не было интересно, как живут бедняки.

Он подошёл к окну, провёл по стеклу пальцем, сняв пыль, и выглянул наружу, пытаясь рассмотреть что-нибудь знакомое.

Некоторые части Нижнего Города были почти респектабельными. Местами богатые торговцы нашли и восстановили развалины старых вилл, восстановили старые дороги и те части древнего города, которые не были накрыты Куполом через поколение после Рассилона. Таким местам была свойственна искренняя гражданская гордость, не говоря уже о процветающей экономике. А другие части Нижнего Города состояли из грязных временных сооружений, построенных из упаковочных материалов и обломков. Не было, разумеется, ни болезней, ни голода, и продолжительность жизни была такая же, как и у повелителей времени (если не обращать внимания на то, что количество несчастных случаев здесь было на несколько порядков выше, чем в контролируемой среде Капитолия и Цитадели). Но в Нижнем Городе дар бессмертия означал лишь то, что бедные проводили в нищете на десять тысяч лет больше, чем могли бы.

Этот район, как и большинство, был где-то посередине между двумя крайностями. За окном было темно, значит это либо подземная часть Города, либо сейчас ночь. Точнее сказать, глядя отсюда, было невозможно. Нельзя было понять, на какой он улице.

Со стороны лестницы донёсся скрип. Кто-то шёл. Пелтрок напрягся, у него не было возможности занять более выгодную позицию. Ещё бы несколько секунд, и он мог бы стать за дверью, приготовиться напасть. Отодвинулся засов, и в дверь вошли мужчина и женщина.

На них были туники, которые предпочитали носить аутсайдеры — галлифрейцы, отказавшиеся от цивилизованной

жизни в пользу дикой жизни за пределами стен и куполов. Их загорелые лица и мускулы на руках свидетельствовали о том, что они были настоящими изгоями, и что они знают, как пользоваться металлическими клинками, висевшими в ножнах на их поясах. А современного вида коммуникаторы на их поясах свидетельствовали о том, что они отказались не от всех технологий. Мужчина был большой и сильный; женщина стройная, её волосы были заплетены в косы.

— Хуран, он очнулся! — вскрикнула женщина.

— Разумеется, он очнулся, — раздался спокойный голос из-за спины Пелтрока. — Быстрее! Уже почти рассвело.

Он всё это время стоял у Пелтрока за спиной. Всё ещё в балахоне с капюшоном, и по-прежнему в безликой металлической маске. Пелтрок подумал, а не робот ли это, или какая-нибудь искусственно созданная форма жизни? Может быть, даже что-то более изощрённое, вроде шейда? Но чем больше Пелтрок об этом думал, тем увереннее становился в том, что под этим покровом был мужчина. Мужчина в маске и с устройством для искажения голоса. Была в голосе некая нестабильность, которую не стали бы программировать в роботе. Но рассмотреть его телосложение не удавалось, не говоря уже о лице.

Мужчина-аутсайдер готовил вынутый из пояса шприц.

— А теперь, констебль Пелтрок, вы расскажите мне то, что я хочу знать, — сказал человек в маске.

Аутсайдер передал шприц своему хозяину, и тот взял его как нож. Безликая маска наклонилась ближе.

— Спросите у меня вежливо, — сказал ему Пелтрок. — Может быть, я смогу вам ответить и без этого.

Человек в маске бросился к нему и грубо и неумело воткнул шприц Пелтроку в бок.

Пелтрок вскрикнул от боли, и в этот момент он почувствовал, как его сознания коснулся чужой разум. Было такое чувство, словно его заперли в комнате с тигром. Он спрашивал о шкатулке. То, что было в шприце, разъедало его ментальные блоки. Он чувствовал это, тепло растекалось по его венам, как кислота. Сейчас он бы не стал полагаться на свою подготовку, но у него была ещё и собственная сила воли, его собственный неприкасаемый запас.

У Пелтрока подкосились ноги, и он схватился за спинку стула, чтобы не упасть.

— А почему вас это так интересует? Там ничего не было. Только нож, несколько дисков, и несколько ключей, — услышал он свой голос.

Краем зрения Пелтрок следил за двумя аутсайдерами. После всех этих стараний с сокрытием лица, мужчина в маске допустил очевидную ошибку: он нанял двух человек, чьи лица можно было читать как книги. На первые два слова реакции не было, но когда он сказал «ключи»... они так переглянулись, что с таким же эффектом могли бы просто крикнуть о том, что им нужны именно ключи.

— Я вам не скажу, — сказал Пелтрок, напрягся, и выпрямился.

Мужчина в маске этого не заметил. Пелтрок подумал, что маска, наверное, ограничивает его противнику поле зрения. Тот вынул из складок своего плаща силовой нож.

— Вы всё расскажите мне, констебль, так или иначе.

Он нацелил прибор, неумело настроив его.

Пелтрок поднял стул, взмахнул им и ударил мужчину в маске. Застигнутый врасплох, тот потерял равновесие, вскрикнул, и упал, а нож выкатился из его руки.

Аутсайдер-женщина с визгом побежала к Пелтроку.

Пелтрок схватил нож и направил на неё.

Должно быть, диск настройки сместился, пока нож катался по полу. Вырвавшееся из рукояти лезвие оказалось длинным, как копье, этого хватило не только на то, чтобы пронзить её грудь, но и оторвать её от пола и ударить об заднюю стену с такой силой, что штукатурка треснула. Дёргая руками и ногами, закатив глаза, её тело скользнуло вниз.

И Пелтрок, и второй аутсайдер на мгновение застыли в шоке. А затем мужчина — Хуран — бросился на него. Было очень просто увернуться и позволить ему рухнуть на пол. Пелтрок понимал, что его приоритетом должен быть лидер, а не наёмники.

Мужчина в маске подбежал к двери и распахнул её ударом ноги. У него на ногах были тяжёлые сапоги, казавшиеся почти металлическими.

Пелтрок направил меч на дверь, но человек в маске уже скрылся из виду; было слышно, как он бежит вниз по лестнице.

Хуран ударил Пелтрока кулаком, и тот упал на колени. Пара ударов ногой по рёбрам — и он опустился на пол. Нож всё ещё был у него в руках, всё ещё настроенный наносить удар с силой мчащегося поезда.

— Не заставляй меня делать это, — всхлипнул Пелтрок.

— Ты убил Йири, ты знаешь, как долго мы были вместе?
— каждое своё слово он дополнял ударом кулака или колена.

— Я не хочу тебя убивать, — сказал Пелтрок.

Но Хуран его не слышал, он прижал Пелтрока к полу и колотил его, не обращая внимания на то, попадает ли он по лицу, по груди или по гениталиям. Пелтрок почувствовал, что у него сломалось ребро, он хотел, чтобы его вырвало. Аутсайдер не думал, его не учили рукопашному бою. Если бы учили, Пелтрок был бы уже мёртв. Нужно было держаться за эту мысль, пока его тело получало удар за ударом. Держаться... Нож. Нужно не выронить нож.

А затем аутсайдер был уже в другом конце комнаты, он держал на руках тело своей возлюбленной. На его фоне она казалась такой маленькой, словно кукла.

Пелтрок, должно быть, на мгновение потерял сознание. Аутсайдер решил, что он умер. Мир был... грязнее... его звуки и изображение были не такими отчётливыми, какими они должны были быть. Он оглох и ослеп на один глаз. Он вскрикнул от шока, но не услышал этого. Это всего лишь кровь в глазах и ушах, — успокаивал он себя после момента паники. И он настолько ослаб, что крик, который, как ему казалось, мог поднять мёртвого, в другом конце комнаты не было слышно. Хуран не знал, что он в сознании... что он жив.

Если не считать добровольной смерти, он мог сделать лишь одно. Он заставил себя встать, бросился на Хурана с лезвием размером с меч, воткнул его в спину, сквозь сердце, а затем провёл лезвием влево, во второе сердце. Так его учили убивать галлифрейца мечом, и это был первый случай, когда ему пришлось воспользоваться этим навыком. Аутсайдер один раз дёрнулся и свалился вперёд, на свою возлюбленную. Его кровь легко стекала с лезвия, капала с рукояти.

Ноги Пелтрока подкосились, и он снова потерял сознание.

На три этажа ниже камеры бесконечности большой колокол Паноптикума начал бить девять колоколов. Это было слышно по всему этажу главного помещения Наблюдения За Временем.

Кардинал, отправленный искать Доктора, едва успел отойти от Президента, как в конце зала возникло движение. Ворча, толпа повелителей времени неохотно расступалась. В центре этой суматохи был Доктор; в одной руке он держал свою шапочку, а другой пытался расчистить себе дорогу.

— Простите, я опоздал, — говорил он, хотя его почти никто не слушал. Он протолкнулся мимо группы Ларны и подошёл к Президенту.

— Я много пропустил? — спросил он, тяжело дыша и с широкой улыбкой натягивая на голову шапочку.

Это был тот, кто пригласил на Галлифрей инопланетян, бывший наставник Ларны. Теперь он стоял рядом с Президентом, меньше, чем в трёх метрах от неё. В то время как все внимательно смотрели на огромный дисплей в центре зала, Ларна не сводила взгляд с Доктора. Он был рядом с несколькими своими коллегами из Верховного Совета, с теми, кто были его друзьями, как Хедин и Магистрат. В своей красной мантии он вёл себя абсолютно естественно, словно это была его повседневная одежда. Но, несмотря на блеск его глаз и улыбку, Ларна чувствовала в нём грусть. Причину этого было легко понять. В отличие от всех остальных (кроме бедняги Савара), Доктор путешествовал. Он был тем, кто видел другие небосводы, оставлял следы на чужих планетах. Иметь такую свободу, а затем лишиться её... это, должно быть, бесконечно хуже, чем никогда её не испытывать.

Обречённый наблюдать за вселенной на экране мониторов, а не ходить по ней.

— Оба флота сейчас в Вихре, — сообщил Доктору Хедин.

— Они вот-вот придут, — поправил его Президент.

Колокол ударил девятый раз.

— Ну вот, — сказал Доктор. — Я ни капли не опоздал, я абсолютно вовремя.

Пространство и время изящно развернулись, и два космических флота появились на выделенных для них позициях, каждый над своим полюсом Пазити Галлифрея.

Даже самого поверхностного взгляда было достаточно, чтобы сказать, что оба флота были построены расами, которые эволюционировали по абсолютно разным траекториям на противоположных концах галактики.

Один состоял из огромных грубых конструкций из тёмного металла. По целому ряду практических причин — к примеру, из соображений простоты производства и ремонта в боевых условиях — всё, что выходило с роботизированных конвейеров и космических доков, было модульным, простым в сборке, стандартизированным, и все корабли выглядели очень похоже. Единственным отличием был размер: самые маленькие истребители были поперечником от силы три метра, а флагман имел диаметр больше трёх миль. У них были все защитные экраны, щиты, и силовые поля, которые только можно было ожидать от боевого судна, но помимо этого у них ещё была толстая броня, деление корпуса на отсеки, запасные части и перестраховки, которые в любых других обстоятельствах показались бы нелепо избыточными. Некоторые расы воинов любили украшения — узоры на рукоятках мечей или на космических доспехах. В этом флоте не было ничего такого.

Всё было исключительно функционально, и хотя корабли были красивы (в том же смысле, как красивы поршневые двигатели или подвесные мосты), в этом не было искусства, только массовое производство. Этот флот завис над северным полюсом Пазити Галлифрея, абсолютно неподвижный.

Другой флот больше радовал глаз. Каждый из кораблей обладал идеальной радиальной симметрией. Они были похожи на снежинки и освещались изнутри, искрясь на фоне ночного неба, словно пойманные звёзды. И подобно снежинкам, каждый из них не был похож на других. Но это не было связано с эстетикой. Их технология была основана на кристаллических структурах, оптическая информация проходила, распространялась и преломлялась в сложных призматических формах. Строители этих кораблей могли выращивать алмазы в ёмкостях и культивировать их в процессе их формирования на атомном уровне. Это был идеальный материал для тех, кто умел им пользоваться: лёгкий, твёрдый, почти не деформируемый и не разрезаемый. Алмазные корабли, сиявшие как хрустальные люстры, были такими же функциональными, как и металлические корабли противника. Хотя материнский корабль был огромен, другие корабли преимущественно были меньше кораблей противника. Они кружились и роились вокруг материнского корабля по тщательно продуманным траекториям, казавшимся со стороны хаотическими.

Логистика битвы, логика действия и противодействия означали, что эволюции военных технологий двух рас сближались за время их долгой войны. С поправкой на различия в биологии и технологии два флота были примерно одного размера: около сотни крупных боевых кораблей и примерно в десять раз больше кораблей поддержки. В

большинстве обстоятельств тактики сходились на том, что пары крупных кораблей было достаточно для покорения одной планеты.

Два флота были разделены в пространстве, но лишь символически. Их ближайшие друг к другу края отстояли друг от друга примерно на две с половиной тысячи миль, что было вполне в пределах возможностей их оружия. Луна не представляла собой физическое препятствие, оба флота могли начать боевые действия не сходя с места. Управляемые ракеты вполне были способны облететь вокруг Пазити, гравитационные линзы могли заставить энергетические лучи обогнуть толстую атмосферу луны. Или же, если бы это показалось излишне изощрённым, в обоих флотах почти любой корабль среднего размера имел орудия, способные расколоть луну, а более крупные корабли могли использовать гравитронные лучи для того, чтобы направить её радиоактивные обломки в стратегические точки вражеского флота.

Оба противника к этому времени уже знали сильные и слабые стороны своего врага. За время войны обе стороны собрали более чем достаточно данных для предсказания возможного итога сражения. Как шахматные компьютеры или гроссмейстеры, боевые компьютеры могли думать на несколько ходов вперёд. Как цепочка падающих домино, последовательность событий была неизбежна. Очень быстро, в течение десяти-двадцати секунд, обе стороны будут знать о том, кто выиграет, а кто проиграет.

На ранних стадиях войны обе стороны брали пленных, вражеские суда захватывались ради научного анализа или даже просто ради использования в качестве сырья. Почти всё, что

противники знали друг о друге, происходило из этих источников. Базы данных, зонды разума, запечатанные приказы на особые случаи, анализ научных достижений, шифры связи. Всё это победители добывали на поле боя. И победитель получал преимущество во всех будущих сражениях. Очень быстро стало стандартной тактикой, когда проигрывающая сторона запускала самоуничтожение всех оставшихся видов оружия, реакторов и батарей. Вся эта энергия вырывалась мгновенно огромным взрывом, из-за которого даже крохотный кусочек твоей технологии не попадал во вражеские руки. Разумеется, при правильном выборе момента этот взрыв зачастую уничтожал и большую часть вражеского флота. За время войны стало высоким искусством вычислить оптимальный момент для совершения массового самоубийства — позволить врагу подойти ближе, но не слишком близко, чтобы тот не испугался и не сбежал в гиперпространство. Теперь практически любой боевой корабль при самоуничтожении мог унести с собой на тот свет небольшой планетоид, а в нескольких исключительных случаях «само»-уничтожение боевого флота приводило к опустошению целых планетарных систем.

Практически из этого следовало, что каждый раз, когда эти две расы сталкивались друг с другом, они обменивались парой выстрелов, после чего одна из сторон понимала, что проигрывает, и самоуничтожалась, забирая с собой в мир иной противника. В эту эпоху редкая битва длилась дольше минуты, и в целом выживало меньше одного процента бойцов.

Зависшие над Пазити флоты начали сканировать друг друга, выискивая что-нибудь хоть немного агрессивное, просчитывая каждую угрозу, начиная с конкретной расстановки

сил и вооружений на самых крупных кораблях и заканчивая широким поиском нано-оружия. В считанные секунды были составлены планы сражений, были вычислены приоритетные цели, ракеты заправлены, энергетические орудия наведены.

Но ни одна из сторон не открывала огонь первой. Сегодня, впервые в известной истории, сонтарский и рутанский флоты находились в одной звёздной системе и не пытались тот час же аннигилировать друг друга.

Примерно в то же время командующие обоих флотов поняли, что противник не собирается атаковать. Не сводя пристального взгляда с врагов, боевые компьютеры начали осматриваться в поиске других целей. Это была звёздная система из пяти планет, её звезда имела признаки значительного инженерного вмешательства, призванного оставить её в Главной Последовательности. Лишь одна из планет имела существенное население — сам Галлифрей. Наибольшая концентрация населения была в большом, прикрытом куполом городе в северном полушарии планеты.

Орудия, ракеты, и прочее оружие обоих флотов, все как один навелись на Капитолий.

Доктор облегчённо вздохнул, надеясь, что никто этого не заметил. Он огляделся, чтобы убедиться в этом, но никто не отводил взгляда от двух флотов. Никто, кроме Ларны. Она всегда была одной из более наблюдательных учениц. Парадоксально, но то, как аккуратно она заплела свои длинные светлые волосы, чтобы выглядеть старше, лишь подчеркнуло её молодость. Но теперь она была повелительницей времени и одной из немногих в этом зале, кто искренне хотел, чтобы эта инициатива закончилась успехом. Он ей широко улыбнулся,

она тоже улыбнулась. Ларна только-только получила диплом, должно быть, она впервые одела эту мантию цвета клюквы, но смотрелась она здесь вполне уместно.

— Темпоральный перенос завершён, — объявил техник.

— Впечатляющая демонстрация, — признал Хедин. — Но действительно ли им необходимо было так много кораблей?

— Они пытаются произвести на нас впечатление, — хихикнул Магистрат. — Это должно быть демонстрацией их силы.

Хедин отвернулся от него и снова всмотрелся в бесконечность.

— Ну что вы... Это, конечно, весьма эффектно, но...

— Этим они выдали свою неуверенность, — вмешался женский голос.

Доктор и его коллеги обернулись на голос. Люди, стоявшие вокруг Ларны, словно расступились, чтобы её было видно. Доктор подумал, что от удивления приподнялось столько бровей, что их движение можно было услышать.

— Чему вы сейчас учите своих учеников, Доктор? — спросил Воран.

Это был высокий худой мужчина, девятикратный профессор, член Совета, которого, впрочем, никто не любил.

— Тому, что старшие *могут* быть лучше их. Тому, что каждый учитель всё ещё ученик. Ларна была одной из лучших моих учениц. Вы бы могли многому у неё научиться.

Доктор подумал, что дразнить такого человека было бесполезно. Он не изменит своё мнение, ни за что.

— Подойдите сюда, Ларна, — сказал Президент.

Покраснев, она шагнула немного ближе.

— Ближе, дитя, — сказал Президент, любуясь ею.

Хотя он был одним из самых старых повелителей времени, он любил компанию молодых. Доктор подумал, что это было одной из причин того, что его, Доктора, деятельность терпели. Он и Магистрат были единственными членами Совета моложе двух тысяч лет.

— Продолжай, — подбодрил её Доктор.

Ларна шагнула ещё ближе, пытаясь собраться с мыслями.

— Это расы воинов. Их культуры основаны на власти, военном превосходстве. Но они не могут не знать, что галлифрейские технологии намного превосходят их собственные. Они знают, что если сделают выстрел, тот лишь отскочит от квантовых силовых полей и трансдукционных барьеров. Мы можем дематериализовать любое оружие, мы можем сделать так, чтобы их родные планеты никогда не существовали.

Один из уголков рта Магистрата приподнялся, что говорило о том, что он этим доволен.

— Тогда зачем им наводить оружие на нас? Кого они пытаются впечатлить?

Вопрос риторический, но Ларна с радостью ответила.

— Не нас. Повелители времени не воины, и они это знают. Они пытаются приободрить себя. Они считают себя... не вполне равными нам... но они хотят иметь возможность считать, что у них есть сила. Зачем ещё было посылать сто кораблей? Мы можем обеспечить безопасность транспортировки гораздо лучше, чем флот их боевых кораблей. Сонтарская делегация со всеми припасами могла бы поместиться в один шаттл, а эмиссару рутан достаточно чего-то размером со спасательную капсулу.

Широко улыбаясь, Магистрат запрокинул голову:

— Они бессильны. Лучше было послать один корабль с одним пилотом. Главное, чтобы это были правильно выбранные корабль и пилот.

— Да, милорд, — быстро согласилась она.

Доктор положил ей на плечо руку.

— Молодец, — прошептал он.

Хедин тоже усмехнулся.

Президент продолжал смотреть на два флота.

— Во вселенной много воинственных рас, — грустно сказал он. — Много тех, кто умеет создавать ужаснейшие вооружения.

— Способность уничтожать противников проявила себя как эффективный метод обеспечения собственного выживания, — сказал Магистрат почти восхищённым голосом.

— Но есть ведь и другие методы процветания? — сказал Доктор.

Он обвёл всех взглядом, ожидая возможные варианты. Он попытался сформулировать своё приглашение к обсуждению так, чтобы оно распространялось не только на его учеников, но и на членов Верховного Совета. Быть может, даже на Президента.

— Стать торговцами, — сказал один из лордов.

Доктор кивнул:

— Или торговать своей квалификацией: Веганы добывают полезные ископаемые, Schlangi строят космические корабли. И те, и другие продают свои услуги любому, кто готов платить, и их клиенты защищают их.

— Стать паразитами, прислуживать успешной расе или питаться за её счёт, — добавил молодой студент.

— Просто прятаться, не привлекать к себе внимания... — предложил Воран.

— Стать энергетическими сущностями чистого разума, — хихикая, сказал Пендрел. Он, несомненно, был доволен тем, что привёл более благородный пример, чем его начальник, Воран.

— Расплодиться во вселенной в таких количествах, что никто не сможет перебить всех, — добавил Хедин, с ноткой презрения в голосе. — Думаю, что и сонтаране и рутане изначально развивались именно таким путём.

Доктор кивнул:

— Это единственная причина, почему война между ними тянется так долго. В подходящих условиях размножающийся сонтаранин способен за минуту произвести миллионы потомков. Через шесть дней они будут взрослыми и готовыми к бою. Рутане по своей сути являются гигантскими амёбами, каждая клетка способна стать полностью сформировавшейся особью, частью группового сознания.

— Я удивлён, что они не уничтожили себя сами, ещё задолго до того, как открыли космические путешествия, — сказал Президент. — Какое варварство.

Лорд Нарвал покачал головой:

— С точки зрения эволюции, у воинственных есть много преимуществ. Хороший военный собран, ни на что не отвлекается. Помимо самого лучшего оружия он нуждается в лучших средствах связи, в лучших средствах транспортировки.

— Но эта стратегия рискованна. Живи с мечом, умри от меча, — сказал им Доктор.

— С другой стороны, — подала голос Ларна, — некоторые цивилизации обнаруживают, что во время войны или при реальной угрозе войны возникает период технологического

прогресса. Часто развитие одной из сторон вызывает прорывы у другой стороны. Когда сонтаране изобрели спектронный двигатель, рутанам резко понадобились более чуткие сенсоры, иначе их истребили бы внезапными атаками. Поэтому они изобрели лучшие сенсоры.

Взгляд Доктора был устремлён на два флота.

— Войны между сонтаранами и рутанами это даже не гонка вооружений, а марафон вооружений, декартлон вооружений. Подумайте, чего бы они смогли достичь, если бы их учёные тратили время на строительство ора, а не мечей.

Несколько из собравшихся повелителей времени рискнули высказать мнение, что все инопланетяне дикари.

— Это нормальная стадия, через которую проходит большинство цивилизаций, — напомнил им всем Доктор. — Даже Галлифрей прошёл через фазу галактического завоевания и сражений, много миллионов лет назад.

Воран возразил:

— Я знаю об этом. Мы переросли это. Но сонтаране и рутане воюют со времён Рассилона и Омеги. Это у них в крови, в мемах... они не знают ничего другого. Позвольте поинтересоваться, а какой у Доктора следующий пункт плана? Быть может, он хочет выступить переговорщиком между кошками и собаками?

Раздался смех, достаточно сильный, чтобы расстроить Доктора. Он постарался не выдать свои чувства.

— У меня нет плана, лорд Воран.

— Живи по плану, умри по плану, — сказала Ларна, едва скрывая злость.

Раздался более громкий смех, захихикали даже Президент и Магистрат. Критики Доктора замолчали.

Ещё на заре вселенной сонтаране и рутане были обычными милитаристскими обществами. И те, и другие строили свои империи как обычно, начав со своих родных планет, затем расширяя сферу своего влияния, подчиняя себе соседей. До этого не было ничего необычного. Быстрый рост населения означал, что колонизируемые планеты быстро заселялись, превращались в рудники и фабрики, и делали свой вклад в экспансию. Были и другие расы, управляемые военными, у них были кодексы воинов, целые общества развивались на понятиях чести, рыцарства и шпионства. Жизнь в них была последовательностью славных битв, великих завоеваний и ужасных поражений, героев и предателей, царей и полководцев, рыцарей и армий. У них были рассказы, легенды, саги о войнах и воинах. Но сонтаране и рутане были не такими. В каком-то смысле Воран был прав. Это были две расы, которые *существовали* ради войны, всё остальное они забыли. Но наверняка, наверняка какая-то часть сонтаранского и рутанского разума стремилась к миру. Иначе ради чего они сражаются, если не ради надежды на лучшие времена после войны?

— Из какой эпохи эти два флота? — спросил лорд Хедин.

Магистрат шагнул вперёд, и позади него возникла голографическая диаграмма Пенроуза, подписанная неразборчивыми рунами.

— Чтобы свести к минимуму нарушения известной истории, мы выбрали период в далёком будущем. За три тысячи лет до Последнего из Людей.

— И через большой промежуток времени после падения нашего народа, — заметил Хедин.

— Всему есть своё время, — мрачно ответил Президент. — И мы, как его повелители, должны знать это лучше, чем кто-либо другой.

Повелители времени следили за линиями времени, наблюдая и записывая всё с самого начала: от Первого События, Большого Взрыва, отметившего создание вселенной из сингулярности, до конца, Второго события, когда вселенная вновь обрушится в сингулярность. Хотя они и могли обозревать всю вселенную с надменных высот Галлифрея, повелители времени не могли отправиться в собственное будущее и не могли изменить собственное прошлое. Такова была плата за их титул. Но по мере накопления информации, по мере составления экстраполяций, они не могли не узнать чего-нибудь и о собственной судьбе. Они не могли видеть своё будущее, но они могли заметить отражение грядущего, экстраполировать рябь и тени во Времени. Где-то на стене руины была записана легенда, где-то в забытой библиотеке осталась заметка на полях. Они знали некоторые из имён, которые появятся в учебниках истории будущего: Варнакс, Фракция Парадокс, Катаволкус, Времяточец. Угрозы всей расе повелителей времени, но угрозы исчислимые, такие, в которых повелителям времени было суждено выжить.

Но была и другая.

Детали были расплывчатые. Должен был случиться конфликт, война против безжалостной силы. Это был не первый слух об уничтожении Галлифрея. Но лишь один из слухов мог быть верным. Верховный Совет не знал, что предпринять. Нужно ли им повелеть Матрице прочесать всю вселенную в поиске угроз такого масштаба, о котором говорится в легендах, или же такой приказ сам по себе станет

первым событием в цепи, которая неизбежно приведёт к контакту, а затем и к конфликту с этим врагом? Ко всеобщему облегчению, комитет, занимавшийся этим вопросом, ещё не принял никакого решения, даже после нескольких тысячелетий размышлений.

Президент снова смотрел на два флота.

— Это наша последняя возможность передумать, — предупредил Доктор. — Как только мы пригласим делегации к себе, у нас не будет больше возможности отступить.

— Ты сомневаешься? — спросил Магистрат.

— Нет, — ответил Доктор. — Нет, но другие, присутствующие здесь, всегда сомневались. Они будут прикрывать это сарказмом, они будут говорить у нас за спиной. Но когда это обсуждалось в Совете, они, как всегда, поддержали своего Президента. Я просто хочу, чтобы они все знали, что я откажусь. Я остановлюсь немедленно, отправлю оба флота домой. Год переговоров ушёл только на то, чтобы договориться о том, над каким полюсом Пазити появится каждый из этих флотов. Но я заброшу всё это. Я сделаю это, если повелители времени решат, что так будет лучше. Говорите сейчас, или не мешайте. Если мы возьмёмся за это, то будем двигаться до конца, чего бы это ни стоило, какие бы ни были последствия.

— Что же, я из тех, кто против, — после небольшой паузы сказал Воран. — Это абсурдно. Этот «Доктор» просто идиот, если думает, что может что-то изменить.

— Он повелитель времени, — предупредил его Магистрат.
— Член Высочайшего Совета.

— Насколько я помню, он с трудом получил учёную степень. Ни один колледж после этого не хотел брать его на

работу. Тем не менее, он пользуется этим ярлыком своих неудач в учёбе в качестве имени. Вам действительно так нужно выставлять напоказ свою необразованность, Доктор?

Доктор улыбнулся:

— Нет. Но и исчислять её мне тоже не нужно, старший преподаватель девятикратный профессор Воран.

Пендрел хлопнул в ладоши.

— Я поддерживаю Доктора! — взвизгнул он. И тут же замер под резким взглядом Ворана.

— Сколько было погибших за время войны? — спросил другой член Совета.

— Мы можем поставить перед Матрицей задачу подсчитать погибших, — сообщил им Координатор Матрицы. — Это сложнейшая задача, даже для нас. Предполагаю, что на подсчёт погибших уйдёт примерно день.

— И вернёт ли это хотя бы одну жизнь? — спросил Доктор.

— Вы же знаете, что нет.

— Тогда нам незачем их считать. Давайте изменим будущее.

Некоторое количество повелителей времени одобрительно забормотали.

Президент повернулся к нему:

— Вы действительно считаете, что мы можем положить конец этой войне?

— Да.

— У этих рас нет ничего общего.

— Неправда! Неправда. Есть правило ведения войны, которое не забыли даже повелители времени: знай своего врага. Стратеги и учёные обеих сторон научились понимать друг

друга. На данный момент они пользуются этим знанием только для того, чтобы убивать, но это их общая связь. Это то, с чего мы можем начать поиск решения проблемы.

Президент засмеялся:

— Только вы, старый друг, могли увидеть возможность посреди тотальной войны. Хорошо, — он повернулся к собравшимся повелителям времени: — У кого-нибудь есть причина или смелость возразить?

Все молчали.

Президент поднял руку:

— В таком случае, во имя Рассилона и Омеги, приступаем!

ГЛАВА 3

Внутренний враг

Ларна всё ещё не привыкла к наличию служанки и, возвращаясь в свои комнаты, каждый раз удивлялась, обнаруживая её там, занятую домашней работой.

Врейто была тихой пожилой женщиной с морщинистым лицом. Они были знакомы всего несколько недель, и до сих пор не привыкли друг к другу. Врейто была служанкой уже давно, и отлично знала, как снять церемониальный воротник и отложить его в сторону, чтобы помочь хозяйке снять мантию. Ларне не нужно было даже расплетать волосы, снимать блузу, комбинацию, расстёгивать бриджи — всё это тоже делалось за неё. Но в случае белья она решила провести черту; она сняла его сама, стоя за стенкой душевой кабины.

В щель между панелями Ларна видела, что Врейто терпеливо стоит с мантией в руках.

— Спасибо, — сказала Ларна, — можешь идти.

Врейто слабо кивнула и вышла из ванной. Она явно была чем-то недовольна. Ларна не знала, чем она её обидела в этот раз. Наверное, имело место загадочное нарушение этикета. Может быть, благодарить слуг не положено?

Врейто, наверное, прячет сейчас мантию обратно в шкаф, до следующей церемонии. Это будет на следующей неделе: праздник Рассилона-Светоча. Мантии было уже тысяча лет, и хотя для Ларны её и перешили, изначально она было выкроена

для мужчины. То же самое было и со всеми другими ритуальными облачениями. Женщин среди повелителей времени было очень мало, и физиологические различия не считались важными. Никаких уступок ей не делали. Это был один из парадоксов общества внутри Цитадели. Все знали, что женщины равны мужчинам — это считалось само собой разумеющимся. Но никто не задавался вопросом, почему женщины редко пытались поступить в Академию, и почему так редко им это удавалось. Больше десяти процентов населения Галлифрея были женщинами, но из тысячи повелителей времени не больше десятка были женщинами. Вполне возможно, что за десять столетий своей службы Врейто ни разу не служила женщине. Быть может, Врейто завидовала молодости и энергии Ларны, её успеху?

Или, что более вероятно, ей было стыдно, что её хозяйка пропахла в равной степени потом, пылью, и ароматными маслами. Врейто не подала виду, что она это заметила, но ведь не могла же она не заметить? Грязь была неприятна Ларне. Масляно-водяной душ прореагировал на её присутствие и автоматически включился. Было стыдно, что она наслаждалась таким чисто чувственным удовольствием, но она не торопилась, позволяла тысяче крохотных струек горячей воды массировать её, втирая в её волосы шампунь, а в кожу мазь. Мысли о том, что Врейто не одобрила бы такой гедонизм, делали этот процесс ещё более приятным. Душ был в некоторой степени разумным, но волосы Ларны были для него слишком длинные, он не дотягивался, и Ларна вымыла их руками. Закончив это, она стала прямо, прикрыла глаза, прижала руки к бокам, прогнала из своих мыслей всё, кроме шума воды и

ощущения того, как вода смывает грязь, осевшую на её кожу с мантии.

Доктор был прав, пытаясь прекратить войну, Ларна не сомневалась в этом. Нет, даже более: она *чувствовала* это всем своим сердцем. Альтернативой было делать то же, что делали остальные повелители времени: наблюдать за войной, исчислять её. Многие студенты разделяли мнение Доктора. Быть может, её поколение окажется тем, чьи амбиции устремятся за пределы Купола? Они могут оказаться мужчинами и женщинами, которые отправятся во вселенную в попытке найти истину, установить контакт, распространять науку и свет. Ларна в этом сомневалась. Так считало каждое поколение; все считали, что они поведут всех в эру революции и улучшений. Но каким-то образом, с ходом времени, пыль и паутина рутины проникали в их кровь, их устремления остывали. Активные становились консерваторами. Хуже того, те, кто в зрелом возрасте сохранял свой пыл, становились тиранами, стремящимися к власти любой ценой. Многие считали, что к этой категории относится и Доктор, что он не лучше Пенгаллии, Марнала, или Морбиуса.

Она разочарованно вздохнула, а потом вспомнила, где находится — Врейто могла её услышать. Сама мысль о том, что Доктора кто-то считал тираном, жгла Ларну изнутри, вызывала в ней такую злость, которую она, к своему стыду, не могла контролировать. Они же знали Доктора, они слышали искренность в его голосе, когда он докладывал свой проект Совету, на его лекциях, на семинарах. Неужели они не заглядывали в его грустные глаза, не видели в них его душу?

Вода массировала её плечи словно сильные руки, струи играли по её лицу и груди. То, что она сегодня сказала перед

Верховным Советом... если бы она об этом хоть немного подумала, то не смогла бы ничего сказать. Но все студенты, которых она знала, думали то же самое. В безопасности своих общежитий они все осуждали публичное вещание, которое высмеивало планы Доктора и неправильно объясняло его цели. Если уж рисковать испортить себе жизнь, то, по крайней мере, ради того, во что она верила. Она видела, что Доктор ей улыбался. Его признательность значила для неё больше всего остального, эта улыбка стоила сотен профессорских званий.

Ларна почувствовала, что душ теряет терпение, и переключила его в режим сушки и припудривания. После завершения этих процедур она вышла. Врейто должна была её ждать. Но никого не было; ночная рубашка висела на спинке стула, щётка для волос была всё ещё в футляре.

Она надела на себя накрахмаленную хлопковую ночную рубашу, нашла тапочки, повязала волосы. Волосы опять нужно стричь: чёлка уже почти на глаза свешивается.

Врейто зашла в комнату, неся визитную карточку.

— У нас гости? — спросила Ларна, недоумевая, кто бы это мог быть.

Врейто опустила взгляд и неодобрительным видом вручила визитку.

— Техник Первого Класа Веймиврудимкве желает поговорить с вами, — объявила она. — Несмотря на то, какое сейчас время суток.

Ларна кивнула, не понимая, какие проблемы в восьмом часу дня.

— Вейм, — сказала она, застёгиваясь. — Я приму его.

— В таком виде? — спросила Врейто.

Ларна осмотрела себя.

— Эта ночная рубашка скрывает части моего тела, о наличии которых даже я не догадывалась, Врейто.

— Вы теперь повелительница времени, мадам. Существуют стандарты.

Ларна вздохнула и вышла за дверь.

Вейм стоял у её дивана, по-прежнему в униформе техника. Врейто не предложила ему сесть. Ларна усадила его на диван и тоже села рядом. Из-за Врейто она чувствовала себя очень смущённой. Её служанка маячила в дальнем углу комнаты, не сводя с них глаз.

— Извини, что я явился без предупреждения, но ты самый квалифицированный специалист, которого я знаю.

— Надеюсь, ты вытащил меня из душа не ради помощи с написанием реферата?

— Нет, нет.

— Расслабься, Вейм. Послушай. Да, я теперь повелительница времени, но я осталась самой собой.

Это его немного успокоило.

— Ларна, когда я сегодня утром управлял камерой, я заметил проблему. Мне кажется, что в неё могли проникнуть инопланетяне.

Ларна нахмурилась:

— Что за проблема?

— Я заметил это перед самым прибытием флота. Слушай, будет проще, если я просто покажу тебе. Приходи через несколько минут в камеру Эпсилон III.

Ларна встала:

— А почему нельзя пойти сразу?

Вейм указал на неё рукой:

— Ты в ночной рубашке.

Она уже встала.

— Она свисает до самых лодыжек. До Эпсилон III нужно всего на один этаж подняться. Идём.

Быстро выходя из комнаты, она едва успела триумфально улыбнуться Врейто... и врезалась в Доктора, пробежавшего мимо её двери. Он не дал упасть ни ей, ни себе. Он успел переодеться в свою обычную одежду, вернее, в одежду, которую он обычно носил. На всём Галлифрее только Доктор носил старый кашемировый сюртук, шёлковую рубашку, и строгие светло-коричневые брюки. Он уставился на неё поверх очков. Она начала извиняться.

Он, похоже, не заметил, во что она одета.

— Как я уже сказал, Ларна, нам это нужно обсудить, но сейчас я занят инопланетными делегациями. Зайди ко мне в девять с половиной колоколов.

Доктор умчался, позади него развевались фалды его сюртука. Она расстроилась. Он хотел обсудить с ней её поведение. Поведение было очень важно для повелителей времени. Не зная этого, она бы не смогла закончить Академию. Некоторые повелители времени до сих были наиболее известны своими небольшими нарушениями правил, совершёнными несколько столетий назад. Лорд Глебан до конца своих дней останется Глебаном Пердуном, несмотря на его прорыв в исследовании гидродинамики. Такие поступки могли испортить карьеру, сделать вас изгоем в лучших обществах. А больше всего её расстроило то, что Врейто оказалась права. Она могла себе представить самодовольную улыбку на лице служанки.

— Это не справедливо, — пожаловалась Ларна Вейму. — Это же *он* бежал, а не я.

Доктор сидел на ступне Рассилона, болтал ногами и ёрзал, пытаясь устроиться поудобнее.

В свою эпоху Рассилон считался архитектором. Некоторым современным повелителям времени было сложно в это поверить. Сейчас Рассилон считался величайшим из основателей, Отцом Галлифрея, тем, кто не только спас планету, но и дал ей умение путешествовать во времени и мудрость разумного использования этого дара. Эти его достижения значительно превосходили красивые здания. Современные повелители времени знали Паноптикум, воспринимали его как само собой разумеющееся. Они уже почти не пользовались сложными экситонными пейзажами Матрицы. Цитадель стояла тут так давно, что уже не выделялась; она доминировала над закрытыми кварталами Капитолия и одновременно сливалась с ними. Получилось, что некоторые из наиболее восхитительных зданий в известной вселенной стали ежедневным зрелищем, местом, через которое ты проходил на лекции и обратно.

Доктор завидовал сонтаранам и рутанам, тому, что они испытают сегодня вечером, когда впервые в жизни увидят Галлифрей. Мало кто из повелителей времени задумывался о том, насколько продуман был план Паноптикума. Статуи, стоявшие по углам, использовали явление перспективы. Когда заходишь в Паноптикум, проходишь под невозможно высоким арочным входом, то тут же видишь перед собой статую одного из легендарных Основателей Галлифрея, одного из тех шестерых, кому приписывалось создание современной цивилизации. К примеру, зайди в зал с севера, и увидишь в южном углу статую Омеги, большого бородатого мужчины, одетого в несколько романтизированную версию

гидравлического космического скафандра, который был на нём одет у Ккабы, а шлем от этого скафандра статуя держала подмышкой. Твой мозг попытается понять размер и предположит, что эта статуя примерно в три раза выше среднего роста. А затем пройди к приподнятой области в центре зала. Статуя не будет изменяться. И лишь выйдя под навес Купола Паноптикума, ты поймёшь, насколько велик этот зал, что тебе понадобится час, чтобы его пересечь. И лишь обернувшись назад, чтобы посмотреть, сколько уже пройдено, ты поймёшь, что арка, через которую ты вошёл, была образована ногами другой статуи, и что Омега, должно быть, высотой с многоэтажку.

Если вы зашли с севера, то прошли между ногами Рассилон, между ступнями, каждая из которых размером с дом. Был способ запомнить имена статуй и то, что их прототипы сделали для Галлифрея. Это была старая детская загадка, шесть рифмованных строк, которые любой галлифреец знал наизусть. Доктор мог вспомнить только первую часть:

«Под Куполом Паноптикума
Рассилон лицом к Омеге,
а кто другой?»

Дальше память подводила Доктора. Последнее слово в следующей строке было «брат», вот и всё, что он мог вспомнить. Доктору это никогда не нравилось: загадка решалась довольно просто, а даже те части, которые он запомнил, толком не рифмовались.

Регенерация вызвала множество проблем в галлифрейской скульптуре и иконографии, но, к счастью, было общепринятое представление о том, как выглядел Рассилон. По каким-то затерянными в туманах времени причинам основателя

галлифрейского общества всегда изображали обутым в кожаные сандалии. Поэтому на ступне Рассилона сидеть было удобнее всего, гораздо лучше, чем на защитных ботинках Омеги или на шипастых военных сапогах Апейрона.

— Были в те дни гиганты, — сказал появившийся из вечерней тени Магистрат.

Доктор посмотрел на него сверху, с ногтя на пальце ноги Рассилона.

— На самом деле они были не такие уж и гиганты, — сказал он.

— Я говорил образно.

— Я знаю. Я тоже.

— Час остался.

— Да. Но чем это всё закончится? — размышлял Доктор, пока Магистрат лез к нему.

Переставляя руки, тот лез почти без усилий, и даже его плащ до колен не останавливал его. Они впервые залезли сюда после колледжа, и у Доктора ушло на это пять или шесть минут. Но Магистрату понадобилась его помощь. Доктор нагнулся, взял его за руку, и потянул его вверх.

— Хорошо выглядишь, — заметил Доктор, когда Магистрат устроился рядом с ним. — Тебе идёт чёрное.

Под плащом у Магистрата была туника без воротника. Магистрат стряхнул с неё несколько пылинок.

— А ты что собираешься надеть?

— Это, — сказал Доктор, забрасывая за плечо свой старый, ещё со времён колледжа, шарф. — Что скажешь?

Магистрат изогнул бровь:

— Не очень официально. Даже неряшливо. Не оскорбит ли это наших гостей?

— У сонтаран и рутан другие манеры одеваться, — пожал он плечами. — Я бы оделся так, чтобы их это впечатлило, но мои доспехи сейчас в чистке, — Доктор зевнул и осмотрел Паноптикум. — А вот солдаты им наверняка понравятся.

Фаланга Стражи маршировала, готовясь к церемонии. Они были в полной парадной форме: красной, обшитой мехом, с нагрудниками и плащами. Они выстроились в квадрат и маршировали туда-сюда, стуча каблуками по мраморному полу с регулярностью маятника. Солдаты так маршировали уже тысячи лет (причём для некоторых из них это выражение можно было понимать буквально). Все возможности для творчества тут были исчерпаны очень давно. Но в этом же и была цель, так ведь? Они не думали, они делали что-то, что происходило так же легко и естественно, как дыхание. Но они только маршировали, не воевали. Уже давненько Страже не приходилось сражаться, а внешних врагов у них не было ещё дольше.

Магистрат слегка улыбнулся, словно прочитав мысли Доктора.

— Не стоит их недооценивать, Доктор. После тысячи лет стрельбы в тире и боевой медитации они смогли бы кое-чему научить сонтаран в вопросах рукопашного боя.

Доктор склонил голову:

— Ты думаешь? А я бы поставил на генетически спроектированного парня с планеты с сильной гравитацией.

— Уверен, что лорд Воран согласился бы с тобой. Но Президент был на твоей стороне, «старый друг», — смеялся Магистрат, пародируя аристократический голос Президента.

Доктор засмеялся, а затем ненадолго задумался.

— Мне никогда не доводилось называть кого-то старым другом.

— А кому тебе такое говорить? У тебя ведь, в конце концов, столько новых друзей. Ларну ты хорошо обучил.

— Спасибо. Моя лучшая ученица.

— Ты воспитаешь поколение революционеров, Доктор.

Доктор кивнул:

— Так или иначе.

Магистрат улыбнулся:

— У сонтаран большая делегация?

— Нам удалось сократить её до десятерых.

— Уже всё готово?

— Всё до последней детали. Расставлены все точки над «й», все галочки над «і». Их опустят сюда черпаком вечером, в девять колоколов. Во избежание осложнений, сонтаране прибудут в западную зону материализации, а рутане — в восточную. Там их встретят, а затем взвод Стражи проведёт их по Капитолию в Цитадель, и они встретятся здесь, в центре Паноптикума. Камеры публичного вещания запечатлят первую встречу. Это будет их первая встреча лицом к лицу за очень долгое время. Она может оказаться несколько неловкой, поэтому мы только здороваемся друг с другом. После этого гвардейцы сопровождают их в ксенодохии. Условия в их апартаментах в точности воспроизводят условия их родных планет.

— Я предвижу проблему.

— Всего одну?

— Ты главный переговорщик, тот, кто позвал сюда и тех, и других, единственный во всей вселенной, с кем будут говорить обе расы.

— Это, надеюсь, не такая уж и проблема, — засмеялся Доктор.

— Если сонтаране и рутане прибывают одновременно в разные части города, то кто их будет встречать? Ты, я полагаю, будешь тут. Если ты встретишь одну из рас, ты проявишь этим своё предпочтение, и другую делегацию это может оскорбить. Но и тех, и других оскорбит, если их встретит какой-то мелкий чиновник.

Доктор потёр подбородок:

— Хорошее замечание. Жаль, что нельзя быть одновременно в двух местах, — сказал Доктор.

— Да, — отозвался Доктор, сидевший на мизинце Рассилона, — это решило бы все проблемы.

Оба Доктора широко улыбнулись.

Ларна зашла в камеру бесконечности, за ней шёл Вейм.

Эта камера была меньше главной, всего лишь балкон с видом на вселенную. Ларна хотела пройти к панели управления, но там уже кто-то был.

— Это Савар, — сказал Вейм. — Извини, Ларна, когда я уходил, его тут не было.

— Ничего страшного. Меня он не смущает.

— Нет? Он такой жуткий.

Савар нагнулся над пультом и набирал на клавишах команды. На нём была насыщенно-синяя мантия. Он не мог оторваться от кнопок, их мигание словно гипнотизировало его. Хотя Савар выглядел обычно, он не был здоров.

— Лорд Савар! — сказала Ларна. — У вас всё в порядке?

— Ларна! — вскрикнул он. — *Леди* Ларна, — поправился он и снова повернулся к пульту. Вейма он проигнорировал.

Она подошла к нему.

— Они лишили меня глаз, — задумчиво сказал он им. — Это было после того, как я нашёл Бога, и до того, как я вернулся сюда.

Ларна кивнула и с грустной улыбкой посмотрела на Вейма. Давным-давно, задолго до их рождения, полевые экспедиции во вселенную были немного более обычным делом, чем сейчас. Тогда Верховный Совет немного ослабил правила о невмешательстве, и позволил ограниченную свободу путешествий на межгалактические научные конференции и/или в интересные места, но исключительно для наблюдения. ТАРДИС вновь путешествовали по вселенной по официальным делам повелителей времени. Савар отправился в одну из таких экспедиций.

Его нашли десять лет спустя.

В глубинах космоса засекли дематериализацию его спасательной капсулы. Тут же туда была отправлена спасательная ТАРДИС. То, что они обнаружили, было ужасно: капсула была ограблена дочи́ста, только её пилота оставили ползать в темноте, одного. Савара покалечили, *его глаза были удалены*. Оба глаза, каждый миллиметр оптического нерва, даже ответственные за зрение доли мозга были ампутированы. Что бы там ни произошло, это свело Савара с ума. Его вернули на Галлифрей и его тело исцелили, для него соткали новую пару глаз. Но его разум (а некоторые говорили, что и его *душу*) вернуть не удалось. Он бормотал о своих глазах, о том, что его глаза забрали его глаза, о том, что он упал с края вселенной, и о том, что он видел лицо бога. Хирурги не могли вылечить его душу. Даже пару регенераций спустя Савар был больным; бывший когда-то великим учёным и путешественником, теперь

он стал безвредным недоразумением. Большинство повелителей времени его игнорировали. А те, которые не игнорировали (к примеру, Ларна и Доктор), обращались с ним как с ребёнком. Вейму не нравилось ни то, ни другое.

— Кажется, я снова нашёл Бога, — печально сказал Савар. Ларна улыбнулась ему:

— Вы не против, если я воспользуюсь пультом?

— Нет, что вы, дорогая, — он отступил назад, чтобы пропустить Ларну.

Вейм стал рядом с ней и проверил показания. Савар перепрограммировал пульт, сбил его с тщательно выбранных координат, за которыми пытался проследить Вейм.

— Нам нужно увидеть прибытие инопланетного флота, — сказал он Савару.

Савар хихикнул и указал на дисплей.

Пространство и время изящно развернулись, и два космических флота появились на выделенных для них позициях, каждый над своим полюсом Пазити Галлифрея.

В этот раз весь дисплей был пометках, сделанных Саваром. Ларна остановила изображение и начала просматривать пометки. Вейм уже знал, куда нужно смотреть, и уже видел, что там действительно было что-то необычное.

— Там стена... чего-то, — сказала Ларна. — Словно рябь в пространстве-времени. Она указала на дисплей. Там было едва заметное искажение, по всему изображению, оно начиналось позади Пазити и проносилось сквозь Галлифрей ровно за столько времени, сколько было нужно для открытия врат Вихря. Словно на изображении на мониторе не хватало одного пикселя, не более.

— Молодец, что заметил это, — сказала Ларна.

— Что это? — спросил Вейм.

— Это конец вселенной, — сказал Савар, — и ничего мы с этим не сможем сделать.

Другой Доктор залез к ним, и они стали рядом, как близнецы.

— Разве это не нарушает Законы Времени? — спросил Магистрат, не зная, к которому из Докторов ему обращаться.

— Нарушает, но не все, — ответил Доктор и засмеялся со своей шутки.

— Жаль, что это не я сказал, — прошептал Доктор.

— Ещё скажешь, — ответил ему Доктор.

Магистрат посмотрел на нового:

— Ты из будущего?

— Я — он — из будущего через полтора часа. Я только что вернулся со встречи рутанской делегации.

— И как, всё прошло гладко? — спросил у себя Доктор.

— Ты же знаешь, что я не могу ответить, не вызвав серьёзных последствий для Паутины Времени. Всё было нормально, а судя по улыбке, которая будет на моём лице через час, сонтаране тоже не создали никаких проблем.

Оба Доктора посмотрели на свои наручные часы.

— Нам лучше занять свои места, — сказали они.

— Незачем сверять часы, — заметил Магистрат. — Или Докторов.

Более ранний Доктор хлопнул свою копию по плечу:

— Я отправляюсь на Западную Платформу. Не делай ничего такого, чего бы не стал делать я, — посоветовал он и начал слезать вниз.

— Я знал, что он это скажет, — проворчал Доктор.

— Может быть, это неисправность камеры, — предположила Ларна. — Нужно посмотреть логи контрольных модулей.

— А разве они вообще ломаются? — спросил Вейм.

Савар мудро кивнул:

— О да, время от времени.

Вейм сердито посмотрел на него:

— Я не у вас спрашивал! Ларна?

Она попыталась закрыть запущенные Саваром программы, но у неё не получалось.

— Вы не могли бы позволить мне проверить?

Савар покачал головой, улыбаясь, как идиот:

— Я ещё не закончил.

Ларна попробовала ещё раз.

— Что это может быть? — Ларна нахмурилась. — Так, камеры бесконечности черпали свою информацию из Матрицы. Они наблюдают не настоящую вселенную, а лишь её очень, очень подробную компьютерную модель. Подробную до последнего кварка. Может быть, была ошибка в данных?

— И что её вызвало?

— Интервенция, — вдруг сказал Савар. — Божественное вмешательство.

— Ни у одной инопланетной расы нет доступа к Матрице. Ну, больше нет. За долгие годы многие расы пытались и... — она замолкла, глядя на два флота, зависшие над Галлифреем. — Если этим отображением вселенной манипулировали, флоты сейчас могут быть в совсем другом месте. Вместо них сквозь врата Вихря могло пройти что-то другое, что-то, что мы не

можем увидеть. Доктор, возможно, направляется прямо в ловушку...

Она посмотрела на встроенный в пульт хронометр: 8.89 колоколов.

— Солнце вот-вот сядет. Он должен быть в Паноптикуме. У меня мало времени...

Подобрав подол ночнушки, она выбежала из зала.

Взвод Стражи окружил зону материализации, Доктор стоял чуть в стороне от центра. Позади него на горизонте Капитолия доминировала похожая песочные часы Цитадель повелителей времени. Воздушное транспортное движение было направлено в обход этой части города, но всё равно было очень интенсивное.

Все часы хором начали бить девять колоколов.

Центр платформы начал мерцать. В трёхмерном пространстве вращалась чёрная пирамида. Она продолжала висеть и медленно крутилась. У Доктора в руке был синий планшет управления. Он нажал зелёную кнопку.

Пирамида перестала вращаться и исчезла, а на её месте остался один рутанин, если про рутанина можно было так сказать. Он был бурлящей массой слизких, вязких веществ, словно гигантская устрица, плавающая в густом овощном супе. Изнутри оно светилось и пульсировало. А затем, так же быстро, как зрачок адаптируется к яркому свету, рутанин начал приспосабливаться к новому окружению. Его внешние слои стали толще, как пенка на остывающем какао. Снизу начали вырастать щупальца, рассеянное свечение начало концентрироваться в трёх точках в глубине тела. Они подсвечивали возникающие внутренние органы и мышечные

структуры существа. В считанные секунды рутанин преобразовал себя в существо, напоминающее прозрачного кальмара. Вокруг него потрескивало электричество.

Существо было неподвижно, не подавая никаких признаков того, что понимает, где находится.

Доктор облизнул губы.

— Э-эй? — позвал он.

Никакого ответа, даже ни одно щупальце не шелохнулось. Доктор подошёл к рутанину. Без глаз, безо рта, без носа... как оно вообще мир воспринимало? Явно не зрением, не слухом, и не обонянием. Должно быть, для рутанина мир представлял собой флуктуации температуры и изменения в локальных электрических и магнитных полях. А может быть, он даже и не видел разницу между ними. Для телепатического группового сознания метаморфических амёб вселенная, возможно, существовала в одном из двух состояний: рутане и не-рутане.

Доктор нагнулся над рутанином, не зная, чувствует ли тот его присутствие.

На боку рутанина появилась щель. Её ширина была как раз такой, что Доктор мог бы просунуть в неё ладонь, хотя он, конечно же, не собирался этого делать. Щель приоткрылась, её края уплотнились. Внутри она была чёрной.

Доктор понимал, что смотрит гораздо дольше, чем это предполагали правила приличия, но сомневался, что рутанин мог на это обидеться, да и вообще хотя бы отличить одно выражение гуманоидного лица от другого.

Щель раздвинулась ещё шире, и Доктор увидел в ней зубы. Ряд белых зубов, как у младенца, а за ними толстый красный язык.

— Приветствую, повелитель времени, — сказал рот рутанина женским голосом. — Гортань гуманоида не способна воспроизводить звуки рутан, гуманоидный мозг неспособен воспринять сложность их лексики, грамматики и синтаксиса, а гуманоидная нервная система не способна полностью воспринимать язык рутан. Поэтому нам пришлось адаптироваться к вашему примитивному методу коммуникации.

— Это очень предусмотрительно с вашей стороны, — ответил Доктор на чистом рутанском.

Рот раскрылся от удивления.

— Не пройдёте ли за мной? — любезно предложил Доктор.

Единственный лифт, позволявший опуститься с этажа камеры бесконечности в Паноптикум, был зарезервирован для повелителей времени, чтобы ограничить доступ к находящимся между этими этажами причалами ТАРДИС. Ларне пришлось воспользоваться пожарной лестницей, которая спиралью шла вокруг шахты лифта. От камер бесконечности до этажа Паноптикума были в буквальном смысле тысячи ступеней. Жёстких, серых, каменных ступеней. На половине пути Ларне пришло в голову, что нет никаких причин не сделать лестницы размерно-трансцендентными. Довольно просто спроектировать лестницу так, что никогда не придётся подниматься или опускаться больше, чем на один пролёт, независимо от того, на какой этаж нужно попасть. Она начала мысленно моделировать оптимальное решение. Математика отвлекала её от судорог, от разболевшихся ног. К тому времени, когда она спустилась до конца лестницы, она уже всё спланировала, и поклялась при первой же возможности поднять этот вопрос на Совете.

Сейчас ей это, разумеется, ничем уже не поможет.

Как только она закончила спуск, усталость нагнала её, она согнулась пополам, отчаянно пытаясь втянуть в лёгкие достаточное количество воздуха. Пот лился со лба и по спине. Голова кружилась, босые ноги одновременно замёрзли и пекли огнём. Она так устала, что даже не заметила, что рядом стоит Доктор.

— Ты что, сбежала по лестнице в одной ночнушке? — спросил Доктор.

Ларна кивнула, пытаясь распрямиться. Он нагнулся над ней и не знал, то ли положить ей руку на плечи, то ли наоборот, дать ей возможность распрямиться. Он выбрал второе.

— В чём дело? — тихо спросил он. — Тебе плохой сон приснился?

— В этот раз ты заметил, что на мне одето, — хрипло ответила она. — И в этот раз бежала я.

Доктор смотрел на неё, не понимая.

— Ужасная опасность! — вырвалось у неё, когда она вспомнила, зачем она вообще сюда бежала.

— Успокойся. Что за опасность?

Ларна восстановила дыхание:

— Мы в опасности. Думаю, что инопланетяне — не то, чем кажутся.

— Но я только что встретил рутанина. Все прошло без сучка и задоринки.

— Только рутанина? — удивлённо спросила Ларна. — Я думала, что сонтаране прибывают одновременно с ним.

Доктор посмотрел на часы и хлопнул себя по лбу.

— Слушай, Ларна, мы поговорим об этом позже. Иди в мою комнату, налей себе чего-нибудь выпить, почувствуй себя

как дома. Я скоро приду. Я ещё не закончил, и не хочу бросать работу на середине. Взявшись за гуж... и всё такое.

Улыбнувшись, Доктор набрал свой код доступа и открыл дверь лифта. Дверь плавно закрылась у него за спиной. И с запозданием на две тысячи ступени до Ларны дошло, что ей уже можно пользоваться зарезервированными для повелителей времени лифтами.

Немного позже и раньше, Доктор стоял возле Западной зоны материализации. Позади него на горизонте Капитолия доминировала похожая песочные часы Цитадель повелителей времени. Воздушное транспортное движение было направлено в обход этой части города, но всё равно было очень интенсивное.

Все часы хором начали бить девять колоколов.

Центр платформы начал мерцать. В трёхмерном пространстве вращалась чёрная пирамида. Она продолжала висеть и медленно крутилась. У Доктора в руке был синий планшет управления. Он нажал зелёную кнопку.

Прекратив вращаться, пирамида исчезла, а на её месте оказались десять сонтарских воинов. Они были одинаковые: коренастые гуманоиды с закруглёнными плечами и туловищами. Конечности были сильные, как у боди-билдеров. Доспехи были сделаны из мягкого, почти как кожа, серебристого материала, полностью покрывавшего их кожу. На них были надеты большие куполообразные шлемы. Как они различают друг друга? — подумал Доктор. Должна же у них быть такая возможность, боевые действия почти невозможны без возможности различать звание и должность. Они все были одного и того же роста и телосложения, лишь на воротниках у

них были знаки отличия, а на шлемах — эмблемы подразделений. На них не было ни медалей, ни других отметок о былой доблести, но на поясах были какие-то электронные устройства. Оружия, как и было оговорено, не было. Все сонтаране кроме троих, стали кругом, а в центре, по-видимому, был их лидер. Они осматривали своё окружение, выискивая ловушки, опасаясь засады. Оставшиеся двое поднимали на плечи ящики. Ящики были почти такого же размера, как и они сами; по-видимому, в них была провизия и какое-то оборудование. В глубине Цитадели команда наблюдателей должна была уже сканировать содержимое ящика, используя такие сложные методы, что сонтаране даже не догадывались об используемых научных принципах, не говоря уже о самом сканировании. Если в этих ящиках было оружие, его незаметно обезвредят или изымут.

— Добро пожаловать, — сказал Доктор. — Я Доктор.

Сонтаранин, стоявший в центре, шагнул вперёд, и защищавший его круг разомкнулся перед ним. Он взялся руками за шлем и снял его. После этого все остальные, за исключением тех, кто нёс ящики, сделали то же самое. У всех сонтаран были одинаковые жабы лица на куполообразных головах, кожа цветом и текстурой напоминала глину. Но были на них и черты индивидуальности: растительность на лице, шрамы от прошлых битв, даже татуировки и следы солнечных ожогов.

Но за исключением этих косметических различий, лицо каждого сонтаранина было такое же, как и у их лидера. И Доктор был поражён, обнаружив, что именно их лидер стоял сейчас перед ним. Этот сонтаранин был покрыт морщинами, его кожа была дряблой и нездорового оранжевого оттенка,

свинные глазки казались посаженными ближе, чем у остальных. Пучки грубо обрезанных волос торчали у него из ушей, из носа, на подбородке.

— Генерал Сонтар! — ахнул Доктор.

Он был единственным старым сонтаранином. История сонтарской расы была весьма туманной, как из-за своей давности, так и из-за постоянного переписывания из соображений пропаганды, но в большинстве её версий упоминался генерал Сонтар. Примерно тогда, когда была объявлена война с рутанами — историки так и не сошлись в мнении, было ли это непосредственно до или сразу после — Верховный Совет урСонтарского Варбурга понял, что военного преимущества можно достичь клонированием их лучших воинов. Самым знаменитым воином был генерал Сонтар, главный стратег победной двухтысячелетней войны с Айсери. Он был настолько совершенным солдатом, что очень скоро каждый новый солдат был копией Сонтара. Вскоре после этого произошёл военный переворот, и население было очищено от всех не-сонтаран. Всё было либо так, либо совсем иначе. Эксперты не могли сойтись на едином мнении, а привлекать к конструктивному обсуждению этого вопроса сонтаран или рутан не было смысла.

Это, разумеется, не был исходный генерал Сонтар — тот умер миллионы лет назад. Естественная продолжительность жизни сонтаран была около пятидесяти лет, но из-за войны никто не доживал до такого возраста, кроме самого Сонтара, жившего в безопасности Тронной Планеты в окружении медиков, телохранителей, и проверяющих энергию. Когда старое, немощное тело Сонтара испускало последний дух, его сознание переносилось в специально созданного клона, чем

обеспечивалось бессмертие. Для постороннего наблюдателя цикл его жизни мог напоминать то, как регенерировали повелители времени. Но было множество различий. С каждой регенерацией галлифреец приобретал абсолютно новое тело, с новой нервной системой, новой внешностью, и новым характером. Всё, кроме самых базовых ощущений, нужно было открывать заново. Регенерация приносила свежие перспективы, устраняла застой, наступавший от старости и от того, что слишком долго оставался одним и тем же.

Процесс же, через который прошёл генерал Сонтар, сохранял все шоры, шлаки, и язвы.

— Ваше присутствие — неожиданная честь, — сказал Доктор.

Он ожидал, что будет кто-то из Кабинета, но не думал, что это будет сам Председатель. Он узнал ещё нескольких сонтаран: адмирала Кракса из Трёхмиллионного Флота, канцлера Строка, заместителя командующего Грола. Каждый из них командовал военными соединениями, способными сокрушить галактику. Но Сонтар мог сокрушить *их*.

— Моё присутствие является демонстрацией того приоритета, который имеет среди сонтаран кампания за установление мира, — проревел Сонтар.

А если что-то пойдёт не так, — подумал Доктор, — то наверняка уже к вечеру на сонтарском троне будет сидеть другой генерал Сонтар. Когда-то бывали гражданские войны и расколы: несколько генералов Сонтаров стремились к верховной власти, и каждый из них был убеждён — и, как ни посмотри, каждый из них был в этом прав — что он является законным наследником. Сейчас же Сонтарский военный кабинет просто объявлял, кто из них был тем самым,

настоящим генералом Сонтаром, и все сонтаране без вопросов следовали этому приказу, этому Сонтару.

Это сильно упростило жизнь.

— Генерал, я ценю значение вашего присутствия.

— Хорошо, — рывкнул Сонтар. Он огляделся. — Так это, значит, знаменитый город повелителей времени?

Платформа материализации была на тридцать пять этажей выше земли, с неё открывался отличный вид на Капитолий. Для чужака, должно быть, тяжело было отличить большие компьютерные банки и машины от высоких жилых зданий.

Под Куполом всё находилось в сложной гармонии, всё соединялось тонкой сетью проходов и дорог. Там были террасы с садами, парки со скульптурами, башни с часами, декоративные пруды. Архитектура, не накладывающая ограничений на воображение архитектора, идеально освещённая голографическими светильниками, размещёнными на поверхности Купола, хранимая в этой контролируемой среде, лишённой погоды.

— Капитолий стоит уже миллионы лет. Он был столицей Рассилона, хотя в те дни он, разумеется, выглядел совсем не так, а Купол вообще ещё не был построен. Цитадель повелителей времени восходит ко временам Рассилона и Омеги, хотя многие её части намного старше. Переговоры будут проходить в ней.

Доктор указал на Цитадель, хотя нужды в этом не было — это было самое большое здание, находившееся точно под вершиной Купола.

— Вперёд! — скомандовал Сонтар.

Не успел Доктор никак прореагировать, как сонтаране строем пошли в сторону Цитадели. Доктор не отставал,

Капитолийская Гвардия хотя и не была готова, быстро сомкнула свои ряды, сопровождая инопланетную делегацию.

Сонтар не сводил взгляда с тёмного здания, но не проявлял никаких эмоций.

— Военная разведка сообщила мне, что не все галлифрейцы являются повелителями времени.

— Совершенно верно. И не все повелители времени галлифрейцы, хотя большинство всё-таки отсюда.

— Все повелители времени живут в той Цитадели?

— Верно. Все колледжи, жилые площади, залы управления, и научно-исследовательские центры.

— Она кажется слишком маленькой для этого.

— Цитадель, как и многие здания Капитолия, изнутри больше, чем снаружи.

— А кто живёт там? — спросил Сонтар, указывая взмахом руки на город.

— Подсобный персонал и их семьи. Техники, мастера, уборщики, художники, инженеры, повара, музыканты. Все те, в ком повелители времени нуждаются для содержания Цитадели и их самих. Хотя, по правде говоря, Цитадель, пожалуй, самодостаточна.

— Раньше она была крепостью, — заявил Сонтар.

Доктор удивлённо посмотрел на него:

— Я так не думаю.

— Конечно, была, — засмеялся генерал. — Посмотрите, какие толстые стены, контрфорсы, стены с бойницами. Не могу не заметить, что это была твердыня, способная выдержать осаду. Нет смысла утаивать от меня прошлое вашей расы, Доктор.

— Я не утаиваю. Вы абсолютно правы, просто я раньше не обращал на это внимание.

— И нет легенд о тех битвах? Разве повелители времени не воспевают те дни?

— Нет.

В глазах Сонтара появился блеск:

— Интересно, а с кем тогда сражались повелители времени? Должно быть, это был славный конфликт, и величественная победа. Но вы решили почтить погибших тем, что забыли о них. Вы должны помнить, повелитель времени, что всё ваше могущество и этот красивый город созданы не без жертв.

Доктор кивнул:

— О, нет. Галлифрей чтит своих мёртвых, вы сами увидите. Когда мы дойдём до Паноптикума, вы увидите цветы в Память об Утерянных Жизнях. Вон там, — он указал на неприметное куполообразное здание вдали, — находится Могила Неопределённого Солдата.

— Вы цените в своих военных отсутствие решительности? Этот человек погиб потому, что сомневался?

— Нет, нет, нет. Это тело галлифрейца, восстановленное из альтернативной реальности. Мы не смогли его опознать, потому что этот солдат, как и многие ему подобные, сражавшиеся в Войнах Времени, *не колебались* в критический момент, они решили отказаться от собственных линий времени во имя блага Галлифрея.

— Впечатляющее самопожертвование. Я бы хотел надеяться на то, что мои подчинённые скорее уничтожат вселенную, чем позволят ей достаться врагу.

Доктор снисходительно улыбнулся, и не стал поправлять старого генерала.

— Позже я покажу вам несколько уцелевших зданий, которых никогда не было и никогда не будет, и мы пройдем по мемориалу Омеги. Вся наша цивилизация была построена на его самопожертвовании. Именно благодаря Омеге мы стали повелителями времени. Многие галлифрейцы всё ещё боготворят его, включая теперешнего Президента, написавшего на эту тему много книг.

— Мне хотелось бы узнать о том, как ваша раса овладела перемещением во времени.

Ещё бы не хотелось, старый лис, — подумал Доктор.

— У вас ещё будет для этого возможность, — сказал он.

ПРОШЛОЕ

Старейшее из солнц

Они оставили позади себя сотню миллиардов звёзд.

Галлифрейский флот покинул родную галактику и находился глубоко в межгалактическом пространстве. Сейчас корабли снижали скорость, приближаясь к пункту своего назначения. Они выходили из гипер-пространственного перемещения и двигались со скоростью чуть меньше световой. Омеге не нужно было оглядываться. Галактика позади него представляла собой огромную спираль поперечником сто тысяч световых лет. Она была уже слишком далека, чтобы различить в ней хоть что-то, кроме самых грубых деталей. В этой массе звёзд было и солнце Галлифрея, и все звёзды, которые можно было увидеть на ночном небе их планеты.

Звёзды были двух поколений. Рукава спирали состояли из самых молодых солнц, которые учёные называли Население I. Солнце Галлифрея было типичным их представителем: горячее, богатое элементами тяжелее гелия и водорода, окружённое планетарной системой. Ближе к ядру галактики находились скопления более старых, больших, красных звёзд Населения II. Они родились до появления тяжёлых элементов, они сами были ядерными фабриками, создававшими холодные элементы. Умирая, звёзды Населения II взрывались, распыляя по галактике тяжёлые элементы, в результате чего много миллиардов лет назад и появились звёзды Населения I.

Но даже звёзды Населения II содержали следы металлов и других сложных атомов, которые могли быть созданы только в недрах звёзд. Давным-давно, задолго до того, как образовалась первая галактика, должен был быть ещё один тип звёзд. Эти звёзды — Население III — были сверхмассивными, намного ярче и горячее, чем их современные эквиваленты. Солнце Галлифрея сияло около трёх миллиардов лет, и даже без вмешательства звёздного инженера могло светить ещё два раза по столько же. Процессы же внутри звезды Населения III были настолько интенсивнее, что она выгорела бы в триста или четыреста раз быстрее. Типичная звезда Населения III жила десять миллионов лет, а затем взрывалась. В юные дни вселенной эти короткоживущие огромные звёзды послужили топливом для новорождённых галактик, источником их благосостояния. Все звёзды Населения III давно умерли, либо совсем исчезнув, либо став огромными чёрными дырами.

Все, кроме одной.

Ккаба была последней такой звездой во вселенной, в этом Омега не сомневался. Она с трудом дожила до этого времени, поддерживаемая, как капельницей, межзвёздным веществом из межгалактической туманности, которая её частично скрывала. Но даже с этой подпиткой, в тот момент, когда её нашёл Омега она балансировала на грани смерти. Он изменил конфигурацию этой звезды, не дал ей угаснуть. Если бы он её нашёл на неделю позже, он бы уже ничего не смог сделать. Ккаба бы умерла, а вместе с ней и Галлифрей.

Теперь они вернулись к Ккабе, чтобы уничтожить её.

Умирающая звезда.

Несомненно, должны быть писатели, способные передать величие этого увядания, его огромный масштаб. Поэт,

возможно, смог бы выразить ощущения человека, вызванные таким зрелищем, подобрать слова новым эмоциям, охватывающим его тут. Быть может, он бы снизошёл до физического описания окружения наблюдательной площадки, и отметил бы, что всё выглядело иначе в свете вечерних звёзд, став либо ярко-красным, либо глубокой чёрной тенью. В этом образе могло бы найтись место для философии или морали, — думал Омега. Он этого не знал. Он был инженер, а не поэт, и прибыл сюда по делу.

Одетой в перчатку рукой он провёл рукой по обоим ящикам. Их замки и защёлки нетерпеливо тарахтели. Он чувствовал, как они сияют внутри. Они были такие красивые, такие сложные. Они были детьми в утробе, близнецами, с множеством возможных судеб. Омега создал их, построил ящики, которые внутри были больше, чем снаружи, снабдил их базовыми программами, задал параметры работы и возможности, и позволил им потреблять энергию и данные. Никем не наблюдаемые, Руки превзошли ограничения технологий. Даже Омега уже не знал, чем они являются, он не мог об этом узнать, не уничтожив их потенциал. Что бы в этих ящиках ни находилось, оно могло быть бесконечным, оно могло быть чем угодно.

Их мысли коснулись его мыслей, проходящая сквозь эпохи связь родителей, детей и возлюбленных. Им всегда было холодно, хором говорили они ему, они всегда знали свою судьбу.

— Сегодня нужно было жить историей, — подумал Омега.

— А что насчёт завтра? — спросили они. — Это было не завершение, это было начало.

— Кто знает, чем это всё завершится? — спросил Омега вслух, и его слова зазвучали эхом.

Они знали. Сказать ему?

— Пора.

Его сознание связалось с капитанами других кораблей флота. Они стояли на капитанских мостиках своих звездоколов, готовые следовать за ним. Не было времени ни на нерешительность, ни на гордость. Сомнений не было. Был только План, и он начинался единственным словом.

— Открыться, — сказал он.

Крышки ящиков откинулись, и комнату наполнили тонкие лучики света.

— Отправляйтесь.

И они отправились, кружась спиралью друг вокруг друга, распевая песню, похожую на дельфинью.

Другие могли за ними следить, могли наблюдать за их движением. Омега довольствовался наблюдением сквозь тёмные окна и затенённое стекло своего шлема. Две точки света, яркие даже на фоне поверхности звезды. А затем они исчезли: нырнули в фотосферу, в зону конвекции, в огромную лучистую зону, двигаясь к ядру.

У него в наушниках раздался шум:

— Компьютер сообщает, что звезда достигла точки коллапса.

— Активизировать стазисное гало, — не задумываясь, прореагировал Омега.

Он чувствовал, как активизируется гало, защитное поле, обеспечивающее состояние милосердия корабля, отделявшее его от остального пространства и времени.

Когда Ккаба была молодой, её вес в двадцать раз превышал вес галлифрейского солнца. Огромный вес звезды давил на её центр, и она должна была коллапсировать... но давление выдавливало из водорода ядра энергию, и эта энергия расталкивала звезду, удерживая её вес. В свои лучшие дни эта звезда светила в пятьдесят тысяч раз ярче, чем солнце Галлифрея. Но она горела так интенсивно, что за десять миллионов лет преобразовала всё своё водородное топливо в гелий. Она остыла, потеряла энергию, и её внутренности начали сжиматься. Это ещё сильнее повысило давление, загорелся гелий, звезда вздулась и потемнела. Горение гелия продолжалось миллион лет, и когда гелий в ядре закончился, звезда прошла через ряд всё более быстрых изменений. Преобразование углерода в неон, магний, и кислород поддерживало её десять тысяч лет, а затем горение неона не давало ей умереть ещё лет десять. Кислорода хватило на четыре года. Остался лишь один вид топлива — следы кремния. Когда Ккабу нашёл Омега, она всего неделю прожила на ядерном синтезе кремния, но он уже почти заканчивался. С тех пор ядерные процессы не прекращались исключительно за счёт галлифрейской технологии. За счёт Рук Омеги.

Омега уже чувствовал это. Что это, интуиция? Или это Руки ему сообщают? Он слышал, как набирает мощность двигатель его корабля.

Всё шло по плану.

Всю историю звезды энергия, излучаемая из ядра наружу, уравнивала гравитационную силу, направленную вовнутрь. Было равновесие, стабильность. А теперь в ядре не осталось ничего, что могло бы послужить топливом. Остались только железо, кобальт, никель — все они слишком

стабильные, чтобы запустить реакцию. Последние молекулы кремния превращались в железо, и звезда умирала. За миллионы лет ядро сожгло большую часть своей массы, и сейчас было жалким остатком того, чем оно было раньше, поперечником всего лишь около полутора миллионов километров.

Три десятые секунды спустя диаметр ядра был уже десять километров.

Энергия этого сжатия была колоссальной. Большая её часть выделилась в виде тепла и света, интенсивность которых была достаточна для расщепления атомных ядер. Узы, удерживающие протоны, электроны, и нейтроны вместе в виде атомов и молекул, развалились. Эти базовые кирпичики вселенной начали вести себя иначе в этой новой, странной среде. Крохотные электроны прижимались гравитацией друг к другу и образовывали нейтроны. Обычно нейтроны образовывали ядра атомов. Здесь же, в новом равновесном состоянии ядра, от ядра осталась лишь сфера плотно сжатых нейтронов поперечником сто километров, но с массой в два раза больше, чем у Солнца.

Стазисные гало были неисправны.

Сообщения об этом шли отовсюду. Он слышал это по телепатической связи вместе с остальными, слышал крики экипажа в интеркоме, чувствовал своими инстинктами.

Давление в сердце звезды стало настолько сильным, что нейтронный материал сжимался сильнее, чем мог выдержать. Он распрямился, запустив сквозь внешние слои звезды ударную волну.

Он не пропустит этот момент, он будет смотреть. Он выживет, он знал это из Фрагмента. Другие найдут способ восстановить защитные экраны.

Когда ядро прекратило излучать энергию, внешние слои звезды больше ничто не поддерживало. Хотя Ккаба была лишь тенью прежней себя, материала в ней всё ещё было достаточно для создания десятка галлифрейских солнц. И всё это вещество давило на ядро. Внешняя оболочка обрушилась по гравитационному колодцу вниз, к ядру, с четвертью скорости света.

— Зарегистрирован поток нейтрино, — доложил рулевой.

Уже полминуты прошло со смерти звезды.

Стазисные гало не восстановили.

Омега знал, что погибнет. Эта величественная умирающая звезда внезапно стала пастью, в которую он смотрел. Он знал свою судьбу. Он слышал первые искры и приглушённые взрывы, вызванные действием излучения на его корабль.

В ядре сформировалась ударная волна. Она уже мчалась вперёд. Она была непомерной силы, она легко могла обратить падение внешних слоёв. Внезапно пятнадцать солнечных масс понеслись наружу расширяющейся сферической ударной волной. Приборы регистрировали нейтринный поток, потому что нейтрино не имеют массы, и они такие маленькие, что проходили сквозь всё, кроме самых плотных масс со скоростью света. Они родились после прохождения фронта ударной волны, но они опередили его. Ударная волна уже близилась, всё уже началось.

Но Фрагмент...

Он услышал один голос, а затем второй.

— Нет!

— Фрагмент — подделка. Работа Рассилона.

— Нет!

— Ты не веришь этому даже сейчас?

— Я думал, что это *ты* его подделал.

Омега больше не слушал их перепалку. Он стоял, сложив руки за спиной, лицом к ударной волне. Вокруг него его экипаж поддался своим животным инстинктам, они дрожали и сжимались от страха, они пытались убежать или прикрыть себя чем-то. Галлифрейский флот был прямо на пути сокрушительной силы, стоял к ней лицом, ничем не защищённый. Корабль Омеги был ближе всех. У него было около десяти секунд. У других кораблей было на четверть минуты больше.

Каждый комок вещества звезды становился сжатым и наполненным энергией. В этом нейтронном супе быстро образовывались очень тяжёлые элементы. Ядро теперь было нейтронной звездой диаметром не больше двадцати километров.

В ударной волне была большая масса. Два и двадцать восемь нолей тонн. На то, чтобы толкнуть такое количество вещества наружу, потребовалась энергия, и даже предсмертные спазмы сердца звезды не могли столько произвести.

Ударная волна замедлилась, почти остановилась. Она всё ещё была в ста километрах от корабля Омеги. Наверное, некоторые члены его экипажа думают, что они спасены, что случилось чудо.

В глазах Омеги были слёзы.

Вы забыли о нейтрино? О том, что они движутся со скоростью света? О том, что они проходят сквозь всё, кроме самого плотного вещества?

Когда ударная волна замедлилась, слои звёздного вещества начали натекать друг на друга, сжиматься, уплотняться. Внешние слои звезды образовали оболочку, сжатую до плотности в триста миллиардов нейтронов на кубический сантиметр.

Эта толщина сможет задержать несколько нейтрино.

Вы забыли о нейтрино? О том, что они движутся со скоростью света?

Они ударили по внешним слоям с почти бесконечной силой. Плотный материал поглотил энергию, отвлёл её. Но она была слишком большой.

Нейтрино снова толкнули ударную волну наружу от ядра, ещё быстрее, чем до этого. Ударная волна теперь двигалась со скоростью два процента скорости света.

Экипаж Омеги был обречён.

Жёсткое излучение испаряло внешнюю оболочку корабля. Корабль лопнул, взорвался, как фрукт в огне. Снизу до Омеги доносились крики его команды, но он не мог никого разглядеть сквозь густой чёрный дым и красное зарево аварийного освещения. Аварийное освещение, в то время как свет снаружи плавит корпус! Он почувствовал запах собственной плоти, он смотрел на ударную волну, поглотившую его корабль, аннигилирующую его.

Ударная волна прошла сквозь него.

Если Фрагмент подделка, то почему он до сих пор жив?

— Это моя судьба, — перекрикивал Омега ужасный шум уничтожения палуб и переборок. Он исполнил свою судьбу. — Почувствуйте Энергию вокруг нас!

Гравитационные силы, вещество, — всё, из чего состоят вселенные. Пространство, время, и вещество связаны.

— Это узда, хватайте её!

— Почему он не умер?

Он слышал в своём сознании двух других, они говорили друг с другом, но не с ним. Их голоса угасали.

— Мы можем своими сознаниями поддержать стазисные гало. Это спасёт корабли.

— Корабль Омеги это не спасёт, всё уже разрушилось.

— Мы не можем спасти ни его корабль, ни экипаж.

— Мы можем спасти его.

Их сознания пропали, их корабль пропал, но Омега был всё ещё тут, воистину бессмертный в своём стазисном гало. Гравитация цепко держала его, на скорости одна треть световой он понёсся к зарождающейся в центре разрушения нейтронной звезде. Время вокруг него начало замедляться. Ему это не привиделось: интенсивная гравитация растянула пространство и время, сделала их эластичными. Он чувствовал, как Время протекало сквозь него, изменяло его, этому не мог помешать даже его защитный экран.

В течение нескольких ближайших секунд выжившие звездоколы будут омываться Энергией Времени. Они соберут часть этой мощи, откачают её в свои огромные батареи. В этом состоял План: это будет топливо для кораблей времени. Но чего Рассилон не предвидел, так это того, что сами члены экипажей окажутся облучены, они будут пропитаны этими энергиями. Омега теперь всё это видел, он видел перед собой Время так же ясно, как звёзды на ночном небе. Он чувствовал в нём гармонию.

Он видел будущее, он чувствовал у себя за спиной ветры времени.

В сердце звезды происходил самый последний процесс.

Если какой-нибудь предмет сжать до достаточно малых размеров — точное значение размера зависит от массы объекта и легко вычисляется — то пространство вокруг него замкнётся. И предмет выпадает из пространства-времени. От него останется только абсолютно непрозрачная чёрная сфера, дыра во вселенной. Но предмет будет обладать гравитацией, он всё ещё будет способен притягивать к себе вещество и энергию. Самый центр этой дыры будет обладать бесконечной плотностью и бесконечно маленьким радиусом. Ни один из законов физики не будет там действовать, пространство и время не будут связаны. Там может существовать что угодно, человек может стать богом.

Омега улыбнулся и развёл руки, готовый объять сингулярность.

За рёвом умирающей звезды он снова слышал их голоса, бесконечно тихие.

Они видели, какой эффект оказывает эта сингулярность на пространство и время. Словно молот бил по толстому стеклу, или по куску льда. Появлялись трещины, и они сливались в сеть линий. Раньше вселенная была каменным блоком, а теперь с неё откалывались осколки, открывая скульптуру, которая всегда была внутри. Пространство-время трещало, законы физики отменялись.

Рассилон был в панике. Рассилон не мог этого допустить.

Омега снова почувствовал сознание Рассилона. Он поднял голову и напряжённо прислушался к голосу над ним.

Но сознание говорило не с ним, оно говорило с чёрной дырой, оно охватывало её, манипулировало ей. Огромной силой воли Рассилон ввёл новый закон физики. Он установил равновесие, основал прекрасно законченную систему

уравнений. Из темноты явилась поверхность, поверхность, скорость убегания с которой равнялась скорости света. Обнажённая сингулярность была прикрыта, дыра во вселенной была запечатана, и снаружи буря утихала.

Вселенная была спасена. Ничто теперь не сможет сбежать из темноты.

Члены экипажей выживших кораблей стали повелителями времени.

Омега смотрел вверх. Он ничего не видел, но слышал, как над ним захлопнулся горизонт событий.

Теперь не было ни единой силы во вселенной, которая могла бы до него добраться; ни какого контакта. Здесь был только он, бессмертный в своём стазисном гало, защищённый от своего inferнального окружения.

Он падал невозможной, аномальной вспышкой света на фоне темноты.

Омега падал навсегда.

ГЛАВА 4

Сон в моём сознании

Двери в комнату Доктора узнали Ларну и раскрылись перед ней, несмотря на то, что она явилась немного раньше назначенного времени и без визитной карточки.

За последние несколько лет она провела с Доктором довольно много времени, но в основном это было в его кабинете в колледже, а в его частные комнаты она была приглашена впервые. Их планировка отличалась от её комнат. Она переселилась недавно и ещё не обосновалась. Доктор же жил тут много, много лет, и каждый кирпич, каждая половица были пропитаны его личностью. Ларна знала, что Доктора тут ещё нет. Это была возможность осмотреться.

Рядом с дверью было высокое зеркало, и Ларна задержалась, чтобы осмотреть себя. Она уже свыклась с тем, что ходит в одной ночнушке, но это была первая возможность увидеть себя такой, какой её видели другие. Она уже пришла в себя после бега вниз по лестнице, и наноpletение хлопка как по волшебству удалило пот, оставив ткань чистой. У сорочки был высокий воротник и облегающие манжеты, она полностью прикрывала её кожу от головы до ладоней. Ларне доводилось ходить в обыденной одежде, которая была менее приличной, чем эта ночная рубашка. Кроме того, хотя любовь к формальности и внешней строгости была присуща всем повелителям времени, а нахождение в чужой комнате в одной

ночной рубашке никто бы не одобрил, из этого так же следовало, что никто не станет её здесь искать, а если и найдёт, то не станет задавать вопросы. Этим утром Ларна поняла, что есть только один повелитель времени, чьё одобрение её интересовало, а остальными можно пренебречь. Она провела рукой по волосам, поправляя косы.

Главная комната была обычного размера, в ней было полно книг и артефактов со всех планет вселенной. По полу от самой входной двери шёл ковёр тонкого плетения. Ларна невольно обошла его, словно наступить на него босыми ногами было бы неприлично. Она прошла дальше в комнату, мимо деревянного глобуса Сол-3. Даже поверхностный обзор комнаты говорил о том, что тут много предметов с Земли, с самых разных периодов её истории. Повелителей времени давно поражала эта планета, столь похожая на их собственную: та же продолжительность дня и года, та же гравитация, то же расстояние от звезды такого же типа. Сами земляне также были очень похожи на галлифрейцев. Многие повелители времени испытывали особенную привязанность к Земле, а особенно Доктор. Земля была важным угловым камнем галактической космологии, её история лежала в основании большого количества установившихся событий. У Земли была яркость, которую Галлифрей либо потерял, либо же она дегенерировала до дешёвых приключений в Нижнем Городе.

Она вспомнила слова писателя-землянина: «Все мы в сточной канаве, но некоторые из нас смотрят на звёзды». Когда землянин смотрел на звёзды, он это делал не только для того, чтобы измерить поток электрически заряженных частиц или различие между абсолютной и кажущейся светимостью.

Кот Доктора, Вайклиф, тёрся об её ноги. Она присела, чтобы погладить его. Это было ещё одно из сходств между Галлифреем и Землёй: местные кошки требовали, чтобы им оказывали внимание. Найдя рядом с пищевой машиной миску, она набрала ему немного еды и молока. Слегка подёргивая хвостом, он поел. Себе Ларна тоже налила попить, и с чашкой в руке пошла осматривать комнату. На деревянной вешалке висело разнообразие шляп и верхней одежды. Внизу валялась официальная мантия. То ли она упала, то ли он её так сюда и бросил. Десяток самых изысканных вин в галактике лежали на полке, собирая пыль.

Возле камина Ларна обнаружила кресло Доктора. Она подумала, не сесть ли ей в него, а не в кресло для гостей. Его не будет ещё несколько минут, поэтому она сдвинула лежавшую там книгу («Четыре квартета») и уселась, поджав ноги под себя. Постепенно набивка кресла подстраивалась под её тело, привыкая к её присутствию. Кресло было обито бархатной тканью, похожей на ту, из которой был пошит сюртук, который часто носил Доктор. Место, на котором спал Вайклиф, было до сих пор тёплое. Она допила напиток, осматривая комнату Доктора с его точки зрения. Видеоэкрана она не нашла, а значит, она не сможет посмотреть на приём Доктором в Паноптикуме инопланетных делегаций.

Напротив кресла был камин, обрамлённый тяжёлой мраморной полкой с несколькими украшениями. Во всей комнате был всего один прибор, отображавший время: стоявшие на каминной полке позолоченные земные часы, на которых день делился на двенадцать часов равной длительности. На них было две стрелки: длинная указывала между двойкой и тройкой, а короткая прошла примерно

четверть пути от пятёрки до шестёрки. Рядом с креслом стоял небольшой столик, на котором не было свободного места. Вокруг чайного сервиза валялся всяких хлам: компьютерные карты, связка ключей. Был там и клочок коричневой бумаги. Инстинктивно оглянувшись, чтобы убедиться, что её никто не видит, Ларна развернула его.

Там было одно единственное слово, написанное от руки большими буквами.

«ОНМ»³

Ларне это слово о чём-то напоминало. Это было земное слово для обозначения единицы измерения электрического сопротивления, названной в честь одного из их учёных, но был в этом слове ещё какой-то смысл, который ей не удавалось вспомнить. Она с виноватым видом положила бумажку на место, уверенная, что кто-то её только что увидел. Но она была по-прежнему одна, если не считать Вайклифа.

А ещё на столике стояла пустая деревянная шкатулка, из которой, видимо, и вынули всё это. Прямо в столешнице торчал нож. Ларна выдернула его, удивившись, как это было легко. Нож не мог быть металлическим, должно быть, это было какое-то поле. Она коснулась кончика лезвия, чтобы проверить, насколько оно острое, и порезала палец. Вскрикнув, она выронила нож.

Ларна положила палец в рот, чтобы отсосать кровь.

Над каминной полкой висели две картины. На первой было компьютерное изображение мужчины и женщины. На мужчине было тело средних лет, с белыми волосами и подстриженной бородой. Женщина улыбалась. Глаза у них были необычные: у

³ ОМ (англ.)

него они были тёмные и мудрые, как у древнего воина. А у неё серые, молодые. Ларна не узнавала ни его, ни её, но каким-то образом почувствовала, что эта картина отображает момент времени, который сейчас уже утерян. Они уже мертвы, или разделены приливами времени и пустынями пространства.

Вторая картина была такая красивая, что при взгляде на неё у Ларны на глазах выступили слёзы. Эта картина не была компьютерной, она была нарисована вручную. Женщина на картине была похожа на кошку, чёрное каре и глаза такого ярко-зелёного цвета, что они могли бы показаться неестественными, если бы не были настолько уместными. Она была стройная, с обнажёнными, покрытыми веснушками плечами. Эта женщина выглядела гораздо старше и мудрее, чем её внешность. Эта картина была лишь её тенью, словно она запечатлела лишь одну из граней страстной, умной, очаровательной личности. Платье на ней было архаичное, из ниспадающей золотой ткани, которую галлифрейянки не носили уже несколько столетий... В руке у неё был свиток, на котором что-то было написано.

Ларна попыталась прочесть. Написано было на верхне-галлифрейском.

— «Смерть — всего лишь дверь», — прошептала она.

И перед ней в стене появилась дверь, которой там только что не было.

Доктор стоял между сонтарской и рутанской делегациями. Его прошлая копия успела улизнуть так, что этого не заметили ни делегаты, ни камеры публичного вещания, и теперь должна была быть на пути к причалам ТАРДИС. Всё остальное, как говорится, история. Теперь он мог переключить всё своё

внимание на конференцию, не беспокоясь о том, что вселенная развалится из-за созданных им парадоксов времени.

Делегаты впервые стояли лицом к лицу. О чём думал рутанин, понять было невозможно. Его щупальца извивались, по коже пробегали цветные узоры, но Доктор не был уверен, было ли это признаком его эмоционального состояния, или же это были просто физиологические процессы. Он знал, что ему придётся быть осторожным, чтобы не отдать предпочтение сонтаранам из-за того, что они были гуманоидами, с эмоциями и выражениями лиц, которые он мог понять. Впрочем, в данный момент сонтаране были ничем не лучше: при входе в Цитадель они снова надели шлемы, и было видно только их глаза, сверкавшие сквозь щели. Их позы говорили о мрачной решительности, впрочем, как и всегда.

Доктор знал, что одно неуместное слово — и делегаты уйдут; вернутся на свои корабли и возобновят боевые действия.

— Ещё раз приветствую вас, — сказал Доктор, тщательно стараясь обращаться одновременно к обеим делегациям. — Спасибо обеим сторонам за то, что вы прибыли. Мы начнём переговоры завтра, с первыми колоколами. Мы подготовили для вас апартаменты согласно присланным вами параметрам. Условия ваших миров там идеально воспроизведены. Прежде, чем Стража Канцелярии отведёт вас к вашим номерам, есть ли у вас ещё какие-нибудь вопросы?

Строй солдат разделился на две группы, отдал инопланетянам честь, и начал строиться для сопровождения.

— Есть вопрос безопасности, — сказал рутанин. — Вы даёте гарантию, что сонтаране не выйдут за пределы своего номера и не уничтожат меня?

— Ни вы, ни сонтаране не будете заперты в своих номерах, но если вы пожелаете выйти за пределы ксенодохии, Стража будет сопровождать и следить за вами. Обе делегации вольны перемещаться по Цитадели за исключением, разумеется, номеров своих противников. Обеим сторонам запрещено иметь какого-либо рода оружие, и обе стороны согласились на постоянное слежение с целью недопущения приобретения ими оружия.

Доктор немного помолчал.

— Вы здесь в полной безопасности, в большей, чем когда-либо бывали. Я надеюсь, что в этой атмосфере спокойствия, без постоянной угрозы убийства или нападения, вы сможете узнать, что между вашими расами есть общее.

Сонтаране и рутане никак не прореагировали.

Улыбка Доктора погасла.

Пустые слова Доктора плыли вверх, как конвекционные потоки. От купола крыши доносилось эхо марширующих сапог — Стража Канцелярии уводила инопланетных делегатов. Они думали, что им ничего не грозит, что повелители времени могут обеспечить их безопасность. Они ошибались, они были так самонадеянны.

Мужчина в маске сидел на одном из стропил, поддерживающих Купол Паноптикума. Под маской у него была улыбка. Они ещё увидят, как они ошиблись.

Хуран очнулся мёртвым.

Он закричал, набрав воздуха в фантомные лёгкие и вытолкнув его через призрачную глотку. Это было похоже на жизнь, похоже. Он дышал лишь потому, что решил дышать, в его венах не было крови, в его желудке не было еды.

Всё это время повелитель времени стоял и смотрел на него. Он был старшим членом Верховного Совета, одним из Министров. На нём была чёрная мантия, поглощавшая каждый фотон падающего на неё света. В его глазах не было ни сочувствия, ни какого-либо другого чувства. Позади него стояли два стража: один молодой, а второй — тот, которого брали в заложники. Тот, который убил его. Они рылись в выложенных на подносе вещах Гурана.

— Я умер, да? — спросил Хуран.

— Да, — без обиняков сказал Магистрат. — Мы обнаружили ваше тело над магазином на Рыбной улице. Ваша текущая форма — компьютерная симуляция, реконструированная на основе ваших мозговых волн, — он указал на светившийся куб данных, вставленный в его ручной терминал.

Мысли вертелись в голове Хурана, плохо согласуясь друг с другом.

— Вы меня вылечите, да? Вызовете регенерацию?

— Нет.

По спине Хурана пробежал цифровой озноб.

— Вы можете это сделать, — настаивал он. — Этого стража вы оживили.

— Мы вовремя обнаружили констебля Пелтрока. Несмотря на те раны, которые вы ему нанесли, врачи смогли добиться полного восстановления.

— Если вы его нашли вовремя, то вы и меня нашли вовремя! — крикнул Хуран.

Магистрат не отрицал этого.

— Ваше тело уже утилизировано, — спокойно сообщил ему повелитель времени.

— Тогда сотките мне новое!

Магистрат покачал головой.

Хуран закрыл глаза, больше не ощущая ни кожу на лице, ни вес своей головы.

— Йири, — сказал он.

— Данные женщины тоже были сохранены.

— Мы сможем быть вместе, когда всё закончится?

— Всё уже закончилось.

— Но мы всё ещё существуем, пускай даже только в виде симуляций. Это всё ещё я. Нас можно загрузить в одну программу, мы можем быть вместе.

— Да зачем вам это?

— Вам этого никогда не понять, сухой, не имеющий матери тай... — завершение фразы не удавалось произнести, как бы Хуран ни старался.

Магистрат зевнул, затем включил что-то на пульте.

— Констебль Пелтрок — герой, раненый при исполнении своих обязанностей. А вы, Хуран, были преступником, как и ваша подруга. Нет ни единой причины, почему мы должны оказывать вам такие же привилегии. Однако мы не звери и не хотим вас уничтожать. И ваши, и её биоданные будут сохранены в архиве.

— Покажите мне Йири, пообещайте, что мы с ней будем вместе. А иначе я вам ничего не скажу.

Магистрат вздохнул и набрал на терминале какую-то команду.

— Вы содействовали мужчине в маске в похищении стража Капитолия. Кто этот мужчина?

Хуран улыбнулся, готовый стоять на своём, но неожиданно для себя ответил:

— Я не знаю, как его зовут. Он из таймиков, ни разу не представился.

Говорил он, но он уже не был Хураном. Всего лишь компьютерная модель, копия. Повелители времени теперь знали о нём всё, даже Йири столько о нём не знала. Они знали о лжи, о блефе, о всех личных мыслях и интимных моментах. Им достаточно было спросить.

Для продолжения допроса от него не требовалось думать.

— Повелитель времени? Почему вы так считаете?

— Вы все говорите и действуете так, как будто всё тут принадлежит вам. И только повелители обладают телепатией, об этом вы позаботились.

Магистрат задумчиво кивнул:

— Когда вы с ним познакомились?

— Десять дней назад, за Куполом. Он сказал, что нужно выполнить работу, и что он заплатит нам деталями.

Магистрат вопросительно приподнял бровь.

— Запасные микросхемы, механизмы, другие части машин. Обычно их тяжело достать, если не имеешь контактов *внутри*. Они всегда в цене, особенно новые.

— Что это была за работа?

— Мы сняли для него комнату, помогли ему найти кое-что.

— Вы помогли ему взломать зал 403?

— Что?

— Хранилище Архива в Цитадели. Непосредственно перед похищением констебля Пелтрока оттуда были украдены некоторые предметы.

— Ни я, ни Йири не участвовали.

— Хотите сказать, что ваш наниматель смог дотащить потерявшего сознание Пелтрока от казармы до Нижнего Города самостоятельно?

— Этого я не говорил, я сказал, что это был не я. Мы с Йири были в Нижнем Городе. Босс позвонил и сказал, что ему нужен дролминатол.

Молодой страж шагнул вперёд и шепнул Магистрату на ухо:

— Химический релаксатор, предназначенный для ослабления телепатической защиты. На улице известен как «интермейс». Врач обнаружил его следы в крови констебля.

— Да, — подтвердил Хуран. — Часто попадается, если знать, где искать. Шлюхи им пользуются, когда у них клиенты-таймики и они хотят добиться большего расположения.

— Нанявший вас предатель разыскивал информацию и считал, что констебль Пелтрок этой информацией располагает. Что он хотел узнать?

— Я не знаю. Что-то о каких-то ключах, вот и всё, что я знаю.

— Ключах от чего?

— Я не знаю, что это за ключи.

— Великий Ключ? Ключ ко Времени?

Хуран засмеялся:

— Это не в его лиге. Думаю, речь шла о чём-то более личном.

— Давайте поговорим о вашем нанимателе.

Констебль Пелтрок шагнул вперёд:

— Когда вы зашли в комнату, он сказал: «Нужно торопиться, уже почти рассвет». Почему был важен рассвет?

— Не знаю. Мы его видели только по ночам. Йири думает, что он работает в Куполе в утреннюю смену, и кто-то может заметить его отсутствие.

— Вы никогда не видели его днём?

— Нет. И сообщения от него получали только после наступления темноты.

— Вы видели его без маски и плаща?

— Никогда. Знаете, каким вопросом вы должны задаться? Зачем он одевал маску? Причина только одна — мы бы узнали его лицо. Зачем использовать устройство искажения голоса, если бы мы не могли узнать его голос?

Магистрат кивнул, размышляя над этим. Затем, без всяких церемоний, он отключил куб данных и положил его на подставку, к остальным.

Ларна как будто шла среди звёзд.

Расстояния на вид оценить было невозможно, комната могла быть и размером с маленькую спальню, и со стадион. На чёрном фоне горели ряды свеч. Комнату наполняло их тепло, их золотой свет, их тонкий аромат.

Перед ней, на небольшом постаменте, стоял небольшой стеклянный сосуд. Присев, она увидела лежавшее среди нескольких цветов ожерелье. Серебряная цепочка с сапфировым кулоном. Ларна где-то его раньше уже видела, она была уверена в этом, но не могла вспомнить где. Она надела цепочку себе на шею. Всё стало таким... правильным. Ничего больше в комнате не существовало, это было похоже на идеальную медитацию. Это был покой, — подумала она. Ларна не знала, сколько времени прошло с тех пор, как она вышла

сюда из комнаты Доктора. Время прекратило иметь значение. Она обернулась, чтобы оценить расстояние до двери.

В дверном проёме стоял силуэт Доктора.

— П-прости, — сказала она.

Её рука поднялась, чтобы прикрыть грудь. Словно рука поняла раньше неё самой, что это очень личное место, что ей не следовало сюда заходить. Внезапно комната показалась пустой, огромным вакуумом. Она была тут чужая.

Доктор вошёл в комнату. Он подошёл ближе, на его лицо упал тёплый свет.

— Я уйду.

Но ей нужно было обойти его.

— Нет, — сказал Доктор, когда дверь у него за спиной начала задвигаться. Он стоял над ней, на лице у него были следы улыбки. — От тебя у меня нет секретов.

Они почти касались друг друга. Ларна опустила руку и склонила голову.

Указательным пальцем Доктор легонько коснулся кулона. На среднем пальце правой руки у него было кольцо, в котором был такой же синий камень.

— Тебе идёт, — мягко заметил он.

Ларна вспомнила, где она видела этот кулон:

— Женщина на картине умерла, да?

Доктору не нужно было ничего говорить.

— Я не знала.

— Это было очень давно, — спокойно ответил он. — По году на каждую из свеч, и так давно, что все остальные уже забыли, — в уголке его глаза была слеза. — Я забыл её. Теперь я её вспоминаю только тогда, когда хочу этого. Прошное нельзя изменить.

— Тем не менее, ты создал для неё нуль-комнату.

— Это комната для меня. У меня есть много и других мест.

— Ты путешествовал, — прошептала Ларна. — Я никогда не выходила из-под Купола. Я ни разу не бывала в Нижнем Городе. Я хочу путешествовать. У тебя была возможность улететь. Почему ты вернулся?

— Это дом.

— Расскажи мне о ней. Где вы познакомились?

— Мы не познакомились.

Доктор замолчал.

— Ты нарисовал её портрет, — сказала Ларна.

Доктор кивнул:

— Она учила меня танцевать.

Ларна улыбнулась, и Доктор улыбнулся в ответ. Их взгляды и мысли пересеклись.

Весь танцзал был предоставлен им одним, и они танцевали под небом янтарного цвета. Он был в парадной одежде, на груди у него был ряд золотых пуговиц, в тон её шёлковому платью. Арфист играл павану. Это был какой-то праздник, фестиваль... неважно какой. Собрались все домочадцы и их друзья. Было несколько инопланетян: мистер Салдамир, пара с Алтрейса, и толстый желтокожий мужчина с красными гребнями на макушке. Все зачарованно улыбались, глядя на их хореографию. В любом другом месте это было бы невыразимое декадентство, но и здесь это был скандал. Младший сын и старшая женищина. Что подумает его отец?

Им это было не важно. Танец был всё, что имело значение в этот момент. Сложные уравнения формы и звука выражались их медленными, степенными движениями. Он вёл, не просто вспоминая то, чему она его научила днём, а развивая,

усложняя выученное. Теперь, впервые, она училась у него. И они знали, они помнили, что ей всё ещё многому нужно было его научить, и что она тоже будет учиться у него.

Музыка остановилась, и все до последнего, даже арфист, зааплодировали им. Это был первый раз, когда они были так счастливы, но ночь ещё только начиналась.

Она протянула руку, чтобы коснуться его лица, решившись на это, невзирая на последствия.

Ларна хотела отдернуть руку, но Доктор удержал её, его пальцы скользнули между её пальцами, его другая рука легла ей на пояс, он не сводил с неё глаз. Его касание было тёплым, и когда они прижались друг к другу, она почувствовала бархат его сюртука, даже сквозь хлопок своей рубашки.

Они начали танцевать.

Безымянное солнце Галлифрея возшло над Куполом Капитолия, как это происходило с самого начала вселенной.

В сам Купол солнечный свет не проникал, но Часы Старой Гавани, стоявшие в восточной части Капитолия, отметили это событие, пробив девять колоколов. На полке под огромным циферблатом начался тонкий механический балет: полномасштабные подвижные фигурки вышли на свои позиции и начали своё ежедневное действие. Они были ярко раскрашены и красиво одеты, это наверняка что-то символизировало, но что именно? Даже те немногие галлифрейцы, которые их замечали, не могли прийти к единому мнению. Одной из проблем было то, что эти часы никогда не были созданы. Во всяком случае, в этой линии времени. Они были парадоксальным остатком Войн Времени, возможно, единственным следом, оставшимся от своего, параллельного

Галлифрея. Однажды они просто возникли, и никто не помнил, когда это было.

Параллельные повелители времени, построившие Башню, встроили в часовые фигурки долю самосознания и способности развиваться. И сейчас, хотя никто об этом не знал, эти часовые люди были самыми разумными существами на Галлифрее. Их общество было сложно устроено, но при этом идеально отрегулировано, и они разработали сложную философию и этикет для объяснения их мира и их действий. Пройдёт ещё какое-то время, прежде чем они поймут, что они лишь персонажи на давно забытом циферблате, но когда-нибудь это открытие случится. И тогда наступят разногласия, раскол и война. Но они всё равно будут кружиться друг вокруг друга по идеальным окружностям и описывать своими конечностями идеальные дуги.

Звон Часовой Башни был слышен на восточной стороне Цитадели. Реймор и Пелтрок слышали его, когда проходили через один из шестиугольников в галереях Паноптикума. Вокруг них повелители времени и техники выходили из своих квартир и брались кто за свою работу, кто за свой отдых. Обычно жизнь в Цитадели шла как часы, всё гармонично, каждый день одно и то же. Но сегодня наблюдались нотки диссонанса. Лорд Хенспринг чуть не столкнулся с капитаном Джомдеком, когда они проходили мимо живого фонтана. Никто не мог найти леди Гехаммер, её место занял лорд Норвал. Мелочи, пустяки, но Реймор их замечал. Да и сами стражи возвращались в казарму позже, чем обычно. Прошедшие сутки были насыщены событиями. Из-за чёртовых инопланетян уже начинался хаос.

Мимо них быстро прошёл Магистрат, едва поприветствовав. Его чёрный плащ развевался позади него, как живое существо.

Пелтрок шёл, опустив плечи, последние несколько часов его не покидала одна мысль.

— В чём дело, сынок? — спросил у него Реймор. — Врачи же тебя вроде вылечили. Ты теперь, наверное, стал здоровее, чем был.

Пелтрок даже не улыбнулся:

— Возможно.

— В чём дело?

— Когда он говорил с Хураном, — начал Пелтрок, указав на Магистрата, — он назвал меня героем. Я не герой.

— Ты действовал храбро. Победил двоих преступников, чуть не поймал их главаря. Ты действительно можешь служить для нас примером. Это героизм.

— Я убил двоих людей. Одна из них была женщиной.

— Это был несчастный случай.

— Второй не был случайностью. Я ударил его в спину. Это не героизм.

— Он бы тебя убил. И... — в этот момент между ними промчался Доктор в нелепой одежде. Он поздоровался с ними на ходу. — И ты не сдался, ты не выдал этому психу в маске то, что ему было нужно.

Пелтрок покачал головой:

— Тогда почему я не чувствую себя героем? Почему я до сих пор дрожу?

К ним бежал техник, молодой парень со светлыми волосами. Разумеется, лишь взглянув на них, он сразу решил, что старший из них — Пелтрок.

— Вы должны срочно пойти со мной! — с трудом сказал он.

Реймор шагнул вперёд, пытаясь всё-таки восстановить иерархию.

— Успокойтесь, сэр. Я уверен, мы сможем вам помочь.

— Я только что нашёл труп, — сказал техник. — В Камере Эпсилон. Это техник первого класса Веймиврудимкве. Кажется, его зарезали.

Доктор готов был поклясться, что какое-то мгновение стражи конференц-зала не хотели его пропускать. Едва Доктор появился у порога, как у него на пути возник Нульквемпер, мелкий чиновник неясной должности.

— Доброе утро, Доктор. Вы снова опаздываете.

— Опоздываю, Нульквемпер, поэтому не могли бы вы... — Доктор попытался проскочить мимо, но невысокий лорд снова стал у него на пути.

— Инопланетные делегации прибыли десять минут назад, на несколько минут раньше, чем было запланировано.

— Ну что же, тогда я... — Доктор посмотрел на дверь. — Где они?

— В конференц-зале.

— Кто там с ними?

— *С ними*, милорд Доктор?

— *С ними*.

— Никого, милорд.

Доктор раскрыл рот, чтобы что-то сказать, но слова раздались лишь через пару секунд:

— На протяжении десяти миллионов лет сонтаране и рутане при каждой встрече убивали друг друга. Чтобы этого не

случилось здесь, они должны были собраться в разных вестибюлях и зайти в сам конференц-зал лишь после моего прибытия.

— Правда? — с невинным лицом сказал Нульквемпер. — Но вы же опоздали, не так ли?

— Там же, наверное, война уже разразилась!

К неудовольствию Нульквемпера, Доктор оттолкнул его в сторону. Он распахнул двери, не зная, что его за ними ждёт.

Рутанин и сонтаране сидели за треугольным столом переговоров. Поскольку сонтаран было десять, а рутанин один, расстановка выглядела несколько несбалансированной. Генерал Сонтар сидел, придвинувшись к столу, по бокам от него сидели по два его советника. Остальные пятеро сонтаран сидели ровной шеренгой у стены.

Рутанин там просто сидел, его нижняя часть то ли опиралась на стул, то ли свешивалась с него.

В сопровождении гробового молчания Доктор сел на своё место. Они здесь так сидели уже десять минут. Это было похоже на детскую игру в гляделки, кто первый моргнёт. Но ни у той, ни у другой рас не было век.

— Я опоздал на несколько минут, — начал он. — Приношу свои извинения.

Никто ему не ответил, никто даже не повернулся к нему лицом. Они сидели и подозрительно рассматривали друг друга. Здесь не было оружия, обе стороны это знали, но они всё равно подозревали, что это была какая-то ловушка.

Ещё десять мучительных секунд все молчали.

— Каким мы будем пользоваться языком? — проревел один из сонтаран.

— Любим, какой вы хотите слышать в ответ, — с радостью объяснил Доктор. — Одно из преимуществ проведения переговоров тут, на Галлифрее, состоит в том, что не будет проблем с переводом. У ваших рас разные названия для планет и единиц измерения. Планету, которую сонтаране называют Новый Квентар, рутане называют Сиссвёргплок. Нам она известна как Процион. Вы всегда будете слышать понятное вам название, вам не придётся использовать названия ваших врагов.

Рутанин булькнул:

— В большинстве случаев всё не так просто, поскольку наши единицы измерения времени основаны на периодах вращения наших родных планет, и рутанский год в три раза длиннее сонтарского, а галлифрейский год не совпадает ни с тем, ни с другим.

— О, да, — оживившись, сказал Доктор. — Возьмём, к примеру, то, как Галлифрей измеряет час. В древние времена мы пользовались солнечными часами, разделёнными на девять интервалов. Мы называли их «часы» в честь древнего бога солнца. Есть также девять часов темноты, измеряемых при помощи свечи или песочных часов. Девять колоколов — это всегда рассвет утром и закат вечером. Очень простая система, но также и очень сложная. Ось нашей планеты слегка наклонена, поэтому летом день длиннее, чем зимой. Но независимо от времени года солнечные часы делят светлое время суток на девять часов. В итоге продолжительность часа меняется от сорока пяти минут зимой до ста десяти летом. В данный момент подходит к концу одиннадцатый месяц года, и в каждом дневном часе сорок пять минут, а в каждом ночном часе около ста пяти минут.

Рутанин фыркнул, что было весьма необычным зрелищем.

— Нелогично, ненаучно.

Доктор кивнул:

— О да, особенно сейчас, когда мы живём под Куполом. Но мы всё равно почти всегда измеряем время именно так. Некоторые из повелителей времени живут по своей собственной системе, основанной на их собственных биологических часах или на потребностях их работы. Я лишь хотел сказать, что фраза «один галлифрейский час» в лучшем случае бессмысленна, и её полдня нужно объяснять не-галлифрейцу. Но для вас всё это переводится. Если я скажу «один час», сонтаране услышат это как «четыре суб-лунных цикла», а вы услышите это как «шестьдесят три миллиона такта». Мы все поймём, о каком периоде времени идёт речь.

— Ну, мы рассчитываем, что уж кто-кто, а повелители времени должны понимать, что время относительно, — сказал рутанин.

Генерал Сонтар хрипло хохотнул:

— Было бы смешно, если бы они не понимали.

То ли так диктовал их этикет, то ли до них медленнее доходило, но другие сонтаране захихикали лишь после того, как закончил смеяться Сонтар. Станный это был звук, словно кто-то мотоцикл заводил.

Доктор широко улыбнулся.

Рутанин пошутил, а сонтаране засмеялись. Не всё для них ещё потеряно.

Ларна видела сон; она знала, что это сон, потому что над верхними садами Капитолия не бывает солнца, да и за Куполом это тоже не могло быть — тут всё было не настолько дикое, как

она читала. Она знала, что ей это снится, потому что на самом деле она была в кровати Доктора.

Тут не было тропинок, не было аккуратно выложенных клумб, лабиринтов, зелёных изгородей. Но пурпурная трава была аккуратно подстрижена, а рядом с прудом была скамья. В воздухе была тонкая дымка, скрывавшая от неё остальной мир, и её от остального мира. Но небо было синее, безоблачное, воздух был тёплый. Она хотела понять, чей это сад и как она в него попала. Она захотела узнать, что на ней надето, и оказалось, что на ней не надето совсем ничего. Но здесь не было повелителей времени, которые могли бы осудить её за это, здесь были только бабочки, да и вообще это был всего лишь сон.

Её ноги всё ещё болели после бега по лестнице. Поскольку у неё была такая возможность, она шагнула в воду. Пруд был тёплым, но не так, как ванна. Она пошла дальше, и вода плескалась вокруг ступней её ног, вокруг её бёдер, пояса, груди, шеи. Вода отнимала её вес, поднимала её. Она расслабилась и позволила телу всплыть горизонтально, спиной вниз, лицом к идеальному небу, не видя больше ничего, кроме синевы. Её волосы расплелись и плавали вокруг неё. Её голова погрузилась так глубоко, что уши были под водой и не могли слышать пение птиц. Она закрыла глаза.

Несколько похожих на сон минут была только она, вода и солнце, которые по-разному грели её кожу.

А потом появилось что-то ещё, что-то страшное. Ларна чувствовала, как оно приближается, окружает её, наблюдает за ней, вода стала ледяной. Её ноги начало сводить судорогами, она пыталась вдохнуть, но мышцы её не слушались. Её глаза были раскрыты, но она не могла пошевелиться. Она

погружалась, она не тонула, но небо над ней стало кроваво-красным. Сад становился всё темнее. Деревья и трава дрожали на ветру. Вода начала замерзать, прозрачная корка образовывалась между ней и воздухом.

Поскольку её уши были под водой, всё это происходило в тишине. Но вокруг неё звучал смех, насмешливый смех, в котором терялись все другие звуки. На кону было всё.

Всё.

Послышался тревожный стук по дереву одетого в перчатку кулака.

Небо остыло, стало тёмным, как чугун, и Ларна с него смотрела на своё собственное тело. Она выглядела спокойной и, казалось, сияла, потому что всё вокруг её тела было таким тёмным. Её волосы и глаза были золотые, и если её зубы казались слоновой костью, то кожа была перламутровой. Ветер нёс над ней лепестки из сада и ронял их в чёрную воду. Она поняла, что умерла. Под левой грудью у неё была аккуратная рана.

Её смерть её не встревожила. К чему тревожиться, ведь это всего лишь сон, да и все остальные тоже умерли.

Но это был не сон, и она была голая. Было несколько звёзд, но она видела себя, чувствовала себя, замерзая. Она видела, что она расплетается, нити ДНК и волосы распускались. И что-то распускало её до тех пор, пока от неё ничего не осталось. Ей не было больно, но она была мертва, и поэтому не могла остановить это, не могла даже пошевелиться. Позади неё и вокруг неё сад тоже распускался. Бабочки исчезли, как развязавшиеся бантики, скамья и трава рассыпались в нити хлопка.

Она закричала.

Магистрат распахнул дверь и увидел запутанную в простыни Ларну. Она была одна, она кричала. Её длинные волосы спутались. Магистрат тремя быстрыми шагами пересёк комнату, одной рукой зажал ей рот, а второй придержал её. Она сопротивлялась, и она была сильная, она чуть не сбросила его с узкой кровати, но в конце концов успокоилась.

Он убрал руку и позволил ей сесть.

Глаза у неё были широко раскрыты, грудь высоко вздымалась так, что свисавший с шеи кулон подпрыгивал. Несмотря на это она кивнула ему.

— Магистрат, — почтительно сказала она.

— Забудьте формальности, — резко сказал он.

То ли так на неё подействовала его интонация, то ли взгляд, но она мигом взяла себя в руки.

— Мне приснился плохой сон, — сказала она ему. — Я распускалась, рассыпалась.

— Что вы сделали с Доктором? — спросил он.

Она посмотрела по сторонам, только сейчас сообразив, где она находится.

— Ничего, — слишком быстро, виноватым голосом сказала она. — Это не то, что можно подумать, мы не... — она поправила на себе свою рубашку, но всё равно чувствовала себя неуютно. — Он был здесь, — признала она. — Я не заметила, когда он ушёл.

Магистрат двинулся, чтобы встать.

Ларна схватила его за руку:

— Нам нужно пойти в камеру бесконечности. Я совсем забыла, нам нужно в камеру Эпсилон. Я запустила там программу. Я объясню, когда мы будем там.

Что-то в её голосе заставило его сразу согласиться.

У него на запястье запищал коммуникатор. Магистрат оттянул перчатку, чтобы добраться до него.

— Говорит Нульквемпер. Доктор только что появился. Сейчас он...

— Экстренное сообщение! Магистрат, говорит констебль Пелтрок. Произошло...

— Я не один, констебль. Подождите минутку.

Коммуникатор замолчал, и Магистрат обратился к Ларне:

— Я поговорю с констеблем в большой комнате. Выходите, пожалуйста, туда, когда переоденетесь.

Он вышел из спальни, тщательно прикрыв за собой дверь.

Комната Доктора была такой же, как и всегда — несколько излишне сумбурной, как на вкус Магистрата. Сколько раз он сюда ни приходил, всегда находил здесь какой-то новый артефакт или сокровище. Он улыбнулся — это был первый случай, когда посреди этого беспорядка он обнаружил ещё и женщину. Он не был уверен, рад он этому или нет. Взглянув на висевший над камином портрет, он определился. Ларна была очень молодая, но она больше уже не была ученицей Доктора, и кроме неё на Галлифрее почти ничего не могло сделать Доктора счастливым. И это было их дело, и только их.

Вайклифа нигде не было видно. Магистрат проверил его ящик.

— Киса, ты там не сдох? — строго спросил он. Ответа не было.

Кресло для гостей стояло на своём обычном месте. Магистрат сел в него и позвонил Пелтроку.

— Совершено убийство, сэр. Техника.

Голос констебля был сильно взволнованным. Смерть тут была редкостью.

— Предатель?

— Возможно, ваша светлость. Его зарезали, а, как вы знаете, человек в маске пользовался силовым ножом. Тело всё ещё здесь, в камере бесконечности Эпсилон. Я обратился к вам раньше всех.

— Эпсилон... — пробормотал Магистрат.

Краем глаза он что-то заметил. Среди прочего хлама — ключей, монет, карт данных — на столе лежал силовой нож. На его рукояти было несколько капель крови.

— Так точно, милорд, Эпсилон.

Магистрат сложил руки домиком. Это всё осложняло.

— Какого, вы говорите, роста был изменник?

— Среднего, я бы сказал. Тяжело судить о том, что было под плащом.

— Это могла быть женщина? — спросил Магистрат.

Несколько секунд Пелтрок молчал.

— Почему бы и нет? Но чертовски сильная. А почему вы спрашиваете?

В дверь зашла леди Ларна. Она оделась в одежду Доктора. Магистрат узнал его парчовый жилет и подумал, узнала ли его она. Ларна и Доктор были примерно одного роста, так что костюм на ней хорошо сидел. Так же на ней была белая рубашка без воротника и с просторными рукавами, а ещё габардиновые штаны, для которых ей пришлось искать ремень. Она расчесала свои светлые волосы, не заплетая их. Она была босая. Одежда Доктора придала ей часть его уверенности в себе, она была спокойная и собранная.

— Я готова, — сказала она.

Магистрат кивнул.

— Спасибо, констебль, — сказал он в коммуникатор. —
Пожалуйста, никого не впускайте. Я скоро приду.

ЧАСТЬ 2

Конец Вселенной

ГЛАВА 5

Причина и следствие

За долгие годы Доктору доводилось браться за многие дела, но у него не было ни малейшей идеи о том, как проводить межзвёздные переговоры. Он это понимал. Он надеялся на долю неформальности, и не хотел утонуть в процедурных вопросах и выйти на второй день из комнаты, радуясь тому, что удалось договориться, какой будет форма стола переговоров, хотя на самом деле никакого прогресса ещё не было.

Однако, первое же, что он сделал, было ужасной ошибкой. Он спросил у сонтаран и рутан: почему они начали воевать?

Истоки Войны были настоящей исторической загадкой, предметом научных и досужих споров по всей галактике. При подготовке к Конференции, Доктор попытался изучить как можно больше книг, посвящённых этому вопросу. Было тридцать или сорок различных теорий, пытавшихся объяснить начало Войны, и каждая из них разветвлялась на тысячи различных направлений. Он словно изучал эволюционную диаграмму, видел, как идеи развивались, эволюционировали, совершенствовались. Различные версии взаимно обогащали друг друга, приводя к появлению новых, зачастую просто безумных объяснений. Это всё было очень интересно, и Доктор уже мог бы написать на эту тему несколько монографий, но с точки зрения получения ответа на вопрос всё это было абсолютно бесполезно. Услышав причины начала войны из

первых рук, Доктор рассчитывал не просто обогатить историческую науку, он надеялся, что это поможет двум сторонам устранить разногласия. Если они поймут, что всё это было ужасным недоразумением, сонтаране и рутане смогут пожать друг другу руки.

Первым заговорил рутанин. Война началась тогда, когда сонтарская армада вторглась в рутанский космос. Восемьсот боевых кораблей возникли из гиперпространства в Созвездии Зит и систематически уничтожили все свидетельства рутанской колонизации этого района, начиная со столиц планет и заканчивая обсерваториями в глубоком космосе. Не было ни объявления войны, ни попыток переговоров, вообще никакого общения. Пленных не брали, никто не выжил. Когда в ответ на сигнал о бедствии прибыли корабли-разведчики, они обнаружили, что двадцать семь рутанских колоний лежат в руинах, а тех, кто их разрушил, давно нет.

Доктор внимательно слушал рутанина, но наблюдал при этом за Сонтаром. Широкий рот древнего генерала Сонтара скривился в подобие ухмылки. Он откинулся на спинку, явно наслаждаясь каждой секундой, когда его заклятый враг был вынужден излагать детали победы сонтаран. Остальные сонтаране вели себя точно так же, то ли из-за сходства генов, то ли это просто считалось среди них хорошим тоном.

— Вы гордитесь этим, генерал, — заявил Доктор.

Сонтаранин проворчал:

— Это был хороший день, я был на флагманском корабле, когда мы выжгли рутан на трижды трижды трёх планетах. Но рутанин рассказал не всё. Мы тогда мстили. За два дня до этого рутанский эскадрон уничтожил планету Холфактур, на границе

Установившегося Пространства, и убил множество гражданских.

— Установившегося Пространства? — переспросил Доктор.

С дальнего края стола на Доктора сверкнул взглядом Кракс:

— Очевидным фактом является то, что Сонтарская империя распростёрлась вдоль трёх граней вселенной, она содержит в себе бесчисленное число галактик и групп галактик. Однако всю вселенную сонтарская раса ещё не захватила. Область, которая в данный момент находится под прямым контролем сонтарской расы и её доминионов, является Установившимся Пространством, а остальная часть вселенной — Ещё-Не-Установившимся Пространством.

— Спасибо за разъяснение, — сказал Доктор.

— Нет никаких гражданских, — взвизгнул рутанин.

Доктор хотел спросить, имеет ли он в виду вообще или только среди сонтаран, но рутанин не дал ему возможности вставить слово.

— Эта так называемая гражданская планета Холфактур была базой военной подготовки. Мы знаем об этом, потому что сонтаране воспользовались войсками, подготовленными на Холфактуре, в Пурпурных Зонах Рутанского Космоса.

— Где вы занимались разработкой биологического оружия, — резко сказал Грол. — Опустошённый район, исконное население которого было принесено в жертву ради создания вируса, способного уничтожить сонтарскую расу.

Кракс наклонился вперёд, вцепившись руками в край стола так, словно хотел его опрокинуть:

— Мы послали туда свои войска, чтобы не допустить очередной Манкастовон.

Генерал Сонтар посмотрел на рутанина:

— Пока на троне сижу я, другого Манкаставона не будет!

— Вы бессильны против него, существа из грязи!

— А вы были бессильны в Битве при Хвиксе, — рывкнул Сонтар. — Один сонтарский корабль уничтожил десять тысяч рутанских. Не удивительно, что вы перенесли свои исследования на более подлые методы войны.

— Битва при Хвиксе была случайностью, совпадением, везением.

Доктор схватился руками за голову. Всё шло совсем не так, как он ожидал.

По пути в камеру бесконечности Магистрат беседовал с леди Ларной. Он был намного старше её, считался строгим, без чувства юмора: «его сердца черны, как его мантия». Его работа блюстителя законов, начиная от устава Цитадели и заканчивая Первым Законом Времени, ни оставляла ему времени на чтение лекций в Академии, поэтому она его почти не знала, если не считать публичного вещания. Они говорили о Докторе. Ларна начала с пары тактичных замечаний. Магистрат знал Доктора всю свою жизнь, и хотя в прошлом между ними были разногласия, было очевидно, что они любили друг друга. Он похвалил Ларну за её проницательность. Затем он начал рассказывать байку об их с Доктором тёмном прошлом, о неприличном инциденте, произошедшем во время посещения Нижнего Города. И он, и Ларна рассмеялись, и впервые она поняла, почему Доктор и Магистрат были такими друзьями.

Она зашла в камеру (озадаченная наличием у двери стража, которому Магистрат что-то тому шепнул) и оказалась прямо перед трупом одного из своих друзей.

Вейм лежал на пульте управления. Его тело не прикрыли, его не трогали, даже не закрыли ему глаза. Он лежал в луже собственной крови. Одежда Вейма самоочистилась и самовосстановилась, так что на его куртке не было ни единого намёка на то, где была убившая его ножевая рана. Вокруг них камера бесконечности по-прежнему исполняла программу, смещая изображение, увеличивая его участок, снова уменьшая, снова смещая, и так снова и снова. Быть может, именно из-за этого у неё закружилась голова.

Магистрат стоял у неё за спиной.

— И что конкретно вы хотели мне тут показать? — спросил он, и в его голосе всё ещё была непринуждённость.

Разговор с ней, шутки о Докторе — всё это было уловкой с целью расслабить её. Он надеялся внушить ей ложное чувство безопасности, не хотел дать ей время подготовиться. В результате Ларна чувствовала себя оторванной, словно её сознание и тело были в разных местах.

— Я этого не делала, — сказала она, понимая, что в её голосе появляются нотки истерики.

— Я и не имел в виду, что это вы сделали, — спокойно сказал Магистрат.

— Ещё как имели, — сказала Ларна, ухватившись за тему, не связанную напрямую с трупом Вейма.

Самообладание и контроль. Ей нужно было оставаться рациональной.

— Почему он не регенерировал? — спросила она.

— Вы его зарезали, думая, что он регенерирует? Это может быть рассмотрено как смягчающее обстоятельство.

— Я не... вы что, серьёзно думаете, что я способна на такое?

Он улыбнулся:

— Мы все *способны*. Нападавший воткнул нож в левое сердце, затем разрезал позвоночный столб и второе сердце. Хирургическая точность. Смерть была мгновенной.

Достаточно было всего лишь мысли. Если бы Вейму удалось перед смертью подумать одно единственное слово, он запустил бы регенерацию. Дальше его тело справилось бы само. Это не обязательно должна была быть *его* мысль. Если бы она была там, она смогла бы подумать за него, ввести ключевое слово телепатически.

— Врачи могут что-нибудь сделать?

Взгляд Магистрата просто буравил её глаза, он почти наверняка читал её мысли.

— Нет. Для этого слишком поздно. Убийца знал, что... он или она делал. Но, боже мой, вы ведь не знали бы, как это сделать, даже если бы захотели, так ведь?

Ларна повернулась к ним, стараясь говорить как можно искреннее:

— Нет. Я была здесь вчера вечером, он попросил меня кое-что проверить.

— В котором часу это было?

— Перед тем, как я пошла в комнату Доктора... Примерно во время прибытия инопланетян. Программа Савара до сих пор работает.

— Савара?

— Он был тут, когда мы пришли. Он и Вейм заметили какой-то странный эффект. Я могу вам его показать?

Магистрат позволил ей подойти к пульту, подняв с него и опустив на пол тело Вейма. Ларна старалась не думать об этом, она сосредоточилась на пульте, прогоняя из своего сознания пятна крови.

— Вот, — сказала она, сдвинув пару рычагов. — Искажение пространства-времени, которое прошло над Галлифреем во время прибытия флотов.

— Неполадка в системе, — прокомментировал Магистрат. Ему по работе приходилось пользоваться камерами бесконечности каждый день, он знал, что они могут сбоить.

— Я тоже так подумала. Я запустила проверку, — она нашла соответствующую панель монитора.

Магистрат склонился над ней и признал, что это не неисправность. Затем он вернулся к изображению вселенной.

— Я подумала, что это может быть интервенция, возможно, использование прибытия инопланетян в качестве прикрытия. Я пыталась найти Доктора, чтобы предупредить его.

— Значит, Доктор знает об этом?

Она покачала головой:

— Я не успела ему сказать. Он торопился встречать инопланетян. Он куда-то спешил.

Магистрат чему-то улыбнулся:

— А потом, в его комнате, у вас не было времени?

Но в его словах не было злости. Ларна не ответила, понимая, что он не будет настаивать.

— Что тут происходит сейчас? — теперь, когда он вычеркнул её из списка подозреваемых, Магистрата гораздо сильнее интересовало изображение.

— Там запущена программа лорда Савара. Судя по всему, она пытается что-то найти.

Магистрат кивнул:

— Нам нужно определить масштаб вмешательства. Я должен собрать Совет. Также мы должны найти того, кто убил вашего друга. Будет лучше, если вы дадите показания капитану Реймору.

Он умчался из комнаты, оставив Ларну одну с Веймом.

— Вы намеренно уходили от нашего флота, чтобы спровоцировать нас на такие действия.

— И поэтому вы использовали ядерное оружие в атмосферах Харлана 2, Гвела и Каллы?

Переговоры шли таким образом уже около часа, и Доктор ударил кулаком по столу. Обе стороны тут же замолчали.

— Господа, — сказал Доктор. — Это нас никуда не ведёт. Пора сменить тактику.

Сонтаране и рутанин повернулись к нему. Рутанин втянул часть своих щупалец, которыми он размахивал, все десять сонтаран уселись, на него смотрело девятнадцать глаз.

Доктор слабо улыбнулся:

— Эмм... мы не можем изменить прошлое, так что давайте больше о нём не будем говорить. Если мы хотим какого-то прогресса... нам придётся забыть о старых распрях и стремиться навстречу пониманию друг друга. Для прекращения войны нужно забыть о своих обидах. Обе стороны потеряли

много жизней и принесли ужасные жер... — он замолк. Сонтаран и рутанина его слова не трогали.

— Вы что, серьёзно считаете, что этот жалкий набор клише повелителей времени завершит войну, которая длится почти столько же, сколько существует вселенная? — прорычал Сонтар.

Рутанин сжался, его зелёная кожа покрылась красными и пурпурными пятнышками.

— Ваши слова такие же бессмысленные, как сонтарская оборона, такие же пустые, как сонтаранская голова, своей бесполезностью они могут сравниться разве что с пылью.

— Что же, — сквозь зубы сказал Доктор. — Хоть в чём-то вы согласны.

— Постойте, — сказал Строк. — Вы говорите, что не можете изменить прошлое?

Доктор был рад смене темы:

— Да, не могу.

— Вы же повелитель времени. Как это вы не можете изменить историю?

— Нет, нет, — улыбнулся Доктор, — всё не так просто. Это сложно объяснить не-повелителям времени. Это нечто, что мы чувствуем интуитивно. Всё равно, что спрашивать у птицы о том, как она летает. Время течёт по установившемуся курсу. Вот аналогия получше: как песня. Мы слышим мелодию и замечаем, если какие-то ноты в ней не те.

Отвлечь их от темы, пускай поговорят о чём-то другом.

Рутанин дрожал, желая включиться в разговор:

— Как это вы не можете изменить историю? Если вы можете перемещаться в прошлое, вы можете его изменять. Вы узнаете слабые места вашего врага, у вас появятся технические

возможности, опережающие возможности противника. Одно лишь знание наперёд того, что должно произойти, даёт вам преимущество.

Доктор откинулся на спину и сложил руки домиком:

— Именно поэтому нужно быть таким осторожным.

— Значит, это возможно? — настаивал Строк, прищутив свои маленькие глазки ещё сильнее, чем обычно.

Он застал Доктора врасплох.

— Ну... да. Теоретически. Но это слишком, слишком опасно. Поэтому повелители времени присягают хранить установившуюся историю.

— От чего? — спросил генерал Кракс. Он всегда занимался распознаванием угроз, поиском врагов, обнаружением целей. Более brutальный, чем Грол, меньше склонный к тактике. Грол сидел в штабах, координировал действия флотов. Кракс был бойцом на передовой.

С ним нужно говорить на понятном ему языке.

— Ну, мы хотим минимизировать разрушающее влияние. Если бы, скажем, киберлюди разрушили Землю до того, как человеческая раса достигла своего полного потенциала, последствия для вселенской истории могли бы быть катастрофическими.

— Значит, вы становитесь на чью-то сторону! — булькнул рутанин. — Мы для вас лишь тля в вашем саду? Время — оружие! Чем ваша «установившаяся история» отличается от надменного мнения сонтаран о том, что у них есть Установившееся Пространство?

— Давным-давно, — начал Доктор, — примерно через поколение после Рассилона, примерно тогда, когда разгоралась ваша Война, некоторые из нас думали так же, как вы. Они

пытались использовать время для уничтожения и покорения своих врагов. Тридцать тысяч лет мы вели Войны Времени на тысяче планет. Опустошение могло распространиться на всю вселенную, если бы не вмешательство некоторых высших сил. С того времени время стабилизировано. Невозможно ни изменить прошлое Галлифрея, ни узнать его будущее. Это цена, которую мы вынуждены платить как его хранители.

— Но вы знаете будущее, — сказал Строк. Он был самым рассудительным в сонтарской делегации, хотя нельзя сказать, что у него были сильные конкуренты. — Вы можете наблюдать за нашим будущим. Вы можете наблюдать за вселенной, эти переговоры — история с вашей точки зрения. Вы хотите сказать, что вы знаете их результат?

— Нет. Мы выбрали вас из такой эпохи, о которой мало что известно.

— Мало известно *повелителям времени*, — медленно сказал Сонтар. — Мы снова подчиняемся плану повелителей времени.

— Нет!

— Вы можете менять историю, — резко сказал рутанин. — Вы говорите, что это сложно объяснить, а мы говорим, что это сложно оправдать. У вас есть версия истории, которая выгодна вашей расе, и вы предотвращаете все остальные версии за счёт знания того, что должно произойти. Вы изменяете историю.

Они злились на него, а не друг на друга.

— Да, если это необходимо. И вы это знаете. В прошлом мы, повелители времени, пользовались нашими возможностями для устранения из вселенной сил, угрожающих всей жизни...

— И что, сонтаране и рутане сейчас представляют собой такую угрозу, что повелители времени внезапно проявили интерес к нашей военно-политической ситуации?

— Нет, нет. Я вовсе не это имел в виду.

— Есть способ закончить эту войну, — сказал Сонтар.

— Да? — тихо спросил Доктор.

Сонтар сжал кулак и махнул им в сторону рутанина:

— Сотрите их! Не дайте им эволюционировать. Это паразиты, существа из ничего. Эта война длилась миллионы лет и сонтаране столько потеряли. Рутане — надругательство над природой, недосформировавшиеся существа, похожие на биологические отбросы, а не на форму жизни.

Лидер сонтаран опустился в кресло, возможно, решив, что сказал лишнее. Когда он снова поднял взгляд, он смотрел прямо на Доктора. Глаза Сонтара были красные, но, если не считать складки кожи и кровеносные сосуды, они выглядели так же, как глаза повелителей времени. Усталые галлифрейские глаза, которые не видели мир несколько геологических эпох, которые никогда не могли позволить себе роскошь сна.

— Я помню, как было до Войны, — устало сказал Сонтар. — Тогда были сражения, подавление местных популяций, даже войны между враждующими сонтарскими фракциями. Но тогда была не только война.

Сонтар немного помолчал.

— Я помню выезды с друзьями на охоту в леса Сонтара. Столько разных лиц. Я помню женщин, детство, взросление, секс, амбиции, праздники, старость, смех. А это существо ничего из этого не знало. Как не знали и мои люди. Мы столько потеряли, и если рутане победят, всё это будет утеряно

навсегда, — великий сонтаранин то ли вздохнул, то ли застонал. — Сотрите их с лица вселенной.

Доктор не мог смотреть ему в глаза.

— Нет, вы должны прийти к соглашению.

— Но вы могли бы это сделать? — ворчал Сонтар.

— Технологии и возможности повелителей времени не имеют границ, мы сами не до конца осознаём имеющиеся в нашем распоряжении возможности. Существует возможность стереть и сонтаран и рутан нажатием одной кнопки. Я не буду это делать. Я хочу, чтобы вселенная выиграла от вашего существования, а не от вашего уничтожения.

— У меня есть встречное предложение, — заявил рутанин.

— Союз между рутанами и повелителями времени. Мы восстановим во вселенной порядок, мы объединим для вас вселенную, умиротворим её. Мы будем вашей армией. Мы поклянёмся в преданности вашей расе в обмен на уничтожение сонтарских орд.

От его голоса воздух звенел ещё секунду или две.

— Вам нечего предложить Галлифрею, во всяком случае, ничего такого, что мы не могли бы взять сами. Но это не по-нашему. Я здесь не для того, чтобы выбирать между вами. Я здесь для того, чтобы помочь вам говорить, найти общее для сотрудничества. Генерал Сонтар, вы говорите, что хотите прекратить войну, и я вам верю. Так прекратите её! Рутанин, вы хотите быть силой добра, галактическим полисменом. Будьте. Вот так всё просто.

— Нет. Сонтаране планируют обострить этот конфликт, они скорее уничтожат галактику, чем признают поражение.

— Вы сидите за столом переговоров, чтобы обсуждать мир. Вы слышали слова Сонтара. Почему вы считаете, что сонтаране хотят обострить войну?

Рутанин сформировал горло и кашлянул.

В Капитолии мало кто выглядел моложе Ларны, но капитан Реймор был как раз одним из этих немногих. Его шлем чуть ли не сползал ему на глаза. У него и голос-то наверно совсем недавно перестал ломаться. Он и его напарник, констебль по имени Пелтрок, отвели её для допроса в ближайшую нишу.

Стул был только один, и они предложили его ей. Они неловко стояли над ней, видимо, не зная с чего начать. Где-то через минуту капитан неуклюже отстегнул от своего пояса наголовник и вручил его ей. Ларна тут же вернула его обратно.

— Это ваше право, миледи, разумеется, — начал Реймор, стараясь придать голосу нотки повидавшего многое, но в реальности его голос был просто резким, — но позвольте спросить, почему вы отказываете нам в праве использовать зонд сознания? Он мог бы быстро установить вашу невиновность.

Потому что моё сознание — приватное место, — подумала Ларна, — потому что в нём теперь не только мои секреты.

— У меня есть на это причины, — холодно сказала она.

Реймор достал старомодный компьютерный блокнот и стилус.

— Вы были последней, кого видели с убитым.

— Позвольте вам напомнить, капитан, что я свидетель, а не подозреваемая.

— Об этом можно будет судить только по результатам следствия, — помпезно заявил Реймор.

Заговорил другой, Пелтрок:

— По словам вашей горничной, техник Веймиврудимкве навещал вас вчера вечером.

— Да, это так. Он работал в камере бесконечности и обратился ко мне за советом по поводу проблемы, с которой он столкнулся.

Пелтрок, младший из них, избегал её взгляда, задавая следующий вопрос:

— Это очень необычно — техник навещает повелителя времени.

— Мы с ним учились в одной группе в Академии. Я только что её закончила. Мы были друзьями.

Реймор нагнулся над ней, приблизив своё лицо к её:

— Может быть, больше, чем друзьями? Любовниками? — спросил он, дыша на неё.

Она и Вейм не были любовниками, она даже не думала никогда об этом, но она не собиралась давать капитану ответ на такой наглый вопрос. Обычное население Капитолия обожало истории о лицемерии и декадентстве среди повелителей времени. Им нравилось считать, что при всех своих принципах, при всём своём могуществе, их аристократия была такой же, как они: помешанной на своих примитивных желаниях.

— Вас это не касается, — сказала она ему.

Угрозы гладкокожего мальчика было тяжело воспринимать всерьёз. Как бы там ни было, она была выше его по рангу, что бы он себе ни думал. Реймор понял намёк. Он отодвинулся от неё.

Ларна не помнила, какие у Стражи права по отношению к повелителям времени. Ей казалось, что любой официальный

допрос о таких важных вещах должен проводиться трибуналом равных ей, а не первой попавшейся под руку парой стражей.

— В котором часу это было?

— Я вернулась в свою комнату около восьми и приняла душ. Вейм пришёл вскоре после этого.

— И вы пошли вместе с ним в камеру?

— Да.

Реймор внимательно сверился со своими записями:

— И он в этот момент был всё ещё жив?

— Очевидно.

— Это может кто-нибудь подтвердить?

— Моя горничная.

— Видел ли вас кто-то после того, как вы вышли из своей комнаты?

— Моя комната всего на этаж выше, тут буквально две минуты идти.

— Значит, свидетелей нет, — Реймор отметил это в своём блокноте, всем своим видом показывая, что он только что добился важного результата.

— Минутку... да, мы встретили Доктора, сразу, как только вышли.

Реймор и Пелтрок переглянулись.

— В жилом секторе, после восьми ударов? — спросил Пелтрок.

— Да. Он спешил.

— А вы?

— Нам незачем было спешить. Я же вам только что сказала: от двери моей квартиры до Эпсилон всего пара минут.

— Присутствующий здесь констебль Пелтрок был за сутки до этого похищен, его удерживали против его воли.

— Это неслыханно! — Ларна была искренне шокирована.

Что здесь происходило? Убийство и похищение — такое ведь случалось только в сказках, а не в упорядоченном мире современного Капитолия.

— Вы считаете, что это сделал тот же, кто убил Вейма?

— Да, мы так считаем, — спокойно сказал Реймор. — Вы, естественно, сделаете всё, чтобы помочь задержать этого преступника.

Ларна пожала плечами:

— Если я могу чем-то помочь.

— Вы не могли бы надеть вот это? — попросил Реймор. Он протянул ей маленькую чёрную точку.

Ларна взяла её в руки.

— Что это? — спросила она, думая, что это какой-то детектор лжи.

— Устройство искажения голоса, подобное тому, которым пользовался похититель констебля Пелтрока.

— Как мне его надеть? — спросила она.

— На верхнюю губу, — подсказал Пелтрок.

Реймор недовольно посмотрел на него. Ларна внезапно поняла, что происходит. Если бы она знала, как пользоваться этим устройством, это было бы свидетельством против неё.

— Вы считаете *меня* похитителем?

Пелтрок схватил её за запястье, а Реймор помогал приблизить её руку к лицу.

— Так будет лучше. Не сопротивляйтесь, и вы не пострадаете.

— Уберите от меня руки! — Ларна нажала запястьем между большим и указательным пальцами Пелтрока и вырвалась из их рук. Два стража чуть не упали друг на друга.

— А вы сильнее, чем выглядите, — заметил Пелтрок, поглаживая руку.

— Я повелитель времени, капитан Реймор, не забывайте об этом. А теперь смотрите.

Она положила чёрную точку на кончик пальца и приложила её к лицу. Должно быть, точка выглядела как искусственная родинка.

— Что мне для вас сказать? — спросила она. Эти слова произнёс спокойный мужской голос.

— Это она! — вскрикнул Пелтрок. — Это тот же голос.

Ларна содрала с себя устройство и швырнула его в констебля.

— Это устройство искажения голоса, идиот! — крикнула она. — Оно искажает голоса. В том-то его и смысл, что с ним я звучу как он. Сами наденьте. Давайте, наденьте эту чёртову штуку на себя! Ваш голос будет точно таким же.

Реймор ухмыльнулся:

— Это всё, что вы можете сказать в свою защиту? Что Пелтрок сам себя похитил?

— Уверена, что вам удастся найти улики, которые это подтвердят, — сказала она ему. — В конце концов, он ведь *был* на месте преступления.

Она повернулась к Пелтроку, который всё ещё раболепствовал перед ней.

— Вы, я полагаю, видели своего похитителя. Значит, вы видели его лицо?

— На напавшем были маска и плащ, — промямлил он.

— Как вы и сами знаете, — добавил Реймор.

Ларна его проигнорировала.

— Маска, плащ, и устройство, искажающее голос? Тогда с чего вы взяли, что это была я? С чего вы вообще взяли, что это была женщина?

Реймор показал металлическую трубку.

— Магистрат обнаружил этот силовой нож в комнате Доктора. Вы в это время были там, — капитан старался придать своему голосу нейтральную интонацию, но также старался намекнуть, что она и Доктор вели себя предосудительно.

— Туда его не я положила, — сказала им Ларна.

— На нём отпечатки ваших пальцев, — заметил Реймор, передавая нож. — И вы его никогда не видели?

— Он был в комнате Доктора, этого я не отрицаю. Я видела там этот нож.

— Вы его не только видели.

— Я брала его в руки, — она протянула большой палец, на котором всё ещё был порез. — Я руку поранила этой штукой.

— Это палец, — сказал Реймор, и его лицо дёрнулось от радости тому, что ему удалось подловить её хотя бы на небольшой ошибке.

Ларна закатила глаза:

— Я не приносила этот нож в комнату Доктора, он уже был там, когда я туда пришла. Я оставила его на столе.

— А! — триумфально сказал Пелтрок. — А вот тут вы ошибаетесь. Это мы оставили нож на столе!

— Что?

— Мы приходили в комнату к Доктору в предыдущую ночь, перед тем, как меня похитили.

— В *предыдущую* ночь? — тихо ответила Ларна.

— Да.

— Значит, этот нож был там *до того*, как вас похитили, и за целый день *до того*, как убили Вейма? Значит, он до сих пор был там сегодня утром.

— Эмм... да, — сказал Реймор, попытавшись разобраться в этом на пальцах.

— Теперь я могу идти? — спросила она.

— Может быть, это один и тот же нож, но два раза, — внезапно сказал Пелтрок.

Реймор и Ларна синхронно повернулись к нему.

— Время и пространство элегантно приплетены, — с видом знатока сказал Пелтрок. — Так Доктор сказал. Помнишь, Реймор, этот фокус с часами?

Ларна встала.

— Я ухожу, — заявила она.

Лишь пройдя половину коридора, она поняла, что до сих пор держит в руках нож.

Рутанин с трудом держал под контролем свои гнев и возбуждение. Он дрожал, по его коже пробежали изменения цвета. В то же время голос у него был удивительно спокойный.

— Среди сонтаран у нас много шпионов, мы знаем, что наши враги разрабатывают ужаснейшие виды оружия, и что сонтаране — не приверженцы мира.

— Что за оружие? — спокойно спросил Доктор.

— Сонтаране разработали устройство, которое заражает звезду самовоспроизводящейся формой тёмного вещества, предназначение устройства очевидно.

Доктор был в ужасе:

— Бакстерий? — прошептал он, повернувшись к генералу Сонтару. — Единственное предназначение

бактериологического устройства — убить звезду, остановив в ней процессы ядерного синтеза.

Рутанин протянул щупальцем что-то наподобие компьютерного доклада, видимо, содержащего улики.

Генерал Сонтар облизал края безгубого рта:

— Процесс необратимый, болезнь неизлечима.

Доктор пытался продумать все последствия наличия такого оружия. Фотоны производятся в ядрах звёзд и благодаря своей лёгкости движутся со скоростью света. Но они не выходят напрямик, они лавируют, петляют, идут вверх по гравитационному колодцу окольными путями. Их путь от поверхности солнца до поверхности Галлифрея занимает восемь минут; путешествие фотона от ядра солнца до поверхности длится в шестьсот миллиардов раз дольше. Свету, который освещает Галлифрей, было столько же лет, как и цивилизации на планете.

— Без соответствующей подготовки на то, чтобы загасить звезду, уйдёт не меньше десяти миллионов лет.

— Это стратегическое оружие, оно не для сражений, — согласился Сонтар.

— Вы слышали, какой сонтаранин милитарист? — взвизгнул рутанин. — Это существо чуждо миру! Это плотское существо хочет продлить войну, а не завершить её!

Доктор позволил ему выговориться.

— Боюсь, я согласен с рутанином. Вы, похоже, готовы воевать ещё миллионы лет.

Старый сонтаранин фыркнул и повернулся к одному из своих подчинённых.

— Покажите ему ящик, — приказал он.

Генерал Грол открыл металлический ящик и толкнул его по поверхности стола к рутанину. Зашипев, оболочка раскрылась.

— В отличие от *мирных* рутан, у нас нет трусов, чья работа состоит в том, чтобы скрываться в рядах врага, — сказал Строк. — Мы добываем разведданные достойными методами. Один из самых храбрых наших агентов нашёл это в рутанском исследовательском центре и после героического побега доставил это на Сонтар. Истинное предназначение этого предмета настолько омерзительно, что нашим учёным понадобился целый год на то, чтобы понять его.

— Вы узнаете это устройство? — прорычал Сонтар.

Рутанин был нейтрально-зелёного оттенка.

— Оно называется Конвертор и используется для замены электронов на позитроны, для обращения некоторых других фундаментальных взаимодействий, в пределах строго заданного пространства. Это научный прибор. Конвертор основан на метаморфической технологии, находящейся за пределами понимания существ из реплицированного мяса, и укравший его сонтарский мясник, вор и нарушитель границы убил много учёных.

— Господа, прошу вас вести себя прилично, — Доктор взял в руки металлический цилиндр и осмотрел его. Тот был размером с флягу, на конце которой был слишком уж сложный механизм управления. — Генерал Сонтар, это научный прибор. Судя по всему, нечто вроде ускорителя частиц.

Сонтар заворчал и дал ответить Строку.

— Он используется для создания антивещества. Обратите внимание, что это устройство имеет рутанский часовой механизм и настроено оказать влияние на сферу диаметром

тысячу миль. Всё вещество в этом объёме мгновенно превратится в антивещество. Это антивещество затем аннигилирует с веществом окружающих районов. Это устройство могло бы уничтожить Галлифрей, его луну, и оба флота. Оно способно нанести серьёзный вред звезде. Наша собственная технология уничтожения звёзд была разработана как ответ на эту провокацию, и она примитивна по сравнению с вражеской.

— Вы признаёте наше превосходство, но только сонтаранин с его воинственным сердцем мог подумать о таком применении научного прибора, — возразил рутанин.

Доктор обратил внимание, что держит это устройство осторожнее, чем вначале.

— Признайте, оно может быть использовано с такой целью.

— Это очевидно.

Сонтар откинулся на спинку стула:

— Доктор, если вы посмотрите на звёздную систему Хьювайма три месяца назад, вы увидите «научное применение» рутанами этого Конвертера. Хьювайма была сонтарской колонией, а сейчас она полностью уничтожена аннигиляцией антивещества.

Доктор толкнул стол, и над столешницей возникло голографическое изображение планеты. Казалось, что кто-то откусил кусок планеты. Лава всё ещё вытекала из огромного свежего кратера, но моря уже давно выкипели, а все живые существа на планете наверняка погибли ещё раньше. Поверхность планеты была обугленная, атмосфера состояла из слоёв копоти, пепла, пара, и тектитов.

— Хьювайма — рутанская планета, завоёванная грязными сонтаранами, использовавшими её для производства примитивного нейтронного оружия.

Доктор спокойно посмотрел на рутанина.

— Сейчас вопрос не об этом. Использовался ли для уничтожения колонии Конвертор?

Кракс встал, вцепившись руками в край стола:

— Раскрой глаза, повелитель времени! Это рутанский конвертор, работающий всего на десять процентов от своих возможностей.

Доктор продолжал сидеть.

— Сядьте! — прорычал он.

Кракс сел.

— Использовался ли для уничтожения колонии Конвертор?
— снова спросил он.

— Да, — сказал рутанин.

Доктор глубоко вздохнул:

— Я думал, что мы собрались говорить о мире, об окончании войны. Но вместо этого я обнаруживаю, что вы оба пытаетесь разжечь конфликт сильнее. Я очень разочарован.

Он нажал кнопку на столе. Все делегаты заволновались.

— Я вызываю Стражу. Они отведут вас в ваши номера. На сегодня сказано уже достаточно. Завтра, я надеюсь... Вы знаете, на что я надеюсь.

Доктор вышел из зала.

Магистрат поклонился, остальные члены Верховного Совета смотрели на него с лёгким недоверием. По тому, во что они были одеты, он видел, что когда он их вызвал в Зал Наблюдения за Временем, они были заняты другими делами.

Президент, Норвал, и Хранитель Матрицы были одеты в церемониальные мантии, значит, они были заняты чем-то официальным. Пара повелителей времени была в строгих чёрно-белых мантиях дежурных: они, наверное, уже были тут или где-то рядом. Двое были в повседневной одежде. Все они толпились в прихожей Зала Наблюдения — что, ни один из них не догадался зайти?

— Зачем вы нас созвали, Магистрат? — спросил Кастелян Воран.

Он был одним из тех, кто был одет в простую тогу. Должно быть, когда пришло сообщение, он был у себя в комнате, читал.

— У меня есть важное объявление, — заявил Хедин.

Магистрат напрягся. Не хватало сейчас только отвлечься от главного.

— Лорд Хедин, если это может подождать...

Хедин его проигнорировал:

— После почти четырёх столетий работы, моя биография Омеги завершена.

Раздались вежливые аплодисменты.

Президент шагнул вперёд и похлопал его по плечу:

— Поздравляю, лорд Хедин! Я вычитывал эту книгу. На мой взгляд, это последнее слово в этой области. Как вы знаете, я и сам питаю значительный интерес к...

— Лорд Президент, — прервал его Магистрат. — За минувший день произошёл ряд происшествий.

— Происшествий? — пробормотали два монаха.

— Они связаны с инопланетянами? — предположил Норвал.

— Или с Доктором? Это поэтому его здесь нет? — с надеждой предположил Кастелян Воран.

Наконец-то Магистрату удалось привлечь к себе их внимание.

— У меня нет оснований полагать, что это как-то связано с инопланетянами. Доктор в данный момент проводит Конференцию, и нет нужды прерывать его важную работу. Позвольте сделать доклад.

Он вошёл в двери, ведущие в зал Наблюдения за Временем. Дюжина техников и повелителей времени нижних рангов сидели в креслах с высокими спинками, сканируя Вихрь Времени, проверяя уровни энергии. Магистрат пересёк украшенный кругами пол, держась левой стороны, чтобы не загоразживать остальным советникам камеру бесконечности, погружённую в пол, словно огромная арена. Голографическое изображение вселенной. Все присутствующие здесь узнают знакомую фрактальную форму, едва уловимо вращающуюся.

Он сложил руки за спиной и начал говорить ещё до того, как все закончили размещаться по своим местам:

— Вчера, во время обычной работы, техник первого класса Веймиврудимкве заметил в камере бесконечности аномальное поведение.

Он кивнул дежурному технику. Никто из персонала ещё не знал о смерти Вейма, не стоило их этим сейчас отвлекать. Молодого парня, обнаружившего труп, отправили обратно домой на весь день.

Изображение приблизило Пазити Галлифрея, показав флот и искажение изображения. Изображение увеличилось, и искажение стало более очевидным.

При увеличении до молекулярного уровня искажение выглядело катастрофическим.

Все присутствовавшие понимали важность, никто из них раньше не видел ничего подобного. Они столпились возле ближайших к ним пультов управления.

Президент стоял в середине зала, опираясь руками на посох:

— Это брешь в пространстве-времени.

Изображение снова удалилось, чтобы показать весь галактический сектор Галлифрея. Время в нижней части изображения указывало на то, что это текущая картинка. На изображении была линия деформации, медленно двигавшаяся в синюю сторону, обратно направлению всемирного расширения. Это была нитевидная трещина, делившая пространство-время на две части, двигаясь по нему, как режущая струна. У неё было как минимум одиннадцать измерений, иными словами она двигалась не только в пространстве, но и во времени, не говоря уже об измерениях, которые не имели общепринятых названий.

— Похоже, оно распространяется. Какова скорость?

Хранитель Матрицы оторвал взгляд от монитора:

— Оно сможет пересечь вселенную в считанные недели.

Значит, не так быстро, как ТАРДИС, — подумал Магистрат, — но всё равно эта скорость невероятна по любым стандартам, она была настолько больше скорости света, что не было даже смысла уточнять во сколько именно.

— Можно посмотреть на края этого феномена? — попросил один из советников.

Масштаб изменился до галактического уровня, и линия по-прежнему начиналась выше верхнего края изображения и ниже нижнего. Следующее изменение масштаба показало, что линия пересекала всю Местную группу галактик. Через двенадцать

изменений масштаба стало ясно, что длина эффекта превышает размер вселенной.

Повелители времени смотрели на изображение и не верили своим глазам. Все до единого, они оторвались от своих личных экранов и смотрели на главный дисплей, позабыв о том, где кому положено стоять.

— Это самый большой феномен из когда-либо наблюдавшихся, — сказал им после совещания Хранитель Матрицы.

В зале раздался гомон, собравшиеся повелители времени принялись обсуждать проблему друг с другом. Магистрат нахмурился. Сейчас нужен порядок, чёткая постановка задачи, а не привычные споры. Он посмотрел на Президента, в чьи обязанности входило устанавливать такой порядок, но тот, глубоко задумавшись, смотрел на экран. Президент был мастером в десятке дисциплин, включая астрономию, темпоральную физику, и историю, но решительным лидером не был.

Магистрат хотел что-то сказать, но тут Президент заговорил.

— Нет ли там кривизны? — спросил он.

Другие повелители времени замолчали и повернулись к экрану. При таком масштабе кривизна эффекта была заметна.

— При рассмотрении с близкого расстояния любая кривая может выглядеть прямой линией, — напомнил им Президент. — Но стоит сделать шаг назад, и становится ясно, что это дуга. А если сделать ещё шаг назад, это может оказаться окружность, с центром.

— Как волна на пруду, — сказал Магистрат.

Президент схватил его под локоть:

— Верно. Но где её центр, хм? Что за камень мог пустить такой круг по всей вселенной?

— Покажите мне Хиндмост, — приказал Магистрат.

Масштаб снова уменьшился, потом ещё и ещё.

При обзоре целиком вселенная выглядела красивой фрактальной формой. Но те же самые законы, которые давали ей хаотическую структуру, размывали её границы. Следы и струи вещества и энергии можно было обнаружить и за математическими границами космоса. Хиндмост был самым дальним существенным островком барионной материи, известным повелителям времени. Пространство и время родились из Большого Взрыва, и вселенная до сих пор расширялась от той центральной точки. Хиндмост был сгустком вещества, оставленным причудой физики болтаться позади остальной вселенной. Это означало, что он отставал от расширяющейся вселенной, вечно стремился вперёд вместе с остальным космосом, но догнать остальных ему было не суждено. Позади него не было ничего. Хиндмост был крохотным планетоидом, на котором едва мог поместиться один человек. Это не значит, что там когда-нибудь кто-то был. Только у повелителей времени была способность обнаружить его, и они не видели причин для посещения. За исключением своего местоположения, Хиндмост не был примечателен ничем, и он был так далеко, что ТАРДИС пришлось бы переделывать для такого полёта.

Расположение астероида по отношению ко вселенной было отмечено красной точкой. С большого расстояния было видно, что линия деформации была искривлена, но даже при таком масштабе было видно, наверное, лишь двадцатую долю радиуса.

Оно было невозможно большим. Камень, от которого расходились такие волны, был дальше, чем это было физически возможно.

Ларна не совсем плакала.

Она сидела одна в самом центре безлюдной столовой. Она сутулилась, но одновременно изо всех сил пыталась держать голову прямо. Доктор пробирался к ней сквозь многочисленные ряды пустых скамей и столов.

— А я и не знал, что у тебя такой хороший вкус, — одобрительно улыбнулся он, увидев, во что она одета. — Ты хорошо спала?

Он поставил свой поднос на стол и сел напротив неё. Тарелка с её едой стояла нетронутой, бокала вина она тоже не касалась. Ещё больше его обеспокоило то, что в руках она вертела силовой нож, в точности такой же, как тот, который ему пару ночей назад показали Реймор и Пелтрок.

— Вейм погиб, — сказала она ему, едва выдавив из себя эти слова.

Какое-то время Доктор смотрел на неё, не веря услышанному. Вейм был подающим надежды техником, одним из учеников Рэтфэка. Он вспомнил, что видел его вчера с Ларной. Они все столкнулись напротив её комнаты.

Она подняла взгляд:

— Прости, так не делается. Я не должна плакать на людях.

Доктор понял, что Ларна в ужасе не от смерти друга, а от *своей реакции*. Её лицо было таким бледным.

Он осмотрелся. Стол за столом, скамья за скамьёй стояли пустые. На краю помещения несколько человек из

обслуживающего персонала переставляли нагреватели тарелок и столовые приборы, но повелителей времени не было.

— Едва ли это можно назвать «на людях».

— А где все? — спросила Ларна.

Доктор взял её за руку.

— Как это произошло? — спросил он.

Она посмотрела на него. Он считал, что если она поделится новостью, ей станет легче.

— Его зарезали вчера ночью, когда он работал в камере бесконечности Эпсилон. Я была последней, кто видел его живым. Они подумали, что это сделала я... — она замолчала.

Она заметила, что у неё в руках нож и отдала его Доктору. Доктор спрятал его в карман.

— Кто это так решил? — спросил Доктор.

— Пара стражей. Они весь день пытались добиться от меня признания. В конце концов им пришлось отпустить меня.

Доктор кивнул.

Ларна снова замолчала, уставившись в свою тарелку.

Доктор нагнулся к ней:

— Смерть любимого человека...

— Я не *любила* его, — быстро сказала она. — Он мне нравился, он был друг.

— Это я и имел в виду, — сказал Доктор.

Она смотрела на него.

— Ты ведь уже проходил через такое? — спросила она.

Доктор позволил воспоминаниям нахлынуть на него.

— Много раз.

Ларна всё ещё внимательно на него смотрела.

— Если бы ты мог изменить прошлое, ты бы вернул *её*?

— Нельзя менять прошлое, — автоматически сказал он.

— Я не об этом спросила.

— Я обнаружил, что лучше смотреть в будущее, чем жить в прошлом... — он замолчал, его постепенно охватывал восторг.

— Ну конечно! — он вскочил на ноги, схватил Ларну и поцеловал её в лоб. — Мне нужно вернуться к сонтаранам и рутанам, — закончил он говорить, уже пройдя через половину столовой. — Увидимся позже!

Небольшая армия повелителей времени — учёных и специалистов — толпилась вокруг мониторов, изучая собранные данные. Проверяя и перепроверяя свои наблюдения, они обнаруживали, что брешь расширяется, распространяется через почти половину известной вселенной, расходясь в стороны. Как будто бы вселенная была коркой льда, и в ней образовалась трещина, которая расширялась и ветвилась.

— Это действительно настолько опасно, как выглядит? — спросил, наконец, Кастелян.

Будучи больше администратором, чем учёным, он стоял чуть в стороне от мониторов.

Магистрат вышел из толпы и подошёл к нему.

— Это, разумеется, главный вопрос. Когда вчера брешь прошла сквозь Галлифрей, не было ни единого последствия, даже на субатомном уровне.

— Никакого действия? — переспросил Воран.

К ним подошёл лорд Норвал:

— Скорее, наоборот. Такое впечатление, что оно взяло каждую частицу, осмотрело её, а потом аккуратно вернуло на место.

За ними наблюдал Президент:

— Мы можем быть уверены, что история не изменилась?

— Да, — Магистрат указал на изображение вселенной на главном мониторе. — Эффект прошёл сквозь примерно половину известного космоса. Значит, эта половина вселенная ещё не подверглась влиянию, это, если вам угодно, «до». А мы вот в этой половине, в «после». Обе они идентичны.

Норвал покачал головой:

— Они не могут быть абсолютно идентичными. Должны быть какие-то отличия на квантовом уровне, и они должны приводить к какому-то эффекту на макро-масштабе.

Магистрат нахмурился:

— Разумеется. Я имел в виду «никаких существенных изменений».

— Но есть возможность катастрофических изменений? — спросил Президент.

Лорд Норвал смотрел на изображение вселенной:

— Если этим эффектом можно управлять, то буквально всем во вселенной можно манипулировать. Судя по форме и природе эффекта, такие изменения могут быть направлены в прошлое.

— Оно может изменять установившееся время?

— Ничто не может изменять установившееся прошлое, — настаивал Хранитель Матрицы. — Вся наша наука, всё наше знание основаны на этом принципе. История не может измениться.

Магистрат вздохнул:

— Милорд Президент, эта брешь настолько велика, настолько мощна, что самое удивительное в ней именно то, что прошлое до сих пор не изменилось.

— Галлифрей под угрозой? — пробормотал один из монахов.

Магистрат кивнул:

— Это как огонь, или рак, оно неуправляемо распространяется по структуре вселенной.

Президент почесал бороду:

— Мы можем это остановить?

Лорд Хедин кивнул:

— Что бы это ни было, как только мы сможем узнать его источник и понять, что в нём происходит, мы сможем его запечатать. Для этого потребуется вмешательство с нашей стороны.

Норвал был занят вычислением чего-то:

— А ещё лучше, если нам удастся каким-то образом укротить эту мощь.

Магистрат приподнял бровь:

— Управлять ею?

Норвал кивнул:

— О да. А почему нет? Вы сказали, что оно похоже на огонь. Когда наши предки овладели огнём, они нашли его весьма полезным. Явление такого рода может осуществлять квантовые наблюдения, не влияя при этом на наблюдаемый объект. Это довольно близко к двигателю Агафона, святому граалю галлифрейской науки. Оно позволит нам наблюдать и положение и скорость квантовых частиц одновременно.

Воран нахмурился:

— И что из этого?

— Если мы сможем это делать, Кастелян, то вкупе с нашими технологиями перемещения во времени это позволит полное наблюдение за вселенной на квантовом уровне. Мы

будем знать всё. До этих пор никому не удавалось решить уравнения Агафона, которые допускают это. Хотя, строго говоря, такое решение Теорией Времени не исключается.

Магистрат пытался оставаться спокойным:

— Если этой брешью можно управлять таким образом...

— О, управлять источником относительно просто, — сказал Норвал. — Управляющий должен быть разумным, вот и всё. Разум, контролирующий эффект наблюдателя во вселенском масштабе. Потрясающий мысленный эксперимент. Этот наблюдатель стал бы всеведущим. А если подумать, то и всемогущим. Что бы он ни наблюдал, существовало бы — вселенная в буквальном смысле прогнулась бы под его волей.

Магистрат чуть не поперхнулся:

— *Мысленный эксперимент?* Кто бы ни обуздал Эффект, он будет управлять вселенной, и защиты от него не будет!

Норвал кивнул:

— Теоретически, — согласился он и вернулся к своему монитору.

— Собратья повелители времени, это величайшая угроза безопасности Галлифрея, с какой мы только сталкивались, — настаивал Магистрат.

Президент улыбнулся:

— Теоретически, Магистрат. Но нет никаких свидетельств того, что Эффект уже находится под чьим-то контролем.

Как они не понимают? Взгляд Магистрата стал жёстче:

— Это всего лишь вопрос времени. Ответ прост: мы должны найти источник Эффекта, отправиться туда, и предотвратить к нему доступ.

— Можем ли мы это сделать?

— Обязаны, — ответил им Магистрат. — И пока мы это не сделаем, вселенная находится в опасности, включая Галлифрей. Ничто не защищено.

ГЛАВА 6

Серая Вселенная

Кабинет Кастеляна был спартанским, под его арками было просторно и светло. Комната имела окно, выходящее на Паноптикум, что было необычно для Цитадели.

Комната была большая, хотя необходимости в этом не было. Дела велись в нише в дальнем её конце. Доктор прошёл по мраморному полу, его шаги гулко разносились эхом.

— Кто-нибудь дома? — спросил он, не слишком громко на случай, если кто-нибудь там действительно был.

Странно, но снаружи никого из ассистентов Кастеляна Ворана тоже не было. Может быть, у них перерыв на чай?

Нужный ему пульт управления был скрыт где-то в этой комнате, возможно, в дальнем её конце. Кресло Кастеляна представляло собой нелепую пластмассовую конструкцию с высокой спинкой. Быстро осмотревшись, Доктор не нашёл ни одной скрытой панели. Стол — огромная плита чёрного дерева — был теперь главным подозреваемым. С одной стороны он был завален бумагами, папками, документами. На другой стороне не было ничего кроме скульптуры, похожей на модель молекулы: разноцветные шарики, соединённые белыми штырями.

Кресло было почти повернуто лицом к единственной в комнате картине, портрету Кастеляна Фордфардинга, старика с высоким лбом, орлиным носом и тонкими седыми волосами.

Он жил примерно в эпоху Рассилона и до сих пор считался величайшим из занимавших должность Кастеляна, в основном из-за своего упрямства и полного отсутствия воображения. Доктор быстро осмотрел картину и там, где холст уходил под раму, заметил лёгкую пикселизацию. Портрет скрывал экран сканера, на который смотрел нынешний Кастелян. Значит, управление должно быть на столе.

Доказать то, что он тут был, будет легко. Он оставлял клетки кожи, отпечатки пальцев, волосы, телепатические следы — всё, что необходимо для установления его личности, за исключением, разве что, визитной карточки. Самое главное, — размышлял Доктор, возвращаясь к столу, — не дать никому повода подумать, что он тут был. Если никто не задастся этим вопросом, то и ответа не найдёт. Поэтому ему нужно было действовать быстро и осторожно, чтобы не вызвать ни у кого подозрений.

Ему не давала покоя модель молекулы. Она была единственным носителем яркого цвета во всей комнате.

Повинуясь интуиции, Доктор снял самый верхний шар, оранжевый.

Вся модель развалилась, её детали рассыпались по всему столу. Шарики, прыгая по столу, покатались в разные стороны, а стержни остались лежать кучей.

Доктор держал двумя пальцами оранжевый шарик и чувствовал себя идиотом. Уже теперь, держа его в руке, он узнал в шаре закодированный ключ: если его поднести к соответствующему считывающему устройству, Стража Канцелярии получит сигнал перейти на «оранжевую» боевую готовность. Это случится, если кто-то проникнет туда, где не

имел права находиться. Например, если обнаружат, что кто-то в кабинете Кастеляна манипулирует секретными системами.

Доктор быстро подобрал все шарики, которые смог найти, и снова собрал их вместе со стержнями в структуру. Закончив, он осмотрел своё творение. Что-то в нём было не так, форма была не совсем правильная. Доктор понял, что оранжевый шар до сих пор у него в руке, а значит, не хватает ещё одного стержня. Он нерешительно положил шар себе в карман, и отвернулся от модели.

Он сел на кресло Кастеляна, и сервомоторы тут же подстроили кресло под его рост и вес. Он снова посмотрел на портрет.

Панель управления сканером должна быть где-то на столе. Он провёл по столу пальцами, пытаясь нащупать шов. Через несколько секунд он сдался и вынул звуковую отвёртку. Быстрое движение отвёрткой, и часть стола отделилась, выпустив наружу сканер сетчатки.

Из-за раскладной опоры на шарнирах он был похож на зеркало для бритья. Опора начала удлиняться, раскачиваться, словно пытаясь что-то найти. Доктор наклонился вперёд, подставляя сканеру лицо. Круглый объектив разместился напротив правого глаза. Доктор зажмурил левый глаз, а правым уставился в синий свет. Это была глазная консоль — панель управления, которая автоматически запускала проверку доступа, проверяя сетчатку вашего глаза, каждый раз, когда вы отдавали команду. Как клавиатура, которая сканирует опечатки пальцев. Такие устройства можно было обмануть, и Доктор это умел. Он посмотрел глубоко в сканер, пытаясь сфокусироваться на чём-то в этом болоте голубого света. А затем возникла иллюзия движения, его глаз пытался сказать ему, что он мчится

вперёд. Он инстинктивно схватился за подлокотники кресла. Информация струилась по его оптическому нерву в мозг, и это не было приятно. Он моргнул, активировав новый список опций. Он моргнул ещё раз. Он начал напевать. Напев начался с арии Гуно, но скоро перешёл на Леннона.

Раздался щелчок, и он услышал, как на поверхность стола выскочила клавиатура. Он оторвал глаз от сканера сетчатки, чтобы убедиться в этом, а затем снова посмотрел в него, пока клавиатура не перестроилась в конфигурацию, которая Доктору была удобнее. Последняя коррекция в расположение клавиш, и Доктор был готов. Он оттолкнул глазную консоль, и та скользнула обратно вглубь стола. Он нажал пару кнопок.

Портрет Кастеляна Фордфардинга исчез, и его сменила последовательность меню и статусной информации. Немного поколебавшись, Доктор набрал на клавиатуре короткую последовательность команд. Несколько опций меню исчезли, пара отображений статусов поменялись местами. Запуск пары команд и изменений заняли ещё две секунды.

Дверь в дальнем конце комнаты распахнулась.

Ещё несколько секунд, и его обнаружат. Доктор уже сделал всё, что хотел. Он набрал последнюю команду, и клавиатура вернулась в исходное состояние и скользнула обратно в стол. Изображения на сканере пропали, на их месте снова появился портрет Фордфардинга.

Ожидая появления пришедших, Доктор откинулся на спинку кресла, сложив руки за головой.

Зашёл Кастелян Воран, а за ним Магистрат.

— Я согласился на предложенное мне повышение, — пошутил Доктор.

Кастелян не улыбнулся:

— Конференция завершилась?

— На сегодня да, — устало сказал Доктор. — Я искал вас, но вас тут не оказалось. Что происходит?

— У нас проблема, — сказал Магистрат, сложив руки на груди.

— Большая?

Магистрат улыбнулся:

— О да.

Кастелян протиснулся мимо Доктора, нагнулся над столом и вызвал появление клавиатуры. Посмотрев на экран, он нахмурился. Доктор улыбался ему, стараясь вести себя естественно.

Сканер активировался и показал изображение вселенной.

— Прикольный фокус, — заметил Доктор. — Надо и мне такую картину себе завести.

Кастелян поцокал языком. Магистрат кивнул в сторону экрана:

— Посмотри внимательно.

Доктор всмотрелся в изображение, не зная, что на нём нужно искать.

— Это что, повреждение пространства-времени? — сказал он, наконец.

Кастелян ничего не сказал, а лишь изменил ракурс.

Доктор просмотрел последовательность изображений, все они говорили ему об одном.

— Вы отследили источник искажения? — спросил он.

— Нет, — сказал Воран.

Магистрат говорил более откровенно:

— Чем бы ни был этот Эффект, он далеко за пределами вселенной. Нам нужно найти его и исправить Эффект, изолировать его от стального мира.

Наконец, изображение показало им всю вселенную «со стороны». Эффект был изогнутой линией.

— Вы считаете, что Эффект — окружность, в центре которой находится её источник, — сказал он.

— Да, — сказал Магистрат. — А ты не согласен?

Доктор побарабанил пальцами по столу, размышляя над другими вариантами.

— Согласен.

— Но ты видишь проблему этой теории?

— Да. Центр очень далеко.

Магистрат покачал головой:

— Центр за пределами вселенной. Он не может существовать, значит, источник тоже не может существовать.

Доктор выпрямился и улыбнулся:

— За теперешними пределами вселенной. Но Эффект движется не только в пространстве, но и во времени. Границы меняются.

С макроскопической перспективы изображения сканера было видно, что вселенная примерно сферическая и расширяется. Она была похожа на надувной шарик, оболочка которого была пространством-временем. Это была одна из аналогий, использовавшихся галлифрейскими наставниками в школах, проблема с ней была в том, что не было ничего ни внутри шарика, ни снаружи. Эффект происходил изнутри шара, буквально из ниоткуда.

— Учтите то, что Эффект одиннадцати мерный, — предложил Доктор.

— Со времени его создания вселенная расширилась, — нетерпеливо сказал Кастелян, — изгиб Эффекта свидетельствует о том, что его происхождение было на заре времён, когда вселенная была намного меньше. Мы догадались проверить в далёком прошлом.

— Я в этом не сомневаюсь, — искренне сказал Доктор. Он повернулся к Магистрату: — И какой эффект производит Эффект?

Магистрат задумался:

— Пока что никакого, хотя потенциал у него огромный.

— А кто, по-вашему, за ним стоит?

Кастелян и Магистрат удивлённо переглянулись.

— Это естественное явление, — ответил Кастелян.

— Возможно... — сказал Магистрат и замолчал. — Ни одно известное нам разумное существо не способно создать что-либо настолько мощное.

— Центро способен, — ответил Доктор без тени сомнения. — Правда, ни один из пространственных заворотов Центро не достиг и близко похожего масштаба, но если он нашёл достаточно мощный источник энергии, это возможно. В настойчивости ему не откажешь.

Кастелян нахмурился и указал на изображение. Изображение треснутой вселенной исчезло. На его месте возникло изображение металлического черепа с объективами в глазницах, челюсть у которого отвисла, словно он кричал. Его удерживали яркие белые лучи света.

— Центро там, где вы его оставили, — заверил Кастелян.

— Пока что, — с облегчением согласился Доктор. — Но если это не Центро, то кто? Клады? Трактиты? Происходящий? Может быть, ниблпиблы?

— Может быть, и они, — согласился Кастелян, не догадываясь, что Доктор их только что выдумал. — Но гораздо более вероятно, что это природный феномен. Мы подготовили доклад, — он протянул кипу бумаг.

Доктор кивнул и сделал вид, что прочёл первые пару абзацев.

— Хорошо. Ну что же, я займусь проверкой Эффекта из своей ТАРДИС, попробую локализовать Эффект оттуда, — он встал и направился к двери.

Магистрат схватил его за руку:

— Ты можешь воспользоваться Главным Залом Наблюдения За Временем.

Доктор покачал головой:

— Нет. В знакомой обстановке лучше работается.

Магистрата это не убедило.

— Все мои записи в ТАРДИС.

Всё равно никакой реакции.

— Когда я один, я работаю продуктивнее.

— Как скажешь, — мрачно сказал Магистрат.

— У вас хорошие специалисты: Хедин, Норвал, Президент. Да и тебя самого тупицей не назовёшь.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

Доктор кивнул:

— Я тоже.

Выходя из своей комнаты, Ларна наткнулась на Доктора.

— Нам нужно прекратить так встречаться, — весело заметил он.

Она улыбнулась:

— Ты разве не на Конференцию идёшь?

— Да, да, конечно.

— Тогда почему у тебя подмышкой регулятор времени?

— Нет у меня... Он... Откуда ты знаешь? Он же в футляре!

— Это футляр для временного регулятора, — засмеялась она. — Его форму ни с чем не перепутаешь. Слушай, успокойся. Я никому не расскажу.

— Ну, ладно. Спасибо, — он поспешил прочь.

Ларна провела его взглядом, а затем пошла в противоположную сторону.

Если Стража не собирается говорить с Саваром, то поговорит она. Комнаты лорда Савара находились на два этажа ниже её комнат. Она уточнила у портье, где именно. Несмотря на пережитое им в космосе и на его непредсказуемое поведение, он по-прежнему оставался повелителем времени, и никто не решался выселить его.

Она постучала в дверь.

Через мгновение дверь открылась. В дверях стоял Савар. Он, как всегда, улыбался.

— Можно зайти? — спросила она, когда поняла, что сам он не предложит.

Он вынул из кармана часы:

— Только побыстрее, я уже собирался ложиться спать.

Ларна извинилась, но не собиралась позволить этому остановить её. Ещё не было даже девяти колоколов. Она протиснулась мимо Савара, пока он не передумал.

Она разочарованно осмотрела невзрачную комнату. Ларна не знала, что она ожидала там увидеть. Просто Савар был необычным, и она думала, что это распространяется и на его комнату. Но в реальности комната была похожа на комнату для гостей в семейном Доме: нейтральные цвета, пара украшений,

которые никого не оскорбят и не бросаются в глаза. Книг на полках почти не было, старый шкаф казался лишним. Единственным достойным внимания предметом были большие напольные часы, неуклонно тикавшие к девяти колоколам.

— Хотите чего-нибудь выпить? — предложил Савар, но тут же сел.

На столе перед ним были разбросаны схемы и блокноты. Был ещё небольшой наручный терминал, пищавший каждые пару секунд. Он напоминал Ларне незакрытый до конца, капающий кран.

Савар сидел в кресле, закинув ногу на ногу, и рассматривал временную диаграмму.

— Вы же знаете, что это такое, не так ли? — спросила она. — То искажение, которое мы обнаружили.

— Да, — он посмотрел на неё глазами, исполненными грусти. — Конец вселенной.

— Что вы хотите этим сказать?

Савар кашлянул:

— Я не думал, что этот термин можно истолковать по-разному, — он посмотрел на часы. — Боже, вам нужно уже бежать, уже поздно.

— Вейма убили, — настаивала она.

— Да, да, я знаю, — он недовольно вернулся к своим схемам.

— Вы последний, кто видел его живым.

Он не поднял взгляд:

— Да.

— Они считали, что последней была я. Некоторые до сих пор так считают.

— Ну, мы же оба знаем, что это было не так, — он поднял на неё умоляющий взгляд. — Мы можем обсудить это утром.

Часы начали бить. Ларна не сдавалась:

— Один из моих друзей погиб, одного из стражей похищали. Этот человек опасен!

Савар нервничал.

— Пожалуйста, уйдите, — сказал он.

— Я не уйду, пока не получу ответы. Это серьёзно.

— Уходите, — мягко сказал Савар.

Часы пробили девятый раз.

По Савару пробежала тень, и его синяя мантия превратилась в тёмно-серый плащ, а лицо стало моложе, бородатее, в нём стало больше достоинства. Но на месте глаз у него ничего не было, глазницы были пусты, хирургически чисты, в них были тени.

Ларна шагнула назад.

Он слабо улыбнулся и посмотрел на дверь. Замок щёлкнул, засов задвинулся. Телекинезис.

— Савар... — умоляла она.

Это был тот Савар, которого нашли в космосе без глаз. Сумасшедший. Каким-то образом потоки времени пересеклись. Это было возможно; разумеется, это нарушало Законы Времени, но не противоречило законам физики. Или, быть может, этот Савар перенёсся из параллельной вселенной, в которой его не вылечили, или... Или это был тот, кто убил Вейма, разрезал ему оба сердца. Он похитил стража, угрожал ему смертью, он воровал.

Он шагнул к ней. Бежать было некуда.

— Меня зовут Ларна, — сказала она.

— Я знаю.

Он был её роста, стройного сложения. В его толстом плаще была дюжина складок, в которых можно было спрятать нож; нож можно было спрятать и в ботинке. Ларна бросила взгляд вниз. Обувь была частью космического скафандра, она узнала тяжёлый серебристый металл.

— Вы собираетесь убить меня? — спросила она.

— Только если вы попытаетесь меня остановить, — сказал он. Голос его был глубоким, с нотками паники.

— Может быть, я вам даже помогу, — ответила она, стараясь его успокоить. — Что вы хотите сделать?

— Ключ.

Ларна почувствовала, как разум Савара коснулся её разума. Она приготовилась дать ментальный отпор, но затем увидела выражение его лица. Она поняла, что если она заблокирует его мысли, он её убьёт. Она позволила Савару вспоминать её память. Он не сразу нашёл то, что ему было нужно. Пара воспоминаний из её детства; знакомые образы достопримечательностей Капитолия; несколько абстрактных принципов работы камеры бесконечности; лица некоторых из её наставников.

Изображение Доктора на мгновение задержалось.

Напротив кресла был камин, обрамлённый тяжёлой мраморной полкой с несколькими украшениями. Во всей комнате был всего один прибор, отображавший время: стоявшие на каминной полке позолоченные земные часы, на которых день делился на двенадцать часов равной длительности. На них было две стрелки: длинная указывала между двойкой и тройкой, а короткая прошла примерно четверть пути от пятёрки до шестёрки. Рядом с креслом стоял небольшой столик, на котором не было свободного

места. Вокруг чайного сервиза валялся всяких хлам: компьютерный карты, связка ключей.

Савар улыбнулся.

Нифкол обвёл взглядом охраняемый им причал ТАРДИС. Это была одна из наиболее охраняемых зон Цитадели, лишь самых старших и самых прозорливых стражей назначали на этот пост. В помещении находилась дюжина ТАРДИС, каждая в своём островке света. Нифкол не был повелителем времени, но даже он ощущал мощь, которую содержала любая из этих машин. Они все гудели, и Нифкол уловил слабое телепатическое жужжание.

Жужжала одна из ТАРДИС. Нифкол подошёл к ней и провёл рукой по её корпусу. Она была тёплая и слегка вибрировала. В этот момент тон вибраций изменился.

В зале был ещё кто-то. Повелитель времени. Доктор. Это была его ТАРДИС.

— Милорд, — начал Нифкол. — Вход на эту территорию разрешён только с одобрения кабинета Кастеляна.

Доктор улыбнулся:

— Проверьте, пожалуйста, у меня есть разрешение.

— Я недавно проверял, сэр, на сегодня ни у кого нет допуска.

— Проверьте, пожалуйста, ещё раз.

Нифкол кивнул и отстегнул от пояса свой терминал. И действительно, у Доктора было разрешение, выданное самим Кастеляном.

Он поднял взгляд. Доктор мило ему улыбался. Но было в нём что-то странное. Нифкол внимательно осмотрел его с ног

до головы. Волосы Доктора были коротко стрижены, головного убора не было, одет он был, как всегда, странно.

— Что у вас под рукой? — наконец, спросил он.

— Под этой? — спросил Доктор, приподняв футляр.

— Нет, сэр, под другой.

— О, ерунда.

— Выглядит очень необычно, сэр.

— Ну, да, — Доктор протянул этот предмет.

Это была большая игрушечная землеройка, пушистая штука с выпученными глазами и большой красной улыбкой. Она была длиной около тридцати сантиметров.

Нифкол взял её и осмотрел:

— Зачем вы несёте это с собой?

Доктор потупил взгляд в пол, потом поднял голову, но в глаза Нифколу посмотреть не мог.

— Ни зачем, — сказал он.

Нифкол спрятал землеройку себе подмышку:

— При всём уважении, сэр, я думаю, что будет лучше, если она пока что побудет у меня, вы согласны?

— Она нужна мне... для моих исследований, — быстро сказал Доктор.

Нифкол покачал головой и отодвинул землеройку так, чтобы Доктор не мог дотянуться.

— Нет, не нужна, сэр, — он нашёл свой планшет. — Подпишите форму об изъятии, и я пропущу вас в вашу ТАРДИС. А это, увы, вам с собой брать нельзя.

Доктор расстроенно кивнул головой. Он подошёл к порогу ТАРДИС, вынул из кармана ключ и вставил его в замок.

— Вы уверены, что мне нельзя её взять с собой? — спросил он.

— Уверен, сэр, — непоколебимо сказал Нифкол. — Правила очень строги на счёт того, что можно и что нельзя брать с собой в капсулу времени.

Доктор открыл дверь своей ТАРДИС и вошёл вовнутрь.

Отсек управления выглядел так же, как всегда. Доктор подошёл к стоявшей в центре консоли, потянул за рычаг, закрывавший двери, и нажал кнопку, запиравшую их на замок. Он повернулся к сканеру. Охранник Нифкол изучал землеройку, тыкая в неё пальцем. Доктор засмеялся, покачал головой, и положил на край консоли регулятор времени. Простая психология: Нифкол ни капельки не заинтересовался скучного вида футляром слева подмышкой у Доктора, потому что справа подмышкой был нечто странное.

Доктор принялся отключать цепи обратного вызова. Показания индикаторов подтверждали новые директивы, которые он запрограммировал в кабинете Кастеляна. Дисплеи настроились в соответствии с новыми инструкциями. Теперь эта ТАРДИС была полностью независима от транспортного контроля Цитадели, но никто в Цитадели не был поставлен об этом в известность — Доктор проследил за тем, чтобы сканеры в Капитолии не следили за его деятельностью. Он включил питание и, пока машина разогревалась, занялся другими делами.

Нагнувшись, он отстегнул под консолью пару панелей доступа. Затем он раскрыл принесённый им футляр и вынул регулятор времени. Подключить одно к другому было довольно просто — Доктор просто соединил несколько проводов. Закончив с этим, он обошёл консоль, то и дело что-то переключая или настраивая на ней. Он дошёл до навигационной панели. Полностью он её так никогда и не

освоил, но основы знал. Он сдвинул ползунок, повернул диск настройки, ткнул в пару кнопок. Где-то в консоли начал бить тревогу колокол. Доктор нашёл тумблер, который его отключил.

Он снова подошёл к подключённому регулятору. Он начал возиться с настройками сканера, используя инструменты регулятора для настройки изображения. Озадаченный Нифкол исчез, его сменила последовательность изображений из Цитадели: трое студентов сверяют свои конспекты; персонал одной из столовой готовит ужин; два стража стоят на посту в Архиве.

Генерал Сонтар прилёг на диване. Доктор нажал кнопку, чтобы на экране оставалось это изображение.

Комната сонтаран была наполнена красным светом и сильной гравитацией. Один из безымянных сонтаран помогал своему лидеру, проверяя правильность подсоединения питающих кабелей к задней части шеи генерала. Так сонтаране питались: электричество направлялось прямо в разъём на задней части шеи и сохранялось в биоэлектрических клетках в брюшной полости. Другие старшие сонтаране сидели в ожидании своей очереди. Они все выглядели очень усталыми. Вдали от посторонних глаз они осунулись, двигались тяжело. Сонтаране не разговаривали, да и вообще ничего не делали, просто ждали своей очереди на подпитку. Доктор, конечно, не думал, что они будут развлекаться пением, вязанием, или смотреть сериалы, но они не делали *ничего*. Они были похожи на пациентов военного госпиталя: то ли истощённые, то ли контуженные.

Он сохранил координаты, а затем ввёл в регулятор несколько команд. Изображение показало помещение рутанина.

На экране была серо-голубая вода, от вида которой Доктору стало холодно. А ещё вода была мутной, в ней было много жидких металлических органических соединений. Рутанин находился в центре, приняв форму, близкую к его естественной. Он был неподвижен и непостижим.

Доктор снова ввёл в регулятор команду о сохранении координат и вернулся к консоли ТАРДИС. Цепи питания были уже полностью заряжены.

Пора начинать. Сонтар вставал, завершив подпитку. Другие сонтаране входили в состояние спячки — сон без снов, во время которого их тела восстанавливали себя.

Доктор подключил консоль ТАРДИС к архитектурной конфигурации Цитадели. В воздухе перед ним возникли голографические планы этажа ксенодохий. Ещё пара настроек, и работа была окончена.

Он потянул на регуляторе большой ползунок. Вокруг него начал нарастать гул. Он вынул из кармана синий пульт управления. На нём было две кнопки, красная и зелёная.

Доктор только что соорудил примитивный временной черпак, упростив себе работу, запитав его от цепей ТАРДИС. Он отвернулся от консоли. У задней стены отсека управления в воздухе появились две медленно вращающиеся чёрные пирамиды. Доктор дважды нажал на зелёную кнопку.

Пирамиды перестали вращаться и исчезли, а на их месте возникли генерал Сонтар и рутанин. Рутанин перенастраивался на форму, способную дышать кислородом, с него стекала вода. Сонтар был немного растерян.

— Что случилось? — прорычал Сонтар.

— Добрый вечер, господа. Добро пожаловать в мою ТАРДИС. Я взял вас сюда...

— Этого не было в соглашении! — взвизгнул рутанин. — Мы здесь один, этого не было в соглашении!

— Где мои подчинённые? — проревел Сонтар.

Доктор на мгновение отвернулся и потянул ещё несколько рычагов. Центральная колонна начала ритмично подниматься и опускаться.

— Они в полном порядке у себя в комнате. Я...

Сонтар прыгнул, пролетел метра три, и придавил Доктора к консоли. Сильной трёхпалой лапой он схватил Доктора за горло, два крайних пальца сжимали шею, а третий впился в подбородок и рот.

— Как вы посмели? — проревел Сонтар, наполняя воздух маслянистым запахом своего дыхания.

— Сонтаранин! — взвизгнул рутанин. — Это повелитель времени! Не убивай повелителя времени!

Доктор не мог раскрыть рот. Он был придавлен Сонтаром, который даже в галлифрейской гравитации весил несколько тонн.

— Я лидер одной из самых могущественных рас во вселенной! — ревел Сонтар, дрожа от злости. — Я не позволю обращаться с собой как с ребёнком! Я вам не зверёныш, чтобы вынимать меня из клетки, когда вам заблагорассудится!

Доктор попытался заговорить, но не мог даже вдохнуть.

Глаза Сонтара налились красным. Они сузились до тонких щёлочек.

— Ты заплатишь за своё хамство.

Сонтаранин сломал Доктору шею и отшвырнул искалеченное тело в другой конец отсека управления.

Станция была одним из секретов повелителей времени.

Она находилась на краю звёздного скопления Галлифрея, на идеальной орбите вокруг красного супергиганта. В этом секторе космоса было всего несколько населённых планет, но они были далеки от обычных торговых путей и не представляли большого коммерческого интереса. Эти места были знамениты крушениями и исчезновениями кораблей, и любой, заглянувший в карту, понимал, что это связано с большой концентрацией астероидов, пылевых облаков и нестабильных энергетических полей. Остатки когда-то могущественных звёздных крейсеров молча беспомощно проплывали мимо. Каждый из них был окружён ореолом металлических обломков. Примерно раз в столетие эти погибшие корабли проплывали мимо более старых обломков, происхождение которых было не так очевидно. Эта часть галактики была местом, о котором космические пилоты слагали байки, но совсем не тем местом, куда они хотели бы отправиться, сколько бы денег им за это ни предлагали. Те, кто сюда прилетал, часто не возвращались.

Поэтому никто никогда не видел Станцию снаружи, не видел её тёмную, похожую на собор форму с огромной пирамидальной башней, возвышавшейся в центре. Никто не обратил внимание на то, что она единственная среди этого кладбища кораблей избежала столкновений с астероидами и с другим космическим мусором. Неповреждённый корпус был утыкан антеннами, мачтами, рёбрами и углублениями. Некоторые из этих деталей могли быть местами размещения оружия, огромными ангарами или посадочными полосами. Или же они могли быть чем-то совсем другим. С какой стороны на неё ни посмотри, Станция всегда казалась в тени. Её размер было очень тяжело оценить, но он был явно не меньше города, а то и континента.

Внутренность Станции представляла собой лабиринт жилых помещений, мастерских, арсеналов, складских и прочих помещений, которые можно было ожидать увидеть на космической станции такого размера. В какой-то момент своей истории Станция могла содержать миллион людей, а то и больше, но если такое когда-либо и случалось, это было очень, очень давно. Сейчас там большую часть времени находился небольшой экипаж: несколько повелителей времени среднего ранга, их слуги и небольшая армия роботов обслуживания и ремонта. Это была работа, привлекавшая необщительных людей.

Сегодня экипаж Станции увеличился до нескольких десятков человек. Большинство из них были техниками, несколько членов Стражи. Несколько человек были повелителями времени. Они все собрались в пределах двух уровней командного мостика. Магистрат вышел из своей ТАРДИС в главный отсек управления. Учёные и инженеры в коричневых куртках проводили тесты и моделирования, обновляли системы, которые в этом нуждались. Поскольку Станция изначально создавалась с упором на долгосрочное использование, в большом объёме изменений она не нуждалась. В данный момент о цели их прибытия сюда знал только Магистрат.

Остальные повелители времени ждали его возле командного мостика. Он был увеличенной версией стандартной консоли ТАРДИС, такой же шестиугольной формы. Но он был размером с дом, в нём было как минимум три этажа, ведущих к наклонным граням огромной колонны в центре. Было три члена Совета, три специалиста. Магистрат выбрал их за их научные

познания и за их решительность. Ему нужны были люди, на которых он мог положиться.

Он не тратил времени на церемонии:

— Доктор был прав. Матрица определила, что источник Эффекта находится в далёком будущем. В таком далёком, что это тяжело осознать даже повелителю времени!

Эпоха, в которой жили повелители времени, была примерно через десять миллиардов лет после События 1, создания вселенной. Единица с десятью нулями после неё. Этого количества лет было достаточно на то, чтобы появилось вещество, образовались звёзды и галактики, возникли и исчезли многие галактические цивилизации. Всему на свете наступает конец. Вселенная не была исключением. Всё вещество рано или поздно разложится. Барионное вещество — всё, что имеет массу больше протона — разложится на составляющие и опустится на самые низкие уровни энергии. Это будет очень долгий процесс: последний протон лопнет примерно через сто тысяч триллионов триллионов триллионов лет. Единица и тридцать два ноля.

— Мы установили, что Источник находится в пределах нескольких десятилетий от События 2, конца вселенной. Это очень далеко за пределами наших знаний.

Собравшиеся повелители времени кивали, они до сих пор видели в этом лишь абстрактный научный или философский вопрос. Матрица могла моделировать вселенную и использовать эту модель для прогноза будущего, но даже она могла видеть вперёд лишь на несколько миллиардов лет. Её модель постоянно уточнялась и улучшалась, постоянно велись новые наблюдения, но даже у повелителей времени знания имели свои пределы. Этот предел был чётко определён.

С самого своего создания, Вселенная расширялась силой Большого Взрыва. В конце концов, когда вселенная будет раз в десять старше, чем сейчас, этот начальный импульс будет израсходован, и вселенная начнёт схлопываться в точку. В тот момент время завершается... во всяком случае, в том виде, каким его знают повелители времени. Если же быть более точным, время будет переопределено каким-то неизвестным образом. Планеты, звёзды и жизнь будут по-прежнему существовать в сжимающейся вселенной, но уже не будет наблюдавших за ними повелителей времени и законы физики будут в чём-то переписаны. Какой бы ни стала эта коллапсирующая вселенная, она будет постепенно сдуваться, отдавая энергию энтропии. Рано или поздно, по истечении малопонятного времени, вселенная станет холодной, безжизненной, мёртвой, и снова сожмётся в одну точку.

Хедин волновался:

— Источник Эффекта для нас недостижим. Ни одна ТАРДИС не может пройти такой путь.

Он был прав, конечно. Вихрь Времени иссякал незадолго до того, как вселенная прекращала расширяться, отмечая тем самым веху, дальше которой нельзя было попасть на ТАРДИС.

Магистрат кивнул:

— Наши камеры бесконечности едва способны различить источник, несмотря на истекающие из него энергии. Это всё равно, что смотреть на далёкую планету в оптический телескоп.

Лорд Норвал теребил бороду:

— Но мы же не можем туда попасть? Даже если мы найдём туда путь, ТАРДИС способна смещаться без перезаправки... на сколько?.. Не больше, чем на несколько миллиардов лет.

Потребуется миллиард таких перемещений, это займёт у нас сто миллионов лет.

Магистрат кивнул:

— Как минимум. Поэтому Президент и санкционировал создание врат времени. По своей сути это будет дыра в пространстве-времени, питаемая и управляемая с Галлифрея. Мы полетим на этой Станции сквозь врата времени, и там она станет базой наших операций.

Другие повелители времени забеспокоились. Техники и стражи прекратили работать. Они присягали защищать время, а тут задумывалось пробить в нём дыру.

— В таком путешествии есть доля риска, — признал Магистрат. — Будет повреждение пространства-времени — ничего такого, чего мы потом не сможем исправить. Но мы ведь знаем, какова опасность Источника, если его оставить без присмотра.

— Мы будем лететь вслепую, — заметил лорд Квардак.

— Это правда. И когда мы прибудем в далёкое будущее, мы окажемся почти отрезаны от Галлифрея. Останется единственная связь с Оком Гармонии. По ней мы сможем общаться с Верховным Советом и получать необходимую нам энергию.

Норвал сложил руки на груди:

— И мы возьмём Источник под свой контроль?

Магистрат кивнул:

— Но первой задачей станет создание зоны отчуждения вокруг источника, чтобы контроль не смогли получить другие расы.

Один из повелителей времени засмеялся:

— Никакая другая раса не сможет даже туда попасть, не то что обуздать его.

— Мы не всё знаем о своём будущем, — предостерёг Хедин. — За это время вполне могут возникнуть расы с необходимыми для этого технологиями и возможностями.

— Если другая раса достигнет Источника раньше нас, — твёрдо заявил Магистрат, — Галлифрей, да и вся наша вселенная, будут беззащитны. Мы должны отправиться туда, мы должны добиться успеха.

Вайклиф проснулся за секунду до появления звука.

Раздался визжащий скрежет, и посреди комнаты Доктора материализовался старый шкаф. Под этим новым весом половицы немного скрипнули. Через небольшое время двери шкафа раскрылись, и из них вышел Савар, тянувший за собой Ларну.

— Найдите ключ, — спокойно приказал он, отпуская её.

Ларна поправила рукой волосы и подождала, пока глаза привыкнут к освещению. В отсеке управления ТАРДИС Савара было темно.

— Я по-прежнему не понимаю, в чём его важность?

— Это станет ясно потом.

— Почему вы просто не поговорите с Советом? Или с Доктором? Если вам хоть что-нибудь известно об этой деформации пространства-времени, вы должны рассказать им об этом. Возможно, они смогут остановить это.

Ларна подошла к столу и взяла связку ключей. Она повертела её в руке, осматривая. Обычные ключи.

Савар отобрал их у неё:

— Я могу остановить это лишь одним способом.

— Я могла бы вам помочь, — она попыталась интонацией намекнуть, что речь идёт о психологической помощи.

— Нет, — он повернулся к ней, на его лице была боль. — Нет. Вы попытаетесь помешать мне сделать то, что я должен сделать.

Он перебрал ключи, выбрал один из них, а остальные отбросил.

Он погнал её обратно к ТАРДИС.

В рутанине кипели мысли, бесформенные мысли, непостижимые для других рас. Сонтарский мясной воин нагнулся над пультом управления машины времени Доктора. Он не мог понять назначение приборов, ничто в его грубой жизни не подготовило его к такому. Его животный разум стал нестабильным, он действовал иррационально. Но рутанин был частью Множества, он был бесконечным. Сонтаране были всего лишь индивидуумами, и даже величайший из них был один.

— Ты совершил убийство. Убийство повелителя времени, — заявил рутанин, напрягая тело и принимая боевую форму. — Законы природы таковы, что те, кто убивает повелителей времени, тоже умирают. Повелители времени следят за этим очень внимательно. Убив повелителя времени, ты убил себя.

— А теперь я убью тебя, — грубо сказал сонтаранин, и его неуклюжее тело направилось к рутанину.

— Смерть этого рутанина не поможет вам. Рутанам нет числа. Теперь, когда ты убил повелителя времени, весь Галлифрей ваш враг. Сонтарской расе конец.

Рутанин сделал паузу, в нём мелькали новые идеи.

— Рутанская раса клянётся отомстить за этого мёртвого повелителя времени. Мы заключим союз с Галлифреем. Вас сотрут из истории. Вас никогда не будет существовать.

Сонтаранин был в полуметре от рутанина. Он занёс кулак.

Рутанин взмахнул щупальцем, забросил его вокруг сонтаранина и воткнул в разъём на задней части его шеи. Он нащупал отверстие и просочился вовнутрь.

Сонтар взмахнул своими плохо гнущимися руками, пытаясь дотянуться за спину.

Щупальце образовало в себе мышцы и подняло сонтаранина над полом.

Сонтар сопротивлялся, но щупальце уже пролезло в его тело на полметра и начало образовывать шипы, которые не позволят его выдернуть. Для рутанина сонтаранин представлял собой набор электрических и температурных полей, сосредоточенных в туловище. Он начал отсасывать энергию из сонтаранского тела в себя. Приятный метод казни. Сонтаранин при этом явно испытывал боль, это было ясно по форме его лица, по выпученным глазам, по визжащему рту.

— Твой труп станет мирным предложением повелителям времени, — сказал рутанин Сонтару. — Все секреты Сонтарской Империи теперь мои. Электрические узоры твоего мясного мозга, всё то, что ты считал своими мыслями и воспоминаниями, будет поглощено в рутан. Это будет наш трофей. Сонтарская раса станет расой рабов, скота. Вы проиграли. Вы *проиграли*.

Теперь он пил мысли сонтаранина.

Одно из воспоминаний было самым ярким. Сонтар был в лабораториях, и учёные — рутанин теперь мог вспомнить имя каждого из них — предлагали своё решение. Война шла плохо

уже несколько веков. Его клоны сражались храбро, им не было числа, они были гениями тактики, но они проигрывали. Пропагандистское вещание всё ещё рассказывало о великих победах, но даже наименее сообразительные пехотинцы уже должны были замечать, что великие победы одерживаются всё ближе и ближе к дому. Рутанские флоты были менее чем в пятидесяти световых годах от Тронной Планеты.

(Рутанин это помнил и из своей расовой памяти).

Каждому из триллиона сонтаран нужно было есть, нужно было согреться. Большую часть пространства их боевых кораблей занимали еда и вода. Учёные показали ему нового клона. У него не было пищеварительной системы, половых органов, вместо крови у него был легко синтезируемый раствор. Упрощённый сонтаранин, который мог питаться электричеством. Одновременно они упростили структуру мозга, распрямили большую часть нервной системы.

Избыточные черты вроде век и ногтей были удалены. На ногах пальцев не было, на руках их осталось три. Такое тело будет легко производить и содержать.

С тяжёлым сердцем Сонтар подписал приказ. С этих пор все сонтаране будут такими. Той ночью он плакал.

— Вы потеряли так много, — сказал рутанин.

Рутанин не знал, что думать, поэтому вместо того, чтобы поглотить новую порцию информации, он анализировал своё окружение.

Колонна в центре консоли перестала двигаться. Где-то под ними раздался гулкий звон.

— Стоп! — приказал голос.

Дальнейший анализ окружения не был нужен. Это был Доктор. Его присутствие было сильным. Много было скрыто под поверхностью, как в ледяном океане.

— Вы живой! — сказал рутанин.

Доктор был в конце отсека, там, куда его швырнул сонтаранин. Он потирал шею, словно она у него затекла.

— Внутри ТАРДИС очень тяжело умереть во время работы двигателей. Мы существуем в состоянии милосердия, за пределами того времени, каким вы его понимаете.

Рутанин развернул щупальце, протягивая к Доктору сонтаранина.

— Тем не менее, это невежественное, наглое существо попыталось сделать это. Я схватил существо, которое могло стать вашим убийцей. Я убью его!

— Нет! — громко сказал Доктор. — Отпустите Сонтара.

Рутанин втянул щупальце, уронив сонтаранина на пол:

— Я понимаю. Вы хотите сами его убить.

Рутанин уже почти прикончил сонтаранина, и тот лежал неподвижно у ног Доктора. Доктор протянул свою хватательную конечность и помог сонтаранину встать на ноги. Рутанин видел его энергетические поля, знал, что сонтаранин ослаблен.

— Убейте его! — сказал рутанин.

— Вы что, не понимаете? — спросил Доктор. — Я не смог бы убить здесь Сонтара, даже если бы захотел этого. А теперь я признаю, что взял вас сюда не самым общепринятым методом, но я хотел вам кое-что показать.

Он подошёл к консоли, проверяя органы управления.

— Мы прибыли.

— Куда? — проревел сонтаранин.

— Десять тысяч лет после вашего времени. Вы хотели увидеть ваше будущее. Я привёз вас в него. Это то, что случится, если вы ничего не предпримете.

Он держал что-то в каждой из конечностей: в одной рутанский конвертер антивещества, а в другой сонтарское оружие для уничтожения звёзд.

— Вы сказали, что не знаете наше будущее, — заметил рутанин.

— Да, не знаю. Но у меня есть предположение о том, что я увижу, выглянув за дверь. Спираль галактики из мёртвых солнц и расколотых планет. Руины двух могучих империй, представляющие интерес лишь для археологов. Думаю, мы не увидим ни сонтаран, ни рутан. Ваши расы будут давно мертвы.

Сонтар сделал долгий шипящий вдох:

— Или же там Сонтарская галактика, свободная от не-сонтарской грязи. Великая империя, объединённая под моей властью.

Рутанин ничего не сказал.

— Может, и так, — согласился Доктор. — А может, Рутанская галактика. Но какова будет цена победы? Ну что, посмотрим?

Он обошёл консоль, подойдя к другой её грани:

— Имейте в виду, что бы мы сейчас ни увидели, ещё не предопределено. Прошрое изменить нельзя, но будущее в постоянном движении. Никогда не бывает поздно.

Он щёлкнул тумблером.

Заслонки на стене плавно раздвинулись, открыв экран сканера. На нём был сплошной серый цвет.

Рутанин ждал, но изображение не появлялось.

Доктор настраивал органы управления.

— Это будущее? — проворчал Сонтар.

— Сонтаранин был у консоли, — сказал рутанин. — Из-за своего невежества и некомпетентности он мог сбить настройки и вызвать порчу сканера.

Доктор качнул головой:

— Нет.

Он замер, потом потянулся к другому органу управления. В конце отсека управления раскрылись двойные двери. Снаружи стало видно точно такое же море серости. Доктор медленно подошёл к порогу и свесился наружу, держась за дверную коробку, чтобы не выпасть.

Рутанин тоже подошёл к нему, оставив сонтаранина хромать следом. Он выглянул мимо Доктора. Там ничего не было. Рутанин не слышал сознания, не чувствовал энергий, не мог регистрировать атомы.

Даже в самых тёмных, самых пустынных уголках вселенной всегда что-то было: появлялись и аннигилировали виртуальные частицы, в кубометре пространства или реже встречался ион газа, или пролетал фотон. Здесь была только серость, фиксированная навеки. Он был единственным рутанином, единственным рутанином, единственным рутанином! Он почувствовал в глубине тела панику, он посмотрел на повелителя времени, надеясь на слова утешения.

— Ничего не осталось, — тихо сказал Доктор. — Ни времени, ни пространства, ни вещества, ни энергии. Исчезла вся вселенная.

ГЛАВА 7

**Год 100 000 000 000 000 000
000 000 000 000 000**

Помещение было маленькое, но большее и не было нужно.

Это была ниша в глубине Цитадели, куда редко кто заходил. На первый взгляд она была похожа на сотни других комнат, расположенных в Капитолии: три покрытых эмалью пульта с мигающими огоньками и загадочными дисплеями, установленными лицом к центру помещения, пара неудобных кресел, большой экран на задней стене. Из-за тусклого освещения и мрачного декора тут вряд ли кто-то задерживался дольше, чем было необходимо. Эта комната была расположена возле одного из больших энергопроводов, проходивших по нижней половине Цитадели.

Тут, в глубине, пол и стены гудели от энергии, поставляемой Оком. Рассилон добыл чёрную дыру, привёз её на Галлифрей, заточил её под Паноптикумом при помощи прочнейших уравнений и сильнейшей математики. По каким-то утерянным за века причинам Рассилон настоял на том, чтобы эта чёрная дыра называлась Оком Гармонии. Там была обложенная кирпичом колонна, похожая на огромный дымоход, а наверху её закрывала большая литая железная сфера, расположенная на сто этажей выше, в центре пола Паноптикума, а вниз колонна шла к Оку Гармонии, на тысячу

милль вниз. Вторичные энергопроводы и ответвления отходили от неё через неравные промежутки. План энергоснабжения был похож на огромное дерево, концы веточек которого представляли собой отдельные потребляющие энергию устройства. Некоторые из ветвей были толстые: они питали флот ТАРДИС, камеры бесконечности, Матрицу, и другое оборудование для перемещений во времени. Более тонкие ветви питали пищевые машины, отопление, освещение и прочую домашнюю технику.

Бесконечное количество энергии вырывалось из Ока, шло по шахте вверх, направлялось по энергопроводам. Избыток энергии... вообще-то, никто не знал, что происходило с этим избытком. Может быть, он просто возвращался в Око Гармонии, а может быть, использовался для чего-то другого.

Лорд Президент и два аристократа низкого ранга стояли возле панели управления. Президент смотрел в глазную консоль, используя свои права для внесения необходимых изменений. Только Президент и несколько членов Совета имели право вносить такие изменения. Два аристократа наблюдали за его работой, как того требовали их обязанности.

Постепенно на экране начала появляться пятимерная карта врат времени, проводя линию, параллельную Эффекту. После нанесения всех стадий перемещения были рассчитаны необходимые затраты мощности. Для удержания врат времени открытыми потребуется почти вся энергия, генерируемая чёрной дырой.

На потолке висело какое-то сложное оборудование. Оно было шестиугольной формы, а снизу его покрывали наборы стёкол и призм. По мере того как Президент вводил глазом коды доступа и организовывал новые энергетические каналы,

машина начала гудеть, свет из неё стал тускнеть. Через несколько секунд вниз, колонной, хлынул поток энергии. Энергия блестела и сверкала, как водопад; в слабо освещённой комнате вспыхивали золотые, серебристые, и платиновые искры. Но, не достигнув пола, эта колонна свернула в другое измерение. Человеческий глаз увидел бы, что она резко обрывается за полметра до пола. Галлифрейцы же были более чувствительны ко времени; они видели, как она закручивается, словно смерч.

— Эргосфера в полной фазе, — сказал один из повелителей времени.

— Колонна времени стабильна, — подтвердил второй.

Появился Магистрат. Не было ни искажений, ни задержек в изображении, несмотря на то, что его передавали на многие световые годы. Было такое ощущение, что Магистрат стоял в этом же зале, даже воздух двигался вокруг его изображения, и он излучал тепло.

— Здесь приготовления завершены, — сообщил Магистрат Президенту. — Экипаж проинструктирован, аппаратура готова, ТАРДИС погружены.

Президент в ответ на новость улыбнулся:

— Хорошая работа, старый друг.

Магистрат ухмыльнулся этому выражению.

— Доктор с вами?

Президент покачал головой.

— Он что, не знает об этой миссии?

— Мы не можем найти Доктора.

Магистрат переварил эту информацию:

— Если мы потерпим неудачу, Доктор будет единственной надеждой Галлифрея.

— Переговоры о мире должны возобновиться на рассвете, через несколько часов. К этому времени он наверняка появится, — Президент заговорщицки наклонился вперёд: — Леди Ларну тоже не могут найти, — он выпрямился, широко улыбаясь. — Кроме того, ваша миссия будет успешной. Помните, Магистрат, я консультировался с Матрицей. Это будет великий момент для Галлифрея.

— Вы знаете будущее?

— Не всё, — признал Президент. — Матрица всего лишь показывает мне общие черты грядущего, без деталей. Но, Магистрат, скоро вы будете не просто знать будущее, скоро вы будете *в нём*.

Магистрат строго, почти по-военному, кивнул.

— Врата времени готовы? — спросил он.

— Смотрите сами, — Президент указал на экран.

Магистрат обернулся через плечо. Экран сиял, и любому, кто разбирался в этом вопросе, было видно, что план полёта был абсолютно невероятным, не говоря уже о требуемых энергозатратах.

— Готовы, — подтвердил Президент.

Магистрат колебался, видимо потому, что понял, что видит на мониторе станцию, в которой он стоит — крохотную пылинку, окружённую бушующими энергиями. История вселенной была представлена на экране длинной спиралью. Прошрое было обозначено синим, настоящее и известное будущее — зелёным, неизвестное — красным. В таком масштабе синее было едва незаметно, зелёное терялось полностью, а красной было около девяноста девяти процентов длины линии.

— Время движется по кругу, — заметил Президент.

Это была старая галлифрейская поговорка, которая была правильной и в образном, и в прямом смысле. Дисплей показывал временную спираль, карту времени. Обычно повелители времени имели дело только с первыми несколькими сотнями витками спирали.

Магистрат поднял голову и широко улыбнулся:

— Активировать врата времени!

Президент нажал на кнопку. Изображение Магистрата пропало, а столб энергии в центре комнаты стал ещё ярче. Президент посмотрел на экран монитора. На нём отображалось стабильное движение Станции вверх по спирали. Он улыбнулся. В движении Станции было что-то красивое, элегантное.

Магистрат кричал.

Вокруг него весь экипаж стоял на коленях и кричал. ТАРДИС в своих причалах кричали. Кричала сама Станция. Переборки, рассчитанные на то, чтобы выдержать взрыв суперновой, начали прогибаться. Он услышал, как двигатели переключились в следующий режим, а затем ещё раз, автоматически компенсируя нагрузку.

Лишь сумев напрячь всю свою волю, Магистрат с трудом встал на ноги. Он словно преодолевал дующий навстречу ураган. Это было Время, — понял он, — оно с невообразимой скоростью проходило вокруг них и сквозь них. Если бы не стазисные гало, их бы всех давно уже уничтожило.

Он подошёл к ближайшему креслу и тяжело опустился в него. Три метра от того места, где он стоял, а такое ощущение, будто он пробежал марафон. Он перевёл дух.

Что-то на него смотрело. Он чувствовал взгляд красных глаз, они уставились на него, не давая ему сдвинуться. Вокруг него и за пределами станции были... фигуры. Магистрат пытался рассмотреть их, но не мог их никак интерпретировать. Отражённое и искажённое изображение Станции? Он не знал. Снаружи реальность накладывалась на то, что существовало там, мимо окна мелькали призрачные фигуры. Там были огромные насекомые, странные механизмы, даже чисто абстрактные формы. Некоторые были более гуманоидными: женщины с острыми чертами лица, одетые в золотые накидки, синекожий мужчина в безупречном костюме, мужчина с единственным бионическим глазом. Магистрат увидел самого себя с шестью лицами, одетого в чёрную тунику, жестоко хохотавшего, запрокинув голову. Он слышал насмешливый смех. Вселенная погрузилась во тьму.

Станция продолжала падать.

С тех пор, как они покинули будущее, Док-Тор не сказал ни слова.

Повелитель времени сидел в своём кресле, сложив руки домиком и глядя на консоль. Можно было подумать, что равномерное движение колонны вверх-вниз ввело его в какой-то гипнотический ступор, но Сонтар знал, что это не так. Молчание и неподвижность Док-Тора были большим грузом для ума Сонтара.

Сонтар устал. Лишённый проклятым рутанином энергии, он знал, что ему повезло, что он всё ещё жив. Возможно, он был жив лишь за счёт той же магии, которая спасла жизнь Док-Тора.

Рутанин сидел в противоположном углу отсека управления ТАРДИС, опираясь на задние щупальца, словно готовясь к прыжку. После длившейся миллионы лет войны Сонтару было сложно питать к рутанину и его родичам что-либо помимо отвращения. Прошло уже много лет с тех пор, как Сонтар вступал в физический контакт с рутанами. Ни одна из сторон больше не брала пленных, обе стороны пользовались дипломатическими миссиями только как прикрытием для саботажа или покушений на убийство. Ненависть была как верный меч, который привычно ложился в руку. Она казалась естественной эмоцией, неотрывной от нервной системы.

И что, всё это было напрасно? Вселенной было суждено завершиться, Сонтар это знал, но его учёные говорили ему, что до этого ещё триллионы лет. Но десять тысяч лет — это ничто... горстка жизней по сравнению с теми, которые он уже прожил.

Сонтар отключил глаза и вспомнил серую вселенную. Ничего, кроме тумана. Док-Тор стоял над консолью своей машины времени, он пытался интерпретировать то, что ему показывали приборы, но интерпретировать было нечего.

Нечего.

Док-Тор бормотал что-то об отсутствии даже фундаментальных частиц и сил, он запускал проверки и эксперименты, чтобы показать, что это не локальная проблема. Но после часа исследований он так и не изменил своё мнение о том, что вселенная полностью пропала.

Как такое могло случиться? Вначале Сонтар заподозрил обман, и рутанин тоже. Это был фокус, чтобы напугать их. Но Док-Тор тоже был напуган. Будущее не должно было быть таким, это не то, что должно было случиться, это было *невозможно*. Он повторял это снова и снова, проверял,

исправна ли его машина времени, хотя прекрасно знал, что исправна.

Это сделал его народ? Рутане? Сонтар представил себя в более молодом клонированном теле, через девяносто девять веков. Он сидел на том же троне, придворные были другие, но их лица были знакомыми. Перед ним стояли его учёные. Они докладывали ему о новом, непобедимом оружии, основанном на простых принципах, но способном уничтожать огромные куски пространства и времени. У рутан такое оружие уже было, как доложила ему его разведка.

Ещё одно поколение спустя Сонтар видел, как над Тронной Планетой проплывают рутанские боевые корабли, их кристаллический рой пролетал над его дворцом, как фонари на фоне темноты. Молнии энергетического оружия били вниз, вонзались в землю, крошили статуи и стены дворца, пробивали защиты. Врата были взяты. Рутане просачивались сквозь бреши в стенах, штурмовые войска в своих бронированных доспехах были похожи на огромных драгоценных крабов.

Его глаза заливала зелёная кровь, его униформа была разорвана. Держась за горло, Сонтар, умирая, подполз к пульту и запустил сверхоружие. Если его сонтаранам суждено умереть, то умрёт и вселенная. Земля качнулась от близкого взрыва.

С последними силами он прижимает руку к кнопке.

Начинается обратный отсчёт.

20

12

11

10

2

1

0

— Славная победа, — шепчет он.

Вселенная превращается в серость. Он умирает последним.
Сонтар включил глаза.

Он встал, всё ещё непривычный к низкой гравитации планеты повелителей времени и их кораблей времени. Он сделал несколько шагов к Док-Тору. Рутанин недоверчиво повернулся.

— Проверьте свои приборы ещё раз, повелитель времени.

Док-Тор нахмурился:

— Зачем?

— Я... принял решение. Я не чувствовал такого отчаяния со времён поражения при Хвиксе.

Док-Тор был удивлён, но послушался.

— Что мне искать? — спросил он.

— Оно изменилось?

Док-Тор покачал головой.

Сонтар вздохнул:

— Я только что дал себе обещание. Если это зависит от меня, если это когда-нибудь будет зависеть от меня, я не позволю случиться тому, что мы увидели.

Док-Тор смотрел на него, не зная как реагировать на это заявление.

— Не позволите? — спросил он.

— Нет, — торжественно поклялся Сонтар.

— Я тоже.

Центральная колонна замедлялась.

— Через несколько минут мы вернёмся на Галлифрей. Мой народ обнаружил в пространстве-времени искажение. Это единственное, что мне приходит в голову в качестве причины,

— Доктор замолчал и посмотрел в потолок. — Вселенную уничтожило либо само это искажение, либо то, как на него прореагировали повелители времени.

В тёмной ТАРДИС Савара из освещения были только огни консоли и мягкое свечение экрана сканера. Глаза Ларны адаптировались к этому полумраку лишь настолько, что она могла разглядеть, что оформление отсека управления было строгим, даже милитаристским. Стальные поручни и острые углы. Сам Савар был где-то в тени.

— Я могу вам помочь, — сказала она.

Ему нужно с кем-то поговорить, с кем-то, кто сможет оказать ему медицинскую помощь.

— Вы изменились, — сказала она. — Вы знаете, почему вы изменились?

Она до сих пор не поняла, насколько Савар мог «видеть». Хотя его глаза и не видят, его телепатия и повышенная чувствительность ко временным полям, похоже, компенсировали это. Он не знал, как она выглядит, он (к счастью) не касался её за то время, пока они были вдвоём. Поэтому он почти наверняка не знал ни какой длины у неё волосы, ни какого они цвета. Разве что он был способен взять эти сведения прямо из её сознания.

— Ночь наступила, — его спокойный голос зазвучал ближе, чем Ларна ожидала.

— С вами это каждую ночь происходит?

— В последнее время да.

— Почему?

— Потому что этого требует мой хозяин. Утечка энергии из Ока Гармонии, — сказал он, меняя тему.

— Почему?

Ларна медленно приблизилась к консоли, остановившись напротив управления главным компьютером.

— Что вы делаете? — спросил её Савар.

Он был по другую сторону от консоли. Она видела его лицо сквозь прозрачную центральную колонну. Он был слепой, как он мог управлять ТАРДИС, не видя органов управления? Напрягая все свои органы чувств, Ларна смогла услышать шёпот консоли и увидела, как осторожно Савар проводит руками над органами управления. Телепатические цепи подстраивались, — поняла она. Они подсказывали ему всё, что нужно. ТАРДИС были симбиотически связаны со своими владельцами. Была ли эта ТАРДИС такой же сумасшедшей, как и сам Савар?

— Я пытаюсь получить доступ к информации из протоколов заседаний Верховного Совета, — сказала она ему.

— Для такого перенаправления энергии необходимо было согласие Совета.

— Это утечка энергии! — настаивал Савар.

— Нет, — твёрдо возразила Ларна, — Энергию использует Верховный Совет для питания какого-то устройства. Вы что, не видите?

— Это шутка такая? — прорычал он.

— Нет. Нет. Простите!

Савар склонился над своими приборами:

— Покажите мне.

Ларна сдвинула несколько рычагов, и изображение на сканере изменилось. Тон шёпота консоли тоже изменился. Она предположила, что консоль сообщает ему информацию.

— Вот это обычное состояние энергетической системы Цитадели, — она изменила настройку, — а вот так всё сейчас. Энергия перенаправляется в... — Ларна посмотрела на другой экран, — центр управления в нижней части Цитадели, недалеко от помещения Совета.

— Что они подключили?

— Искусственную червоточину, тоннель, ведущий в далёкое будущее.

Она нагнулась и не глядя нашла нужные переключатели и щёлкнула ими.

— Насколько далёкое? — спросил он, глядя прямо на неё.

Ларна пожала плечами:

— Шкалы не хватает. Я могу проверить, но я не знаю, куда они направляются. Это за пределами фазы расширения вселенной.

Савар обошёл консоль и стал рядом с ней. Она торопливо убрала руку от рядов переключателей.

— Я знаю... — спокойно сказал он. — Я знаю, что они там найдут.

Доктор занимался подготовкой к посадке.

Похоже, что никто не заметил его отсутствия на Галлифрее. Одной рукой он включил себя в систему транспортного контроля Цитадели, а другой слегка поправил курс ТАРДИС. Галлифрей был окружён силовыми полями и трансдукционными барьерами, но в этих латах было много щелей. По ним было довольно просто провести ТАРДИС, если знать нужные уловки.

Консоль пискнула, и принтер что-то распечатал на нескольких сантиметрах бумажной ленты.

Доктор удивлённо посмотрел на неё. До этого момента он даже не знал, что там есть принтер.

Он оторвал ленту и прочёл. Это было от Ларны.

— Хм... придётся немного отклониться от пути, — заявил он рутанину и Сонтару. — Мне нужно на секунду отлучиться.

Он вычислил другое место посадки и набрал новые координаты.

ТАРДИС мягко приземлилась.

Доктор не стал отключать питание, а только заблокировал все органы управления.

— Значит, так, — жизнерадостно сказал он. — Я скоро вернусь!

Не успели инопланетяне ничего ему ответить, как он открыл дверь и вышел. Закрыв дверь, он запер её и спрятал ключ в карман. ТАРДИС приземлилась в необычно маленькой комнате, чуть ли не в шкафу. Это было в глубине Цитадели, он чувствовал гул энергопроводов. Это было недалеко от помещений Совета. Тут было древнее оборудование, некоторые из самых старых машин времени.

Он посадил свою ТАРДИС рядом с другой. Во время своих посещений других планет повелители времени быстро научились скрывать свои технологии от любопытных взглядов. У каждой капсулы времени был целый ряд защитных систем, в том числе возможность маскироваться под местные предметы. Большой надёжностью эти системы не отличались: ТАРДИС Доктора застряла в одной форме. А эта, другая, была похожа на старый шкаф. Но это определённо была ТАРДИС: стоило приложить руку к её боку, и сразу чувствовалось, что она жива или, по крайней мере, что за невзрачной внешней оболочкой скрыта большая энергия.

Ларна прислала своё сообщение изнутри, но эта ТАРДИС была заперта. Доктор нагнулся и осмотрел пол рядом с дверью. Из ТАРДИС вели следы: ботинки, похожие на рабочие, и босые женские ноги. Доктор присел. Ботинки шагали, женщину тащили следом, это было видно по сдвинутой пыли.

Он услышал чьи-то шаги. Доктор спрятался в нише позади двух ТАРДИС, из которой ему было видно, что происходит снаружи.

Прошёл Президент, по бокам от него шли два стража, а сзади шли два повелителя времени низкого ранга в фартуках техников.

— Я прослежу за прибытием Станции из помещения Совета, — говорил Президент. — А вы оставайтесь тут и следите за распределением энергии.

— Хорошо, лорд Президент, — ответил старший из двух повелителей времени.

Президент с охранниками ушёл.

Двое повелителей времени вернулись на свои рабочие места не сразу.

Один из них смотрел прямо на Доктора.

— Что это?

Доктор велел себе не дёргаться, но, видимо, не послушался, и всё-таки дёрнулся. Но второй повелитель времени едва посмотрел в его сторону.

— Две ТАРДИС, — простонал он.

— Здесь?

— О да, они часто отлучаются. Особенно сюда, ближе к Оку. Как бабочки на пламя.

Они подошли ближе, пройдя в нескольких сантиметрах от Доктора.

— Нельзя же их тут оставлять?

— Нет, — он отвернул край перчатки и заговорил в коммуникатор: — Управление Трансдукции, говорит лорд Квеп. Пожалуйста, трансдуктируйте две капсулы времени на их причалы.

— Как скажете, милорд.

Через пару секунд поверхности двух ТАРДИС начали мерцать и растворились. Их телепортировали обратно в их причалы, больше чем на сто этажей вверх. Рутанин и генерал Сонтар всё ещё были там. Придётся к ним возвращаться. Однако более насущной проблемой было то, что место, где прятался Доктор, стало почти открытым.

К счастью, повелители времени отвернулись и пошли обратно в помещение управления энергосистемой. Как только их шаги стихли, Доктор аккуратно вышел.

Коридоры тут были сущим лабиринтом. Каким-то образом им много лет удавалось избегать ремонтов и перестроек. Это место предназначалось не для церемоний, а для работы, поэтому считалось, что тут всё должно быть мрачно и функционально.

Очевидно, Президент спустился сюда не просто так. Должно быть, из-за Эффекта. Что там ещё за Станция? Быть может, должным образом обсудив этот вопрос, Совет составил прогноз, и они уже знали о серой вселенной? Они могли послать туда кого-то на разведку. А может, и нет. Нужно будет их предупредить, но вначале нужно спасти Ларну.

Словно в подтверждение этой мысли, вдали раздались крики. Кричали мужчина и женщина. Доктор побежал на звук, стуча ботинками по каменному полу, едва удерживая равновесие на поворотах.

Двое повелителей времени, которых он только что видел, лежали посреди коридора, их кровь растекалась по каменным плитам. Они были рассечены длинным силовым клинком. У одного были разрезаны сердца, у другого отрезана половина черепа. Оба были мертвы.

И хотя Доктору было стыдно об этом думать, он обрадовался, что ни один из трупов не был Ларной. Она должна быть где-то рядом.

Он слышал её крик, она была за углом. Забыв о собственной безопасности, он бросился к ним.

Дверь в комнату управления энергосистемой он увидел как раз в тот момент, когда она захлопывалась. За ней он успел увидеть пульт управления, движение серого плаща, и промелькнувшую свою белую шёлковую рубашку, которую надела Ларна.

Доктор разочарованно стукнул кулаками по заслонкам.

Станция не замедлилась, она просто прибыла.

Члены экипажа поднялись на ноги. Раненых не было. Теперь, когда всё было позади, Магистрат подумал, что они неплохо прокатились. Видения, промелькнувшие перед ними, были всего лишь снами, которые теперь, исчезнув, не имели значения.

Им предстояла работа.

— Открыть бортовые отверстия, — приказал он. — Приготовить систему защиты. Наш главный приоритет — заблокировать эту зону времени. Установите канал связи с Галлифреем.

Непрозрачные экраны снова растворились, позволяя им взглянуть на вселенную. В тот же миг включились и

сканирующие вселенную сенсоры. В центральной колонне загорелась камера бесконечности. Повелители времени стали вокруг неё, рассматривая мёртвую вселенную.

Темнота. Не было ни звёзд, ни галактик; мало было и вещества, и энергии. Вообще почти ничего не осталось. Во времена Галлифрея вселенная всё ещё согревалась теплом большого взрыва. Было фоновое излучение, пронизывающее вселенную, с температурой почти постоянные три градуса Кельвина. Это было всего лишь на три градуса выше абсолютного нуля, но это были просто тропики по сравнению с температурой, регистрируемой за пределами Станции сейчас: 0.00000000000001 кельвинов. Приборы показывали наличие звёзд, но даже у самых горячих из них температура едва превышала пять кельвинов, что было достаточно холодным для того, чтобы заморозить не только воду, но даже кислород. На протяжении эпох, прошедших со времени его жизни, вещество постепенно испарялось, возвращаясь к своим субатомным компонентам. Крупнейшие из оставшихся звёзд были едва больше Галлифрея, а вращавшиеся вокруг них остатки планет были не намного крупнее булыжников. Тут не было света, только разные степени темноты.

Это облегчало их задачу. Если бы Станция не была защищена стагисным гало, она бы светила на фоне этого неба как зажжённая в темноте спичка. Учитывая оценки энергии Источника, он должен просто сиять. Разумеется, так же часто, как истлевшие звёзды, тут встречались и чёрные дыры, образовавшиеся по мере того, как галактики и их скопления коллапсировали друг на друга. Вселенная теперь была крохотной и продолжала сжиматься.

Магистрат впервые задумался о том, что сейчас делают жители вселенной. Здесь всё ещё могла быть жизнь, сгрудившаяся возле последних источников энергии. Он подумал о том, есть ли среди выживших потомки повелителей времени? Самой планеты Галлифрей, конечно, уже давно не должно быть, её звезда давно угасла. Народ Галлифрея мог мигрировать на новую планету, или на какое-то искусственное сооружение. Галлифрейцы традиционно удерживались от того, чтобы превратиться в существ чистого разума — такое решение они находили довольно неуклюжим. Когда их новый дом изнашивался, они заводили себе ещё один. А потом ещё и ещё. Общество повелителей времени оставалось стабильным миллионы лет, но это было ничто по сравнению с прогнозируемым сроком жизни вселенной. Быть может, некоторые из этих прогнозов были верны, быть может, к этому моменту повелители времени уже давно мертвы. Но если Галлифрею мог настать конец, на что оставалось надеяться менее развитым расам? Магистрат подумал: а есть ли тут вообще какая-нибудь жизнь? Может быть, разум — это всего лишь одна из фаз развития вселенной?

Нет.

Повелители времени за считанные миллионы лет столько всего достигли, их наука превзошла их воображение. Какие же технологии могут быть у их потомков? Жизнь могла бы найти способ вообще покинуть это умирающее мироздание.

Магистрат посмотрел на эти холодные, мёртвые остатки вселенной. Ему хотелось в это верить.

Безумец, схвативший Ларну, ожидает, что Доктор пройдёт в дверь. Этот предатель уже продемонстрировал превосходное

знание систем безопасности Капитолия. Он знал, что даже самые толстые двери можно взломать, и он будет стоять наготове по ту сторону двери со своим силовым ножом. Он успеет перерезать Ларне горло раньше, чем Доктор переступит порог. Доктор посмотрел на часы: восемь точка девять колоколов. Он уже десять минут стоит тут, рассуждая над вариантами действия.

Но другого способа проникнуть туда просто не было.

Доктор приложил ладонь к двери. Она пульсировала энергией. Там, внутри, должна быть активная колонна времени.

Даже если бы у него было время добежать до причалов ТАРДИС, комната управления энергообеспечением была надёжно экранирована. Он подумал о трансдукции, трасматации, телепортировании... и множество других слов, которыми описывали, по сути, один и тот же процесс, но ничто из этого списка не сработает. Ничто не проникнет ни внутрь, ни наружу кроме как сквозь дверь. Доктор, как член Высочайшего Совета, имел необходимый для этого допуск. Доктор колебался. Предатель каким-то образом располагал информацией. Значило ли это, что безумец — советник? Или он был советником в прошлом? Или — и эта возможность беспокоила Доктора сильнее всего — что он был из будущего?

Четыре импульса из звуковой отвёртки, и панель доступа на двери отвалилась. Доктор убрал её и ввёл свой код авторизации. Замок открылся абсолютно бесшумно. Доктор глубоко вдохнул и вынул из кармана силовой нож, который ему в столовой дала Ларна. Поигравшись с ручкой настройки, он сформировал и-образный метровый клинок. Он взвесил его в руке, проверил и настроил балансировку, а затем взмахнул для

пробы. Он был готов, но дверь пока не открывал. Этот момент нужно выбрать очень аккуратно.

Он услышал Ларну.

— Врата времени закрываются, — сказала она. — Временной корабль, чем бы он ни был, остановился.

Даже сквозь толстый металл двери Доктор слышал в её голосе страх. Она была заложницей, запертой с убийцей в маленькой комнате. Она, должно быть, видела, как предатель убивал двоих повелителей времени, но не должна была заметить, что Доктор был рядом. Она не знала, что помощь близка.

— Когда? — спросил мужской голос.

Доктору голос показался знакомым. Несколько ценных секунд он потратил на попытки вспомнить.

— За несколько лет до События 2. Отсюда тяжело определить точно.

— Не дай вратам времени закрыться... делай!

Голос прошёл совсем рядом с дверью. А значит, сейчас он в другом конце комнаты. Или нет?

— Конец вселенной, — сказала Ларна. *Левая сторона комнаты.*

— Что? — *он только что пошёл обратно к ней.*

— Вы раньше говорили мне, что это конец вселенной. Вы были правы, — *левая сторона комнаты.*

— Да. Хорошо. Вы хорошо поработали, — *прямо перед дверью.*

— Что вы делаете? — спросила она. *Слева.*

— Я готовлю фазированный энергетический импульс, — *он остановился прямо перед дверью.* — Я направлю энергию из этой колонны в Станцию, — спокойно сказал он.

— Это же уничтожит Станцию! — возразила Ларна.

— Да. Но врата времени останутся открытыми. Мы пролетим сквозь них на моей ТАРДИС, — *справа*.

Больше времени не было. Доктор одной рукой занёс меч, другой хлопнул по управлению дверями и, как только дверь открылась, забежал вовнутрь.

Он мельком заметил слева Ларну, по центру колонну времени, и обернулся направо. Предатель стоял над пультом управления. Меч он оставил включённым, но в руках его держал неудобно, из-за того что сосредоточился на пульте. Это ненадолго. Предатель, как и предполагал Доктор, бросился в атаку. Доктор блокировал его удар и сделал выпад.

Предатель парировал, попытался силой вывернуть клинок из руки Доктора, но Доктор уже начал контр-выпад, и клинки лишь скользнули друг по другу, и у Доктора появилось мгновение, чтобы выпрямиться и впервые как следует взглянуть на своего противника.

Серый плащ, в который был одет Предатель, был довольно дорогой. Под ним было что-то вроде космического скафандра.

Его лицо!

— Савар!.. — ахнул Доктор.

Он знал, кто это... но это не было его теперешним воплощением. Это была его четвёртая регенерация, которая пропала, которая лишилась глаз. Острые скулы, курчавая борода — это точно был Савар. И у него не было глаз. Доктор не сразу понял, что не так. Он подумал, что лицо в тени, но сами глаза и были тенью, там ничего не было. Говорят, что глаза — зеркало души; что же, без них Савар действительно выглядел неполным, это был скорее череп, чем лицо.

— Савар, это я...

Но звук его голоса лишь позволил Савару лучше сориентироваться. Он схватил меч обеими руками и со всей силы замахнулся им на Доктора. Доктор упал, уворачиваясь. Клинок рассёк над ним воздух и оставил глубокий порез в каменной стене.

Доктор никак не мог встать на ноги, Савар занёс меч над головой и опустил его, но Доктор успел увернуться. Лезвие высекло в мраморном полу дыру глубиной сантиметров пятнадцать. На лице противника была кровожадная гримаса.

Но Савар... Савар был благородным человеком, исследователем, учёным. Он был другом отца Доктора. Он был другом и самого Доктора. После его возвращения их отношения никогда уже не были прежними. Состояние Савара ограничивало его в возможностях, и как старых, тяжело болеющих людей, молодые и здоровые — в том числе и Доктор — избегали его, находили его несколько неприятным. Возможно, подсознательно они все боялись, что состояние Савара было заразным.

Доктор лежал на полу с мечом в руке. Он встал на ноги и взмахнул лезвием перед собой, чтобы не подпустить противника.

Савар вернулся к пульту. Доктор ударил мечом по панели и органы управления взорвались.

Савар сделал выпад и отрезал бы Доктору руку по локоть, если бы тот не отбросил свой меч, отпрянув назад. Он упал Ларне под ноги, и она помогла ему встать. Он стоял между ней и Саваром, хотя понимал, что его тело не представляет серьёзной защиты от силового меча. У неё было неровное дыхание, она паниковала. Трудно её в этом винить.

— Всё будет хорошо, — спокойно сказал он.

Савар повернулся и пошёл на него, держа меч перед собой. Клинок Доктора торчал из консоли на противоположной стороне комнаты, как меч в камне.

— Запущен обратный отсчёт импульса энергии, — сказала она ему. — Он успел его запустить.

Он быстро оглянулся через плечо:

— Сколько?

Она беспомощно улыбнулась и пожала плечами.

Савар бросился к ним, но они отпрыгнули — Ларна к центру комнаты, а Доктор к краю.

— Почти попал, — засмеялся Доктор, надеясь, что паника в его голосе не сильно заметна.

Савар обернулся и сделал два шага в его сторону.

Он слепой. Савар его не видит, он ориентируется на звук и... телепатию.

Доктор стал абсолютно неподвижно, и Савар проник в его разум. В нём была точка, которая... его дыхание прекратилось. Его сердца замедлились. Его сознание опустело. Доктор всё ещё мог видеть, но лишь размытое изображение.

Савар остановился, не понимая, что произошло.

— Здесь! — крикнула Ларна от консоли. Она поняла! — Сейчас я отключу импульс энергии.

Савар отвернулся от Доктора и собрался идти к Ларне, но Доктор схватил его за плечо и со всех сил потянул вниз. Савар потерял равновесие и упал на пол.

Доктор придавил его к полу своим весом, коленом надавил на грудь, а краем ладони ударил по запястью, и Савар выронил меч.

— Доктор! — крикнула Ларна.

Савар попытался свободной рукой схватить Доктора за горло, но Доктор предвидел это и отбил руку. Савар ударил Доктора кулаком по животу. Доктор вскрикнул, у него из глаз выступили слёзы. Савар начал вырываться, поднимать Доктора над полом. Он прогнул спину, и Доктор чуть не свалился с него.

А затем свободную руку Савара схватили и прижали к полу.

Это была Ларна, она упёрлась коленом с запястье Савара, а рукой упёрлась в его ключицу, прижимая его к полу.

— Сука! — прорычал Савар.

Ларна схватила его за волосы и стукнула головой об мраморный пол. Доктор почувствовал, что тело Савара обмякло.

Посмотрев на Ларну, тяжело дыша, Доктор улыбнулся.

— Спасибо, что спасла меня, — сказал он.

— Спасибо, что спас *меня*, — ответила она.

Они поднялись с пола. Они обнялись. Ларна всё ещё дрожала. Освободившись из его объятий, она склонилась над Саваром и начала обыскивать его одежду.

— У него был ключ, — объяснила она. — Это из-за него он взломал камеру Архива, а потом выкрал Пелтрока. Стражи оставили ключ в твоей комнате.

Найдя ключ, она протянула его Доктору.

— Это ключ от ТАРДИС, — быстро осмотрев его, сказал Доктор. Он указал большим пальцем за спину: — От ТАРДИС Савара? От шкафа, который там стоял?

— Не может быть, — сказала Ларна. — Мы взяли этот ключ в твоей комнате, а в неё мы прибыли в ТАРДИС. Ключ от этой ТАРДИС у него уже был.

— В таком случае, это должен быть... — Доктор обернулся на пульт. — Ты выключила импульс энергии?

У Ларны расширились глаза. Они оба бросились к консоли, начали щёлкать тумблерами, вместе перенаправляя энергию. Наконец, тон звучания колонны времени изменился.

— Еле успели, — сказал Доктор, отходя от пульта и утирая лоб носовым платком.

Он обошёл Ларну, чтобы осмотреть Савара.

Экипаж Станции установил буферы времени и системы раннего оповещения. Теперь перемещения во времени в эту зону и из неё были невозможны, за исключением узкого канала связи с Галлифреем.

Завершив блокировку, можно было заняться исследованием. Наблюдениям камеры бесконечности мешала высокая концентрация в умирающей вселенной чёрных дыр и тёмного вещества. Магистрат отдал приказ отправить на исследование три ТАРДИС. Были отправлены лорды Хемал, Квардак, и Норвал, все в разных направлениях. Из их кораблей информация передавалась на Станцию, где камера бесконечности начала заполнять пробелы в своей модели.

Хедин наблюдал за тем, как заполняется карта. Это было похоже на реставрацию картины, когда накопившиеся пыль, грязь, и копоть свечей удалялись, чтобы проявить скрытые под ними яркие краски.

У него за спиной стоял исполненный предвкушения Магистрат.

— Откуда такое нетерпение? — спросил у него Хедин.

— Я чувствую его, — сказал ему Магистрат. — Могущество. Галлифрей на пороге открытия того, благодаря чему он окажется... ещё даже непонятно где.

Хедин тоже чувствовал это. Повелители времени чувствовали течение времени, как менее развитые расы чувствовали движение воздуха.

— Но мы и так уже самая могущественная раса во вселенной. Разве этого недостаточно?

Магистрат улыбнулся и покачал головой.

— Одну генерацию назад Президент думал так же, как и вы, — сказал Хедин.

Магистрат приподнял бровь:

— Правда? Я и не думал, что его амбиции распространялись на что-то, кроме разработки новых церемоний.

— Мы с ним вместе изучали Старое Время. Тексты РОД, легенды о Рассилоне и Омеге.

— Тогда галлифрейцы были гораздо более предприимчивыми.

Улыбка Хедина угасла:

— Можно это, конечно, и так называть.

— А вы с этим не согласны?

— Нет, — сказал Хедин, словно извиняясь. — Многие годы я считал, что самое лучшее в том, что Галлифрей — самая великая сила во вселенной, то, что ею не стал никто другой. Представьте себе мощь Галлифрея в руках далеков или Фракции Парадокс. Лучше не пользоваться возможностями, чем пользоваться ими неразумно.

Магистрат недовольно посмотрел на него:

— Если бы Рассилон думал так же, как вы...

Зазвучал звонок.

Это было срочное сообщение от лорда Норвала.

Он обнаружил Источник.

Доктор нагнулся над Саваром. Даже без сознания его лицо казалось свирепым и сосредоточенным. На глазах у Доктора тень сползла, и Савар вновь стал прежним: маленьким и тихим.

— Должно быть, рассвело, — сказала Ларна.

Глаза Савара раскрылись. Он не помог понять, где он находится, склонившийся над ним Доктор мешал ему оглядеться. Доктор наклонился ещё ближе.

— Где я?

— Один из центров управления энергообеспечением, — сказала в другом конце комнаты Ларна.

— Я что...

Доктор кивнул ему:

— Ещё как, — он протянул ключ, — и всё это было связано с вот этим ключом. Что в нём такого важного?

— Он открывает дверь моей ТАРДИС, — сказал Савар.

— Вашей первой ТАРДИС? Той, которая была утеряна?

— Да.

— Иными словами, вы снова её нашли. Где?

— Там, — сказал Савар, поворачивая голову в сторону дисплея.

Доктор бросил на него взгляд и нахмурился, а потом снова посмотрел на Савара.

— В самом конце времён. Туда непросто добраться. Почему ради неё стоило убивать и похищать людей, хм? Что в этой ТАРДИС, лорд Савар?

— Могущество больше, чем у Бога, — сказал тот.

ТАРДИС лорда Норвала была белым обелиском, вращавшимся в космосе.

В его огромном отсеке управления была треугольная центральная консоль. Рядом с ней стоял Норвал, время от времени он изменял курс, убеждался, что сканеры ТАРДИС работают с максимальной эффективностью, и что связь со Станцией не разрывается. Он был невысоким мужчиной, в желтовато-зелёной тунике без воротника. Магистрат выбрал его потому, что иногда он выполнял поручения Верховного Совета: доставлял сообщения, выступал в качестве эмиссара. Но главным образом он был астрономом, в своей стихии в этой странной холодной вселенной. Это было место, о котором он читал только в научных журналах, сказочная страна, где время шло вспять, а звёзды были холоднее льда.

Источник выделялся на этом тёмном фоне. Его температура была всего на несколько градусов выше абсолютного нуля, но он был самым горячим, самым энергичным объектом из всех, которые до сих пор существовали. Даже чёрные дыры, не испускающие ничего, кроме излучения Хокинга, выглядели бы тут горячими. Помимо температуры, он выделялся ещё и формой. Все чёрные дыры при обзоре выглядели крохотными точками. А этот объект напоминал линию. Приборы ТАРДИС автоматически предупредили о его присутствии, и Норвал изменил курс, чтобы взглянуть на него ближе.

Ещё за много световых лет до него сенсоры временного поля начали сходить с ума, регистрируя Эффект. В этот момент Норвал больше не сомневался в своих подозрениях. Он тот час же подал сигнал Станции о том, что он обнаружил Источник.

На таком расстоянии даже галлифрейские технологии не позволяли получить чёткое изображение объекта, уж слишком много было чёрных дыр и облаков тёмного вещества, приблизившихся друг к другу из-за сжатия вселенной. Магистрат предложил ему переместить ТАРДИС туда, откуда будет лучше видно. Норвал решил не торопиться и задал координаты точки примерно в десяти световых годах от объекта. Найти подходящее место было довольно просто даже в отсутствие точных карт этого района.

Он раскрыл заслонки сканера.

Даже с такого расстояния объект доминировал на экране.

Когда сталкиваешься с бесконечным каждый день, как это делают повелители времени, оно становилось банальным, легко представимым, но не поддающимся объяснению. На первый взгляд объект показался Норвалу похожим на вязальную спицу, которую воткнули в чёрную виноградину. Компьютеры поставили его в известность о том, что этот объект имел длину в один световой год, а чёрная дыра имела диаметр в три раза больший, чем Галлифрей. Но ни одна из иллюстраций не помогала ему осознать это... даже в галлифрейском языке не было подходящих слов для того, чтобы передать масштаб этого зрелища. Все системы корабля начали жужжать и чирикать, обрабатывая новые данные. Данные сразу передавались на Станцию. Это давало Норвалу возможность заниматься собственными наблюдениями, попытаться свыкнуться со Спицей. Он был уверен, что в известную на Галлифрее эпоху ничего подобного не существовало. Он связался с Магистратом, который проверил данные при помощи матрицы.

Голос Магистрата зазвучал со всех сторон, из разных динамиков:

— Лорд Норвал! Объект искусственный. Повторяю: его кто-то создал.

ПРОШЛОЕ

Я из Спицы

— Я был калекой много лет, — начал Савар, — но понятия не имел о том, что меня искалечило. Мои сны были ярче и насыщеннее, чем раньше, но, когда я просыпался, я не помнил ничего, кроме проблесков цвета или ощущения движения. Где-то была истина, она манила меня. Я чувствовал, что что-то следит за мной — красные глаза в небе, красные глаза на стенах, на полу, на потолке.

Последние десять дней всё было иначе. По ночам я... это всё брешь в пространстве-времени. Она влияет на сознание. У вас обоих из-за неё были кошмары. Теперь наступление ночи меняет меня, преобразует меня в прошлого меня, оставляя при этом текущие воспоминания. Оно превращает меня во что-то, что не есть мною, в искажённую злобную версию меня, в то, кем я мог бы быть. Почему именно меня? Потому что я был там, у её создания. Я видел лицо Бога.

Когда-то, будучи молодым и заносчивым, я думал, что могу изменить вселенную. В это верят все, кто только начинает жить. Несколько моих ровесников думали так же: твой отец, Хедин, твой наставник, леди Зурвана, и даже наш любимый Президент... хотя тогда он был всего лишь Канцлером. Вообще-то, это было ещё до того, как ты получил свою учёную степень, так что ты тогда, наверное, ещё не называл себя Доктором. Нет. Хедин так и был Хедином.

Полдень в Паноптикуме. Знамёна, солнечные лучи. Это было до или после твоей свадьбы? А как насчёт детей? Это было до того, как у них появились дети. Конечно же, до... Ты был гораздо моложе, стоял рядом со своим отцом. Ты... ты был очень похож на теперешнего себя. Мы играли в шахматы, я у тебя выиграл, и ты чуть не расплакался. До этого у тебя никто не выигрывал. Пока мы играли, взрослые говорили об астрономии. Оказалось, что ты знаком с пределом Чандрасекара. Как раз в этот день, утром, ты изучал чёрные дыры. Других это впечатлило, и я, из вежливости, тоже похвалил.

Но я планировал гораздо больше, чем просто изучать чёрные дыры и запомнить их названия.

Два миллиона лет назад Омега, Рассилон и другие направили свои звездоколы к Ккабе. Омега пропал, но остальные выжили. Энергия времени пропитала их, сделала их повелителями времени. Рассилон захватил чёрную дыру, провёз её по улицам Капитолия в величайшем из триумфальных парадов, которые доводилось увидеть вселенной. Бесконечное могущество, перемещение во времени, невероятные успехи в науке и технологии, изгнание всех противников. Галлифрей получил всё. Но Омега пропал. О, повелители времени никогда не забывали о нём, они чтили его имя. Но большая часть заслуги досталась Рассилону, как и большая часть добычи.

Я планировал не просто помнить Омегу, я хотел его спасти.

Галлифрей сбился со своего пути. Двадцать тысяч веков мы расточали наше великое наследие; нас устраивает наблюдение из пределов нашей личной утопии. Мы никому не служим, но мы и не правим. О, вы думаете, что я очередной Морбиус, намеревающийся собрать армию и завоевать

вселенную; или какой-нибудь Марнал, отправившийся в невозможный крестовый поход. Нет. Ты думаешь так же, как и я, Доктор, хотя и не признаёшь это. Ты хочешь изменить вселенную, а начинаются перемены с дома. Вот почему ты вернулся — ты чувствуешь то, что приближается. Твой отец разделял наше мнение, когда-то и Президент тоже. Ты думаешь, что мы на пороге новой золотой эры. Я чувствую по её мыслям, что леди Ларна согласна с этим.

Это было довольно просто. Помнишь, что ты мне тогда, много лет назад, сказал о чёрных дырах? Да-да: «ничто не может вырваться из чёрной дыры». Ну, теперь-то ты знаешь, что это неправда. Достаточно всего лишь двигаться быстрее света, хотя на практике интенсивная гравитация сворачивает гиперпространство так же, как и обычное пространство-время, поэтому космические корабли не могут просто взять и полететь быстрее света, чтобы вырваться из чёрной дыры.

Да... молодец, Ларна. Мне говорили, что вы подаёте большие надежды. ТАРДИС. Я был тем, кто должен был направить свою ТАРДИС в чёрную дыру. Я должен был спасти Омегу и вернуть его обратно на Галлифрей, где он бы заслуженно занял место Лорда Верховного Президента повелителей времени. Это должно было быть так просто, и почему никто раньше до этого не додумался?

О да, Доктор, твой отец знал об этом. Одобрял ли он? Поначалу да. Но когда речь дошла до дела, он остался в своём уютном мирке. Во всяком случае, он наблюдал, пока это было возможно. Даже повелители времени не могут видеть то, что за горизонтом событий чёрной дыры. Я пересёк его в ТАРДИС. После этого он не видел, что было со мной, а я не видел, что было с ним.

После путешествия во времени, в крошечной тьме я увидел дверь. Она вела в другую вселенную, полную ярких красок и сладких запахов. Она вела в сад. Мой ТАРДИС остановился и я, надев должную защиту, вышел из него к этим воротам, разделявшим две вселенные. Вокруг меня всё было чёрным, кроме света, выходившего из-за двери. Там было видно, там были запахи, но не было звуков. В чужом небе я видел птиц, я видел водопад, но я их не слышал. Я собирался перешагнуть порог.

Я колебался.

И он был там. Ом, древний бог повелителей времени, прикованный к небесам, как и говорилось в легендах. Я увидел его вдали, а затем ближе, он стал надо мной. Он заговорил со мной, но я не слышал его слов, а он не мог перешагнуть через порог в нашу вселенную. Рукой, одетой в перчатку, он поманил меня. А затем я понял, что если шагну туда, то пропаду, что это будет конец всего.

Он спросил у меня, чего я хочу. Он сказал, что может изменить прошлое, дать мне что угодно, чего бы я ни пожелал. Он показал мне моего друга, умершего за двадцать лет до этого. Он погиб во время шторма, его яхта пропала вместе со всем экипажем. Ом показал мне яхту, возвращающуюся в порт. Он показал мне видения того, каким могло бы быть моё прошлое, если бы я был главным астрономом, или если бы я покинул Галлифрей. Пожелай, что угодно, — говорил он, и прошлое вокруг меня менялось. Все ошибки моей молодости, все мои неудавшиеся достижения, профессиональные и личные. Всё могло измениться. Не хочу ли я быть прайдонцем, а не аркалианцем? Какой я хочу иметь титул, почётное звание, должность? Не хотел бы я быть женщиной, а не мужчиной?

Всё могло измениться, но оставалось тем же. Его голос шептал. Лишь помочь ему покинуть это ужасное место и вселенная станет моей. Ничто не было предопределено, ничто. Прошлое было нереально, настоящее было нереально, будущее было нереально.

От такой перспективы мои сердца наполнились ужасом.

«Я есть тот, кем я есть!» — закричал я.

Я сбежал. Я вернулся в ТАРДИС, захлопнул за собой двери и бросился к пульту. Полёт из чёрной дыры... ещё когда я летел туда, я переживал о том, как буду возвращаться. Такие путешествия до меня не предпринимал никто. Теперь технические детали не имели значения. Я должен был сбежать, иначе всё будет потеряно.

Мой ТАРДИС добрался до горизонта событий без проблем, но как только мы достигли этого последнего препятствия, нас атаковали. В отсеке управления повсюду были зелёные молнии, я чувствовал, как расходуется энергия, как угасает вокруг моего корабля Вихрь Времени. Я чувствовал, что внешняя оболочка ТАРДИС аннигилирует. Я делал что мог, боролся с рычагами.

Мой ТАРДИС визжал и скрипел, пытаюсь вырваться. Время и пространство... там они совсем другие. Вещество и энергия не такие, какими мы их знаем. Наконец, простояв у консоли целый час, я вырвался; подумал, что вырвался. Я запрограммировал резкий набор скорости, чтобы унести из этого ужасного места.

Но, посмотрев назад, я увидел, что крошечная часть моего ТАРДИС всё ещё застряла в чёрной дыре. Я посмотрел ещё раз, и увидел, что его держит рука Ома, она тянула нас обратно в дверь.

Я запаниковал. Я сказал ТАРДИС лететь, улетать. Но это же была не пещера, не пасть морского чудища, это был горизонт событий чёрной дыры! Сбежать было невозможно.

Непреодолимое количество энергии, пытающееся вырваться из непреклонной силы. Загадка для математиков! Но нет, леди Ларна, вы абсолютно правы. По определению, либо энергии было недостаточно, либо горизонт событий должен был отпустить меня.

Энергии было недостаточно.

О, мой ТАРДИС пытался. Он боролся, тянул, растягивался, как резинка, тянул себя через больше размерностей, чем мы можем себе представить. Всё это время я был у консоли. Всё это время я понимал, что ТАРДИС не вырваться.

Мне оставалось сделать лишь одно: я покинул свой корабль в спасательной капсуле. Позади себя я видел ТАРДИС, его внешняя оболочка растянулась и запуталась в себе, система-хамелеон непрерывно меняла конфигурацию, пытаюсь удрать. Но безуспешно.

Я видел, как мой ТАРДИС, растянувшийся уже в иглу длиной около светового года, прекратил сопротивление. Он начал падать, скользить обратно в чёрную дыру, словно тонущий моряк. Я слышал его телепатический зов на помощь, я слышал, как он умолял: «Не бросай меня, не оставляй меня в этой ужасной темноте».

Падая, он прорвал дыру во времени, словно осталась царапина от цеплявшегося когтя. Как будто в странице книги проделали дыру. Я видел страницы позади наших, другие времена и пространства. Не параллельные вселенные, а переписанные вселенные. Реальность — как школьная доска, а история и память, и вещество, и время — лишь нарисованное

на этой реальности мелом. Столько всего не написано, или набросано лишь в общих чертах. Небрежное слово, взгляд не в тот переулочек и... и всё может измениться. У повелителей времени есть такие возможности, возможность уничтожить планету или изменить прошлое девушки. Мы пожираем время, как жуки поедают листья, а бактерии поглощают труп. Это могущество пугает меня. Ничто не в безопасности, ничто не свято.

Но эти наблюдения были для меня бесполезны. Я был один. Я был за пределами чёрной дыры, но в печально известном районе космоса, не имея достаточного количества энергии ни для вхождения в Вихрь, ни даже для передачи на Галлифрей сигнала бедствия.

Я написал имя увиденного мною на клочке бумаги: «ОНМ». Древнее имя пленённого Бога.

Я дрейфовал, на поверхности моей капсулы формировался лёд. Еда и вода закончились, воздух застоялся. Я не знаю, сколько я дрейфовал. Сто лет? Тысячу?

Они явились, когда я спал, прожгли непроницаемые стены моей спасательной капсулы. Это были сборщики мусора, они вошли ко мне, в темноту. Они блестели, как рубины и изумруды, у них были металлические ноги с суставами в непривычных местах и со стеклянными шипами.

Раса насекомых, — подумал я. Своими фасеточными глазами они смотрели на меня, на окружавшие меня технологии.

Я сказал им, как меня зовут и откуда я. Это их заинтересовало. Они заговорили со мной. Они задавали вопросы. Я не знал, настоящие ли они, или же плоды моего

воображения. Я уже был далеко за тем пределом, когда перестаёшь понимать разницу.

Они разобрали мою капсулу на части — их руки были словно раскладные ножи, они развинчивали, отдирали, пилили, снимая панели, кабели, вычислительное ядро, осветители, пружины моего кресла. Они оторвали образцы ковра, стен, ткани моего скафандра. Они передавали это всё назад, к себе в корабль, без отдыха, безжалостно изымая из капсулы всё, что можно было забрать.

Затем они принялись за меня. Они взяли образцы моих волос, кожи, крови, выделений моих желез, спинномозговой жидкости. Этого им было мало. Они на мгновение остановились, пообщались друг с другом чирикающими голосами, а затем забрали мои глаза. Один без усилий удерживал меня на полу, а другой залез на меня, протянул руки к моим глазам, и из его пальцев вылезли тонкие лезвия. Я почувствовал, как мои глаза вываливаются из глазниц, удерживаясь только глазными нервами. Затем я почувствовал, что нервы выползают, словно клинок из ножен. Я всё ещё мог видеть. Я почувствовал, что другой, который меня держал, наклонился вперёд. Я услышал жужжание пилы.

Я слышал, как они уходят, заваривая за собой прожжённый ими вход. Мало им было бросить меня умирать — они бросили меня жить. Несмотря на это я кричал им вслед. «Вернитесь!» — кричал я, — «Не бросайте меня!» Но они ушли. Без глаз, без системы жизнеобеспечения, один посреди космоса, я видел всё. У меня было время и для мыслей, и для снов.

Ничто не реально.

ГЛАВА 8

Смерть повелителя времени

Доктор стоял рядом с Ларной, они вместе слушали рассказ Савара. Он слушал каждое слово, говоря тихим голосом лишь тогда, когда нужно было ответить на прямой вопрос. Его поведение было полной противоположностью Савару — тот шагал туда-сюда по всей комнате, его голос то поднимался, то опускался. Когда Савару не хватало физического присутствия или силы, он пытался компенсировать это злобой.

Его злость ужасала и завораживала. Глядя на гримасы Савара, Ларна анализировала его движения и структуру предложений, и понимала, что он сумасшедший, какое определение этому слову ни давай. Это, разумеется, было очевидно по действиям его другой личности: убийство, похищение, вандализм. Но Ларну беспокоило нарушение не уголовного закона, а физических. Повелители времени чувствовали проходящий сквозь них поток времени, более того, они помогали формировать окружавшее их пространство и время. Разумеется, это делали все разумные живые существа, их наблюдения помогали разрешить квантовые события, привести вселенную в её текущую форму в соответствии с четырьмя антропными принципами. Но повелители времени, благодаря своим уникальным возможностям и масштабам их технологий, влияли на вселенную сильнее, чем другие расы. Их победы в Войнах Времени во времена сразу после Рассилона

помогли стабилизировать космос, они заложили основания современной, рационалистической вселенной. Мог ли сумасшедший повелитель времени оказывать противоположное влияние? Не могло ли его безумие стать заразным, повлияв, как вирус, на прошлое и будущее?

Закончив свой рассказ, Савар тяжело дышал, как животное. Доктор посмотрел на Ларну, та ему нервно улыбнулась. Доктор был способным телепатом, одним из самых сильных, кого знала Ларна, но Савар со своими способностями был в отдельной лиге. Она чувствовала, как его сознание скалилось на неё. Ещё один признак его умственной нестабильности? Что он не мог даже держать свои мысли при себе?

— Эффект может изменить прошлое? — спросил Доктор.

— Да, — спокойно ответил Савар.

У Доктора горели глаза. У них много общего, — подумала Ларна. Оба покидали Капитолий, посмотрели на вселенную, и вернулись уже другими. Но Доктора, конечно, его опыт обогатил в большей степени. Оба были исследователями, но Савар был опасен; то, что он увидел, оказалось пагубным, разрушительным.

— Изменение прошлого невозможно, — вмешалась Ларна.

— Это мечта алхимика, как способность обратить энтропию или увидеть будущее.

— Повелители времени прошлого могли видеть будущее, — заметил Доктор.

— Это сказки, ненаучный бред.

Доктор посмотрел на неё и на какое-то мгновение улыбнулся:

— Именно так сказал Рассилон.

— Как бы вы воспользовались возможностью изменить прошлое? — спросил Савар.

Доктор отвернулся.

— Нам нужно обратиться к Совету, — тихо сказала Ларна. — Мы должны отвести Савара к ним, чтобы он всё им рассказал, — Ларна всё ещё не верила тому, что только что услышала. — Он убил Вейма, убил двоих повелителей времени, похитил меня и того стража...

Доктор кивнул и провёл тыльной стороной руки по её лицу.

— И он заплатит за свои преступления, — пообещал он. — Но у него ключ ко всему этому, в буквальном смысле. Всё это началось из-за повреждения пространства-времени, вызванного его ТАРДИС.

— Что вы там говорите? — спросил с другого конца комнаты Савар.

Все эти годы все, за исключением горстки людей, чувствовали себя рядом с Саваром не в своей тарелке. Все эти годы Ларна возмущалась тем, что остальные избегали его, насмехались над ним. И все эти годы они были правы: Савар был жутким, в нём было что-то зловещее.

— Мы должны обратиться в Совет, — согласился Савар. — Вы должны их убедить в том, что я прав.

— Нет! — мягко сказал Доктор. — Они меня не станут слушать. Они постараются обуздать Эффект.

Савар почесал подбородок:

— Этого нельзя допустить.

— Теперь вы совсем другое говорите, — сказала Ларна. — Вы же хотели спасти Омегу, или Ома, или кто там находится.

— Этого хочет слепой Савар, — согласился Доктор. — Но вы ведь этого не хотите?

— Моё другое «я» — слуга Ома. Я чувствую действие какого-то зла. Я хочу закрыть будущее, чтобы оно было недоступно. Отсюда мы можем закрыть брешь пространства-времени.

— А вы не сильно старались убедить в этом кого-нибудь! — крикнула ему Ларна.

Доктор стал между ними:

— Нет, он не старался. Хотя, если честно, объяснять пришлось бы долго... По его логике, Совет не имеет значения. Вселенной наступает конец, поэтому важность отдельных жизней стремится к нулю. Это, конечно, не та философия, с помощью которой можно завоевать много сторонников. Мы должны помочь ему рассказать об этом.

— Я согласен, — задумчиво сказал Савар. — Ещё не поздно предотвратить это.

Ларна снова разозлилась, от одного вида его лица, от звука его голоса.

— Почему ты слушаешь этого сумасшедшего?

— Я видел серую вселенную, — сказал Доктор. — Ничто не способно на это, только Эффект.

В его глазах блеснул ужас. Если он не может убедить её, то как он мог надеяться на то, чтобы убедить Совет?

— Но Станция сейчас в будущем, — сказала Ларна, указывая на экран монитора. — Это то, что случится со вселенной: она будет жить своим чередом. Будущее, которое видел ты, не происходит.

— Вы ничего не поняли, детка? — спросил Савар. — Пока Эффект активен, ничто не фиксировано. Будущее со Спицей —

это одно из будущих, необязательно то, в которое попадём мы. У Эффекта есть возможность контролировать любой аспект времени и пространства, от мельчайшей частицы до Абсолюта. Нам нужно предупредить об этом Совет. Мы должны сказать им о всемогуществе того места.

— Это как раз то, чего нельзя делать, — возразил Доктор.
— Если мы хотя бы упомянём об этих возможностях, мы лишь усилим их желание исследовать объект.

— Мы что, будем врать Совету? — спросила Ларна.

— Да, ради спасения вселенной. Идёмте.

ТАРДИС Норвала висела на месте, её сканеры начали регистрировать красивые изображения. Изображения и сопутствующие данные передавались на Станцию, где повелители времени и их компьютеры анализировали увиденное и готовили доклады.

Норвал, скрестив руки, рассматривал изображения на сканере, большую часть работы ТАРДИС делала сама. Если не считать размера, Спица казалась довольно понятной. Спица представляла собой трубу, словно огромный водосток или соломинка. Внутри неё как раз мог бы поместиться Галлифрей. Одним концом Спица была воткнута в чёрную дыру, это немного изогнуло её прямые линии, залило её жёстким излучением и гравитационным искажением. Этот конец Спицы окружали волны искажения пространства-времени: Эффект, который они заметили с Галлифрея. Они распространялись во все стороны от чёрной дыры как струи фонтана.

Спица была белая, как кость, гладкая и безукоризненно чистая. На ней не было ни кратеров, ни неоднородностей. Наверняка случались столкновения с астероидами, может быть

даже и с более крупными объектами, но сама Спица не была повреждена. Ударяя по её поверхности, камни и льдины лишь оставляли грязные полосы, которые издали были почти не заметны.

Спектроскоп зарегистрировал что-то интересное, и как только Норвал это заметил, тут же раздался голос Магистрата:

— Норвал, подлетите немного ближе, — Магистрат назвал цифры координат.

ТАРДИС уже вносила необходимые коррекции в курс, её сканеры наводились на указанный район.

Норвал посмотрел туда.

Это было невозможно (хотя и не самое невозможное в этом артефакте), но часть поверхности самого дальнего от чёрной дыры конца когда-то имела биосферу. Она представляла собой лишь примерно одну сотую долю общей поверхности трубы, с такого расстояния она казалась точкой. Но это всё равно была огромная площадь: в миллион раз больше пригодной для жизни территории, чем могла предоставить сфера Дайсона⁴. Возможно, там было достаточно места для населения целой галактики. Когда-то там должны были быть искусственные солнца, обеспечивавшие население необходимыми светом и теплом.

⁴ Сфера Дайсона — гипотетический астроинженерный проект Фримена Дайсона, представляющий собой относительно тонкую сферическую оболочку большого радиуса (порядка радиуса планетных орбит) со звездой в центре. Предполагается, что развитая цивилизация может использовать подобное сооружение для полного использования энергии центральной звезды и/или для решения проблемы жизненного пространства.

Как и всё остальное во вселенной, они давно угасли. Вся огромная поверхность трубы была покрыта толстым слоем снега и льда. Это была не просто замёрзшая вода — хотя её бы хватило, чтобы наполнить сто тысяч галлифрейских океанов — там были и замёрзшие кислород и азот. Когда рассеялась последняя энергия вселенной, воздух остыл и замёрз, небеса рухнули, прикрыв собой города, покрывавшие эту часть поверхности. Самые высокие здания были высотой около десяти миль, они торчали из-под снега.

За несколько минут Норвал обнаружил как минимум сотню поселений, одно из которых было размером с континент. Архитектура представляла собой смесь стилей. Большинство зданий были построены из белого материала, возможно керамики. Судя по размерам и расположению дверей и окон, население состояло из гуманоидов примерно галлифрейского роста, и им нужны были дороги и пашни.

Люди вроде нас, значит, — подумал Норвал. Было ли это их последним пристанищем? Ковчегом, в котором жили последние жители вселенной? Если так, то они не дожили до конца. Даже раса, способная построить такой объект, не смогла предотвратить своё вымирание, когда вселенная вокруг них сжималась и исчезала.

Конец приближался долго: не было ни вмёрзших в снег тел, ни свидетельств того, что здания были раздавлены приливной волной снега. Но также не было свидетельств космопортов или попыток эвакуироваться.

— Между городами нет дорог, — заметил он.

— Нет, — сказал Магистрат, — но расстояния между городами так велики. Должно быть, они пользовались телепортами или летающим транспортом.

— Это если между городами вообще был хоть какой-то контакт. Нет ни космического мусора, ни сети спутников, ни искусственных лун. Вполне возможно, что города просто не знали о существовании друг друга. Архитектурный стиль у городов разный.

Голос Хедина:

— Тяжело судить, но некоторые здания выглядят гораздо старше других. Это место могло быть заселено очень долго... как минимум десятки миллионов лет. Умеющие путешествовать в космосе расы заметили бы этот объект с расстояния во много световых лет, он должен был доминировать на небосводах тысячи миров. Корабли могли прибыть сюда независимо друг от друга. Объект такой большой, что их сенсоры могли не заметить другую жизнь: цивилизации крупнее и могущественнее тех, которые видели большинство галактик, могли развиваться и зачахнуть здесь, никогда не сталкиваясь со своими соседями.

— Есть ли какие-нибудь признаки жизни?

Норвал проверил:

— Я всё ещё далеко, и Эффект мешает осматривать объект, но если там и есть жизнь, её не может быть много. Мне подлететь ближе?

В ответ было молчание.

— Магистрат?

— Нет. Лучше действовать осторожно.

Савар шагал по Капитолию, Доктор шёл рядом с ним, Ларна сзади. Он чувствовал страх стражей у двери в Зал Наблюдения за Временем, возникший, когда он подошёл и Доктор попросил, чтобы их пустили.

Зал Наблюдения за Временем был наполнен гулом голосов тех, кто наблюдал с галереи, и машин камеры бесконечности. Это было публичное событие, на галереях было много народа, камеры записывали торжественные события для потомков. Главная Камера Наблюдения за Временем не изменилась с его дней. Галерея была в тридцати метрах над полом камеры, набитая до отказа плебеями, кричавшими так, словно это было театральное представление, а повелители времени под ними торжественно смотрели в пространство, словно это не было представлением.

Он осмотрелся:

— А где Совет?

— Совет присутствует, просто в другом месте, — тихо сказала ему Ларна.

Они стояли вокруг камеры и смотрели на изображение объекта. Судя по виду, изображение транслировалось из ТАРДИС. Было множество меньших изображений, увеличенные детали поверхности, замёрзшие города. Было такое ощущение, что там ледниковый период. Наверное, в будущем, когда нет солнц, все планеты такие. Доктор отошёл от них и пошёл к членам Совета.

— Что делает Доктор? — спросил Савар.

— Он пошёл поговорить с Советом. Они его ещё не заметили.

— Лорд Норвал, каков размер Спицы? — услышал он вопрос Президента.

— Она явно достаточно велика для шкалы Vdo, — объявил другой голос, и громкоговорителя. — Это труба длиной примерно один световой год, но диаметром едва пятьдесят тысяч километров. Один из концов погружён в чёрную дыру.

Эффект искажения пространства-времени исходит из места их пересечения и излучает в видимом и соседних диапазонах спектра на расстояние до миллиона парсек.

— О да, — сказал Доктор, возвещая о своём присутствии.
— Но, как говорят на Арракисе, «Если это кажется тебе большим, тебе нужно увидеть воробьёв».

Собравшиеся повелители времени начали поворачиваться в его сторону.

— Так значит, Доктор решил всё-таки удостоить нас своего присутствия, — сказал Кастелян Воран.

— Ага, и леди Ларна тоже показалась, — добавил Пендрел.
— Кажется, это называется синхронностью.

Савару показалось, что он чувствует, как Ларна краснеет. Сам Президент отошёл от группы и вместе с Доктором шёл к ним. За ними шёл Кастелян.

— Лорд Савар! — слабым от старости голосом произнёс Президент.

Савар склонил голову, как полагалось.

— Лорд Президент, — сказал Доктор. — Галлифрей столкнулся с величайшей опасностью.

— Да, но также и с большой возможностью.

Это сказал Магистрат, стоявший рядом с Президентом. Он думал, что Магистрат в далёком будущем.

Выражение его лица, должно быть, выдало его замешательство.

— Это проекция, — объяснила ему леди Ларна, — а настоящий Магистрат на Станции.

Савар повернулся к этому фантому Магистрата:

— Вы знаете, что вы нашли?

— Ещё нет, — признал Магистрат. — Похоже, оно галлифрейского происхождения.

— Да уж, — прошептал Савар.

— Будь очень осторожен, — сказал Магистрату Доктор. — Этот объект — остатки ТАРДИС, потерпевшей крушение при попытке вырваться из чёрной дыры. Она прорвала дыры в континууме пространства-времени. Эти дыры сформировали Эффект. Должно быть, также столкновение временной энергии из ТАРДИС и анти-времени из коллапсирующей вселенной, что означает... — его голос затих. — Ну, в этом я не совсем уверен.

Президент начал сопоставлять кусочки информации.

— Вашей ТАРДИС? — спросил он.

Савар кивнул.

Несколько советников начали вполголоса переговариваться. Повелители времени присягали защищать линии времени, а это нарушало все законы.

— Этот объект — богохульство, — сказал один из монахов.

— А как вашей ТАРДИС удалось вырваться? — спросил Магистрат.

— Это довольно просто, — объяснила Ларна. — Согласно принципу неопределённости некоторые частицы из чёрной дыры время от времени оказываются за пределами горизонта событий. Со временем любая чёрная дыра испаряется. Чёрная дыра на мониторе та же, в которую полетел на ТАРДИС Савар, но за прошедшие эпохи она немного ужалась. Меньшая масса означает меньшую гравитацию. Когда Савар попытался вырваться, у него почти получилось — в далёком будущем сбежать из чёрной дыры гораздо проще.

Кастелян озадаченно спросил:

— А как вообще ваша ТАРДИС попала в чёрную дыру?

— Савар производил научное исследование гравитации, — быстро сказал Доктор.

Савар почувствовал дискомфорт Президента.

— Но почему это исследование нельзя было провести с Галлифрея? — это были беспокойные вопросы с галереи и от членов Совета.

— Потому что, Кастелян, — спокойно сказал Савар, — иногда для того, чтобы узнать о неизвестном, приходится высунуть нос за пределы Купола Капитолия.

С галереи донеслись смешки.

— Вы не правы, лорд Савар, — сказал старческий голос. Вперёд вышел Хранитель Матрицы. — Матрица — хранилище всего знания. Она содержит все математические аксиомы и научные принципы, которые управляют вселенной, и может применять их гораздо эффективнее любого галлифрейца. Для Матрицы нет загадок.

— У её знаний есть пределы, — утверждал Савар. — Ваши амбиции, быть может, и не выходили за рамки получения учёных степеней и бессмысленных церемониальных титулов. А мои выходили.

— И в чём именно были ваши амбиции? — спросил Кастелян.

Савар улыбнулся.

Доктор схватил его за руку.

— Савар, не надо... — предупредил он.

Савар высвободил руку, поднял голову, и впервые обратился своим лицом к галерее:

— Я планировал спасти самого Омегу!

В первые моменты никто не знал, как на это реагировать. В том числе и Кастелян.

— Омегу? — всё, что он смог сказать.

Повелители времени снова поворачивались в сторону камеры бесконечности. Савар чувствовал их смятение, они пытались осознать увиденное; он наслаждался хаосом, который ему удалось создать в таком упорядоченном месте.

— Моя самоуверенность была так велика, что я подумал, что смогу освободить величайшего из нас из его вечной гробницы.

— Так значит, вам удалось. По прошествии стольких лет Омега найден, — в голосе Президента были нотки благоговения.

Лорд Хедин вышел вперёд:

— Мы должны приземлиться и завершить вашу великую миссию.

— Там не Омега, там что-то несравненно более опасное!

Но они не слушали мольбы Савара.

Доктор понял, что теряет контроль над ситуацией. Он предпринял последнюю попытку:

— Нет, нет. Там огромная опасность. Магистрат, держись подальше от Спицы...

— Уничтожьте её! — проревел Савар.

— ...и возвращайся на Галлифрей.

— Такой приказ может отдать только Президент, — высокомерно напомнил Доктору Кастелян.

— Президент? — умолял Савар.

Старик был спокоен. Савар почувствовал его мысли. Президент изучал Омегу, он написал о нём дюжину книг. Время, в течение которого он занимал свой пост, было

посвящено восстановлению репутации Омеги. Это станет кульминацией его президентства — отречение от поста ради Омеги, ради его коронации первым Лордом Верховным Президентом со времён самого Рассилона.

— Нет! — крикнул Савар. — Нет!

— Мы должны воспользоваться этой возможностью, — сказал Президент. — Не только Эффектом, но и самим Омегой!

У Доктора ничего не вышло. Сейчас Президент скажет это, сейчас он разрешит своей экспедиции приступить. Доктор что-то говорил, но у Савара не было времени слушать.

Он запустил руку в складки своей мантии и взял силовой нож.

— Нет! — крикнул Доктор. Савар знал, что Доктор кричит ему, но это уже не имело смысла.

Сжимая кинжал, Савар прыгнул. Как было и со всеми предыдущими жертвами, он телепатически воспринимал чувства Президента. Он чувствовал страх, пробежавший по спине, холод в ускорившихся сердцах. Усилившееся биение сердец лишь облегчало точный удар. Глаза, которых у него не было, были широко раскрыты от ужаса. Но он не позволил своим эмоциям помешать ему сделать то, что было нужно сделать.

Он взмахнул кинжалом, вонзая его в грудную клетку. Металлическим клинком нужно бить вверх, чтобы не наткнуться на ребро. С силовым ножом это было неважно. Он прошёл сквозь кость, как сквозь воздух.

Президент завалился вперёд, тёплая кровь потекла по его кремовой мантии и по надетому на нём церемониальному Поясу Рассилона. Доктор схватил Савара сзади и пытался его

оттащить. Люди вокруг них нарушали строй, звали Стражу и врачей. Камеру наполнил топот ног.

Личный врач Президента прибыл на место почти на минуту раньше Стражи, что неплохо характеризовало Галлифрей. Хирург Гратнол опустился на пол рядом с Президентом и раскрыл свой набор инструментов. Президент был в старом теле и, возможно, не имел сил для регенерации.

— Зачем? — Доктор спросил у Савара.

Савар улыбался:

— Успокойся, Доктор, всего лишь удар в основное сердце. Ничего такого, чего хирург не сможет исправить всего за час. Но это приведёт к своего рода вакууму власти. Не будет принято никаких решений, и это нам на пользу.

Доктор поднял взгляд на собирающихся вокруг них повелителей времени.

— Ловко, — коротко сказал он.

— Спасибо. Покажи мне ключ моей ТАРДИС.

Доктор вынул ключ из кармана и показал.

— Воспользуйся им мудро.

Несколько стражей протиснулись сквозь толпу. Они разделили Доктора и Савара. Савар не оказывал сопротивления, он спокойно ждал, пока один из стражей наденет на него наручники, а другие обыскивали его одежду. Покрытый кровью Президента нож уже лежал на мраморном полу. Запасного при нём в этот раз не было.

Когда Савара увели, Доктор опустился на пол рядом с Президентом. Старик посмотрел на него немного разочарованно. Доктор склонился над ним, и этим вызвал раздражение врача, обрабатывавшего рану.

— Если не можете отойти, помогите снять Пояс, — проворчал Гратнол.

Пояс оказался тяжелее, чем выглядел, но его легко удалось снять с Президента через голову. Он был большой, состоял из сегментов, и напоминал панцирь броненосца, сделанный из материала, похожего одновременно на золото и на кожу. Доктор держал его в руках, нагнувшись над Президентом. Кровь уже начала останавливаться.

— Ну что, — прошептал старик, — не этого ли ты всегда хотел?

Доктора это возмутило. Он поднял в руках Пояс:

— Этого?!

— *Перемен*, — объяснил Президент. Его голос был таким слабым.

Как и сказал Савар, удар в главное сердце был не самой серьёзной раной, во всяком случае, когда рядом были галлифрейские медики. Но тело Президента было таким старым, таким слабым.

Доктор обдумывал, что ответить.

— Нет. Это шаг назад, оглядывание в прошлое.

— Омега был величайшим из галлифрейцев, в документах об этом ясно говорится.

Доктор прочёл все публикации Президента на эту тему, он помогал Хедину с написанием биографии, и у него было собственное мнение об этой личности.

— Омега стал бы тираном, — заявил Доктор. — Его на Галлифрее не просто встретят с распростёртыми руками, его будут восхвалять, коронуют Президентом. Вы же не думаете, что такие люди как Воран и Пендрел захотят остановить того,

кто крушил своей рукой звёзды, того, кто был с Рассилоном, когда Капитолий пал?

— А разве не этого ты всегда хотел от Совета? Вмешательства?

Он нагнулся над Президентом:

— Я хочу, чтобы повелители времени помогали другим реализовывать свой потенциал, я хочу, чтобы они распространяли мир и знания. Я не хотел, чтобы они завоёвывали вселенную.

— Нет! — резко сказал Президент. — Есть другая причина, почему ты не хотел, чтобы Магистрат приближался к Спице. Расскажи!

— Я не могу.

— Я Президент Галлифрея!

— Простите, лорд Президент, но я не могу.

— Хорошо, — Президент поднял руку. — Кастелян Воран! Я назначаю вас главным.

Кастелян облизал губы:

— Такое продвижение противоречит всем обычаям, лорд Президент.

Доктор сочувствующе улыбнулся. В таких обстоятельствах это продвижение было скорее чашей яда.

— Неправда: у Президента есть право назвать своего преемника. Вы, Кастелян!

— Галлифрею сейчас нужен сильный лидер, — крикнул Магистрат.

— Это решение может привести разрушению Галл... — Доктор замолчал на полуслове.

— Как? — спросил Магистрат.

Краем глаза Доктор видел, что Кастелян разговаривает с одним из техников. Доктору почему-то показалось, что у него почти не осталось времени на изложение своих соображений.

— Ты должен поверить мне, — сказал Доктор. — Я знаю кое-что о том, что там...

— Доктор? — спросил Магистрат. — Ты меня слышишь?

Доктор и Магистрат одновременно повернулись к Кастеляну:

— Вы отключили голосовую связь.

— Да, я подавил голос Доктора. Доктор, ваше влияние опасно. Желание Президента было предельно ясно. Лорду Норвалу нужно подготовиться к высадке на Спицу.

Магистрат стоял над голографическим столом. Там был отображён Зал Наблюдения за Временем, крохотные советники были похожи на кукол, или на шахматные фигурки. Он видел жестикулирующего Доктора, но не слышал его. Позади Доктора небольшая группа советников и монахов спешно проводила укороченную церемонию временного воздвижения Кастеляна.

— Нет, — сказал Магистрат. — Вначале я должен выслушать Доктора.

Крохотная голограмма Доктора подбежала вперёд и стала прямо перед голограммой Магистрата. Но не раздалось ни единого слова.

Вместо них раздалось:

— Лорд Норвал, говорит Кастелян, исполняющий обязанности Президента. Приземлите, пожалуйста, вашу ТАРДИС.

— Нет! — крикнул Магистрат. Но по показаниям своих приборов он видел, что его голос тоже отключён.

Галлифрей говорил с Норвалом напрямую.

— Как скажете, — сказал Норвал. Он не знал о событиях на Галлифрее.

— Кастелян, вы должны позволить мне поговорить с лордом Норвалом. Я здесь командир. Станция может потребоваться в качестве поддержки.

Но Кастелян его проигнорировал.

— Всплеск энергии на поверхности Спицы! — крикнул один из техников.

Магистрат поспешил к главному дисплею.

— Он направляется к ТАРДИС Норвала? — спросил Магистрат.

— Я ещё не отследил. Вот они.

ТАРДИС Норвала шла по дуге к Спице, но странный свет был далеко внизу.

На главном экране включился общий обзор. ТАРДИС лорда Норвала направлялась в точку на поверхности Спицы. Крохотная точка зелёного света была в миллионах миль от неё и двигалась прочь от Норвала.

— Сгусток энергии диаметром три метра, движется с почти световой скоростью.

— Природное явление? — спросил Хедин.

Магистрат покачал головой:

— Не думаю.

Хедин кивнул:

— Анализ состава немедленно!

Магистрат смотрел на тактический дисплей. Сгусток был медленный, как молния, но было в нём что-то завораживающее. На другой стороне Спицы ТАРДИС Норвала начинала спуск.

— Это всего лишь свет, — заключил Хедин. — Может быть, что-то вроде сигнальной ракеты. Может быть, с долей разума. Может, это какой-то зонд?

— Оружие? — спросил Магистрат.

— Возможно, — в голосе техника не было беспокойства. Чего беспокоиться?

— Найдите точку его происхождения.

Хедин кивнул.

По всему отсеку загудели сирены.

— В чём дело? — спокойно спросил Магистрат.

— ТАРДИС лорда Норвала только что пересекла луч обнаружения.

— Он его не видел?

— Это был пассивный сенсор. Теперь, когда мы знаем, что искать, мы видим, что ими покрыта вся Спица. Кто-то знает о его приближении.

Они услышали голос Кастеляна:

— Норвал, измените курс на случайное направление.

ТАРДИС тут же исчезла.

И материализовалась прямо на пути энергетического сгустка.

— Не беспокойтесь, — сказал Кастелян. — Это всего лишь свет. Он пройдёт сквозь вас.

— Он может временно ослепить сканеры и вызвать лёгкие повреждения внешней плазмической оболочки, — предупредил Хедин. — Будет лучше перейти в режим максимальной защиты.

Норвал кивнул.

— Пять секунд. Четыре, три, две, одна.

Сгусток энергии столкнулся с ТАРДИС. Он пробил силовое поле. Он прошёл сквозь вторичное силовое поле. Когда

ТАРДИС Норвала для предупреждения столкновения автоматически совершила прыжок на пять секунд в будущее, сгусток энергии последовал за ней. В конце концов он пробил дыру в плазмической оболочке.

Экран Магистрата погас.

— Что происходит? — спросил он.

Он повернулся к главному экрану, на котором был вид на ТАРДИС Норвала извне. Зелёная энергия проникала во внешнюю оболочку, проедавая её, как кислота, делая брешь всё больше.

— Размерностный барьер мог быть повреждён, — резко предупредил Хедин. — Может начаться утечка внутренних размерностей.

Но об этом можно было не переживать. Зелёный огонь уничтожал внутренность так же легко, как и оболочку.

— Самоподдерживающаяся цепная реакция!

Последняя вспышка света, и ТАРДИС не стало.

На мостике Станции все молчали.

В Зале Наблюдения за Временем усиливался гул голосов.

— Очистить публичные галереи! — кричал один из распорядителей.

Ларна смотрела на членов Совета, она была поражена не меньше их.

Кастелян смотрел на изображение.

— Как это могло случиться? — спросил он. — Как это могло случиться?! Восстановить голосовую связь!

Доктор смотрел на него:

— Я же говорил вам, Кастелян, всё, что угодно, может теперь случиться. Кто-то там, на Спице, использовал Эффект против нас.

— Нет, — сказала Ларна.

Все повернулись к ней.

— Если бы они контролировали Эффект, им бы не понадобились такие грубые методы. Они могли бы просто стереть Норвала из потока времени.

— Мы провели анализ сгустка энергии, — объявил Магистрат. — Это был набор энергий, словно специально подобранный для уничтожения ТАРДИС.

— Но он был запущен до того, как они обнаружили Норвала, — возразила Ларна.

— Только с нашей точки зрения, — тихо заметил Доктор.

— В любом случае, такого оружия не существует, — резко сказал Кастелян.

— Пока ещё не существует, Кастелян, — сказал Доктор. — Но будет полно времени на разработку такой технологии. Собратья советники, обнаружение Станции теми, кто воспользовался этим оружием — вопрос всего лишь времени.

Магистрат почесал бороду:

— Доктор прав. Мы не можем защититься от этого... Если они контролируют Эффект, даже Галлифрей не в безопасности.

— Они не контролируют Эффект, — повторила Ларна. — Им бы тогда не нужно было пользоваться ничем другим.

— Это всего лишь предположение, — сказал ей Доктор.

— Я обнаружил источник сгустка энергии, — объявил Хедин. — Сооружение на поверхности Спицы. Мы не достаточно близки для проведения полного сканирования, но там есть источники энергии и следы разума.

Кастелян задумчиво кивал:

— Нужно уничтожить это.

— Что?! — крикнул Доктор. — Уничтожить кого-то, даже не выяснив, кто это?

— Они убили повелителя времени, — заметил Хедин. — Нет большего преступления. Они выстрелили без причины.

— И как нам это уничтожить? — спросил другой член Совета.

— Направленной чёрной звездой, — предложил Магистрат.

— Чёрную звезду создали для вскрытия сфер Дайсона. При использовании её на Спице будет аннигилирована территория диаметром миллиард километров.

— Крошечное пятнышко на её поверхности.

— Площадь, в сотни раз превышающая площадь поверхности Галлифрея, — возразил Доктор, — территория, размер которой достаточен для поддержания триллионов живых существ.

Воран поднял руку:

— Я не предлагаю использовать чёрную звезду, есть и *другие* варианты.

Магистрат и Доктор повернулись к нему.

— Вы же не можете говорить о...

— Перед лицом сверхоружия оправданно использовать аналогичные контрмеры. Покажите мне его.

Изображение в камере бесконечности сменилось. Теперь на нём было казавшееся пустым звёздное пространство. Изображение медленно смещалось в сторону, и на экране появилась голая ледяная планета. Казалось, что больше на ней ничего нет, но затем в нижней части экрана появился участок черноты. Присмотревшись, можно было различить диск, на

котором поблёскивал символ Рассилона. Он проходил позади ледяной планеты, и было ясно, что он больше её.

— Зарядите его, — приказал Воран. — Мы должны быть готовы воспользоваться им.

— И снова подняло голову славное прошлое, — насмешливо сказал Доктор. — Даже во время Вампирских Войн нам ни разу не пришлось прибегнуть к...

— Они открыли огонь первыми, — резко перебил его Воран. — А что сделано, то сделано.

— Уже нет, — прошептал Доктор.

Но Советники уже занимали новые места, словно танцоры, готовящиеся к новому акту. Доктор и Ларна остались в центре зала одни.

Он схватил её.

— Как нам их остановить? — спросил он.

Она прикусила губу:

— Им понадобится Великий Ключ, им нужно будет реконфигурировать фазированные энергопроводы, им нужно будет установить пространственно-временной вектор...

— Я не об этом спрашивал, — резко сказал Доктор.

— Я думаю! — крикнула она в ответ. — Комната управления энергообеспечением. Им понадобится направить сквозь врата времени энергетический луч.

— Если закрыть врата, они не смогут выстрелить?

— Да!

— Пойдём!

Их уход никто не заметил.

Они быстро вышли из Зала Наблюдения за Временем и прошли мимо двух сплетничавших в прихожей историков. Они побежали напрямик к главной лестнице, пересекая несколько

внутренних двориков. Доктор бежал впереди, перепрыгивая за один раз по три ступени. Ларна немного отставала, пока Доктор не схватил её за руку и не потянул за собой.

Они промчались вниз по главной лестнице мимо небольшой группы стражей и техников. Никто их не останавливал, пока они продолжали бежать вниз, на этаж управления энергораспределением. Там, внизу, они были одни, если не считать тел двоих повелителей времени, которых убил Савар.

Двери комнаты были до сих пор открыты, на полу по-прежнему валялся мусор — последствия сражения с Саваром. Доктор вдруг понял, что это было всего лишь четверть часа назад, и в его теле до сих пор был выделившийся тогда адреналин. Посреди комнаты сверкала колонна энергии, она лилась как водопад.

Ларна уже заняла место у пульта. Доктор стал рядом. Ему нужны были обе руки, поэтому он надел Пояс на себя. Им не нужно было разговаривать. Удалить предохранительные блокировки. Сделано. Активировать глазную консоль. Сделано. Доступ к системе управления энергообеспечением. Сделано. Доктор посмотрел в глазную консоль. Тут не достаточно было просто ввести пару настроек, как это было при использовании глазной консоли на столе Кастеляна. Здесь требовалось полное погружение. Его глаза залило мягкое голубое сияние, похожее на небо. Ощущение движения и свободы в трёх измерениях было похоже на полёт.

Один из помощников Кастеляна доставил в Главный Зал Наблюдения за Временем футляр с Великим Ключом. Кастелян был у одной из консолей в окружении консультировавших его

техников. Он, и только он, как исполняющий обязанности Президента, имел право сделать это.

Он почтительно положил футляр на консоль и открыл его. По внешнему виду в Ключе тяжело было заподозрить один из самых могущественных артефактов во всей вселенной. Во времена большой нужды он позволял Президенту повелителей времени отключить некоторые из наложенных на себя ограничений, позволяя им нарушать собственные правила. В распоряжении галлифрейцев были оружие и технологии, которыми нельзя было пользоваться легкомысленно.

Кастелян вынул Ключ из футляра и аккуратно вставил его в предназначенное для него место на консоли. Он повернул Ключ и поднёс глаза к глазной консоли.

— Они достали Великий Ключ! — крикнул Доктор.

Окружавший его виртуальный пейзаж изменился до неузнаваемости. До этого он был как ясное небо, теперь же на нём появилась огромная грозовая туча, и он плыл прямо к ней.

— Они попробуют сконфигурировать энергопровод, — сказала ему Ларна.

Хотя она стояла рядом с ним, её голос доносился словно издалека, словно из сна.

Небо темнело.

Доктор всё ещё смотрел в сканер.

— Я попытаюсь помешать.

— Кто-то пытается мне помешать, — прошептал Кастелян. Техники пробормотали что-то невнятное.

— Ну! — потребовал он, — что мне делать?

— Вы единственный, у кого есть необходимые полномочия, — заверил его Пендрел.

Кастелян начал изменять настройки и увидел формирующийся энергопровод. Но кто-то по-прежнему пытался мешать каждому его движению. Грустные голубые глаза.

— Это Доктор! — закричал Кастелян. Он сверился с показаниями приборов. — Он должен быть в комнате управления энергообеспечением. Отправьте туда Стражу.

— Он меня заметил, — вздохнул Доктор.

— Не переживай, ты его замедляешь.

— У него есть Ключ, он слишком сильный.

Небо уже почернело, вращающийся кончик торнадо опускался всё ниже и ниже. Доктор знал, что приближаться к нему нельзя. Но как предотвратить его формирование?

В воздухе перед ним возникли глаза Кастеляна:

— Сдавайтесь, Доктор, у вас нет шансов.

Доктор посмотрел в глаза:

— Я вынужден. Вы нас всех уничтожите.

— Я исполняю обязанности Президента повелителей времени, меня поддерживает весь Совет, в моём распоряжении Великий Ключ.

Энергопровод был уже почти сформирован.

Кастелян продолжал на него смотреть, и чем дольше он смотрел, тем плотнее становился энергопровод.

Энергопровод стал на своё место. По нему потекла энергия. Гул машин в комнате сменил тональность.

— Он его сделал! — вскрикнула Ларна. — Теперь ему осталось только вычислить пространственно-временной вектор.

— Какой консолью он пользуется? — спросил Доктор, не отрывая глаз от сканера.

— Я...

— Быстрее! — велел он.

Он слышал её движения по комнате.

— Консоль пять, главный Зал Наблюдения за Временем.

Доктор отдал глазной консоли единственную команду.

Начали решаться уравнения пространственно-временного вектора. Кастелян наблюдал, как на виртуальном пейзаже возникает кристально ясная математика.

Кастелян улыбнулся. Доктор был искушён в такого рода делах, но всё равно не справился. Он видел панику в глазах Доктора.

На консоли Кастеляна что-то запищало.

— Что это такое? — спросил он.

Техники не были уверены.

— Говорите! — приказал он, не имея возможности повернуть голову и не оборвать связь.

— Это... Отвернитесь! Отвернитесь!

Кастелян нахмурился:

— Уравнение уже почти готово.

Он смотрел на виртуальный ландшафт и видел, что новая конфигурация энергораспределения уже готова, видел, как возникают координаты — решение задачи.

Вспышка света была настолько мощной, что казалась почти твёрдой. Она пронзила глазную панель, отключая на своём пути все предохранители. Свет пронзил глаза Кастеляна, пошёл по его оптическим нервам.

Кастелян отскочил от пульта, схватившись за лицо и громко крича. Техники подхватили его. Он не мог видеть. Он был готов поклясться, что чувствует запах горелого.

— Завершите! — приказал он, протирая глаза. — Завершите! Кто-нибудь, доделайте!

— Полномочия есть только у вас, — напомнил ему один из техников.

Тон гула начал понижаться, и почти сразу колонна начала понемногу исчезать. Как раскалённое в огне железо, она остынет не сразу.

— У тебя получилось! — воскликнула Ларна. — Врата времени закрываются. Они не смогут запустить ни чёрную звезду, ничего другого.

Доктор откинулся назад, переводя дыхание.

— Как? — спросила она.

— Он моргнул первый.

Глазная панель убралась, Доктор встал и шагнул в направлении колонны времени. Ларна тоже обошла свою консоль и сейчас стояла между ним и колонной времени. Они вдвоём смотрели на то, как энергия иссякает.

Ларна взяла Доктора за руку:

— Им придётся целый день работать, чтобы снова всё запустить.

— Хорошо, — сказал он.

Раздался удар в дверь. Кто-то пытался зайти.

— Мне... мне нужно тебя обойти, — сказал он.

— Подожди, — сказала Ларна, становясь у него на пути.

Доктор нерешительно остановился.

— Я знаю, что ты задумал.

Доктор прикусил губу.

В дверь громко стучали.

— Доктор! Это констебль Сапро! Откройте дверь!

Она оглянулась через плечо:

— Ты хочешь быть последним, что пройдёт сквозь врата времени до того, как они закроются. Ты отправляешься в далёкое будущее, потому что сам хочешь управлять Эффектом. Ты хочешь изменить прошлое.

Доктор не ответил.

— Возьми меня с собой.

— Нет.

— Почему нет?

— Ну, посмотри на себя... Ты же даже не обута.

Она сердито посмотрела на него.

— Это будет слишком опасно, — он помолчал. — Тут у тебя проблем не будет. Ты можешь сказать, что я заставил тебя помогать мне. Ларна, у меня мало времени.

Он слышал, что уровень мощности снижается. Колонна времени позади Ларны стала ещё немного прозрачнее. До закрытия врат времени оставались считанные мгновения.

Она подошла ближе к нему, чтобы он видел только её. Позади неё колонна времени с каждой секундой становилась всё прозрачнее.

— Доктор, я не дура.

Он взял её руку и прижал ладонью к своим сердцам.

— Я и не говорил, что ты дура, я...

— Я знаю, что ты хочешь сделать. Ты знаешь, что я не могу тебе это позволить.

Доктор перевёл дыхание.

— Ты не сможешь меня остановить, — сказал он.

— Мне достаточно задержать тебя, — ответила она. — Всего лишь ещё на несколько секунд. Ты потом спасибо за это скажешь, Доктор.

— Прости меня, — сказал он.

— Я... — Ларна опустила взгляд и увидела на своей одежде кровь.

В руке у Доктора был силовой нож, клинок вошёл в неё чуть ниже левой груди.

— Один удар в основное сердце, — объяснил Доктор, аккуратно опуская её на пол. — Сейчас в дверь ворвутся охранники, и врачи за час тебя на ноги поставят. Но до того тебе придётся быть осторожной. И мне этого времени достаточно. Так будет лучше: они подумают, что я принуждал тебя содействовать. Я очень сожалею.

Как по расписанию, железная дверь начала сотрясаться под выстрелами стазера.

Ларна немного дрожала, начал сказываться шок.

— Ловко, — сказала она. — Никаких осложнений. Ты ведь всегда побеждаешь, да, Доктор?

— Нет, нет. Не всегда. Если бы была другая возможность...

Ларна улыбнулась. А затем повернула туловище влево. Силовой клинок разрезал её позвоночник и дошёл до правого сердца. Несмотря на повреждённый позвоночник, она села в полный рост, и клинок прошёл сквозь сердце. Этого было достаточно, чтобы убить её.

Доктор, ужаснувшись, попытался установить телепатическую связь. Ему нужно было запустить её регенерацию. Но обнаружил, что Ларна снова ему мешает.

— Я хочу спасти тебя, — сказал он, нагнувшись над ней.

— Что же, — сказала она, — нельзя иметь всё, чего хочется.

Она поцеловала его и упала на спину. Доктор попытался её удержать, но смог лишь положить на пол.

Он стоял над её мёртвым телом и смотрел, как по чистой белой рубашке расползается тёмное пятно. Её лицо и пальцы становились серыми. Но её волосы были всё того же соломенного цвета, а глаза всё такие же голубые. Доктор не знал, что ему делать. Он сжимал в руке нож, который её убил. Он не знал, что делать.

Дверь прогибалась. Стражи вот-вот войдут сюда. Его руки и Пояс были в крови.

Ларна была права, он уже сделал свой выбор.

Он встал, держа в руке нож.

Он прыгнул вперёд, в колонну энергии.

ЧАСТЬ 3

Противоположность

веществу

ГЛАВА 9

Пороги

Доктор падал.

Он словно нырнул в озеро — то же самое ощущение потери направления, ощущение чего-то инородного, протекающего по коже, наполняющего уши, вынуждающего закрыть глаза. Такое же неумолимое движение, когда его тянуло вниз. Он погружался всё дальше и дальше, и вода была гораздо холоднее и глубже, чем он ожидал. Его сознание давало ему советы, которые спасли бы его жизнь, если бы он был под водой. Все его инстинкты требовали, что бы он вытолкнул себя на поверхность, сделал глубокий вдох, сбросил с себя Пояс и сюртук. Их вес тянет на дно. Но на самом деле лишь загадочные свойства Пояса не давали энергиям времени разорвать его на части. Это был его спасательный жилет, а не балласт.

Когда Доктор раскрыл глаза, он понял, что уже далеко за пределами известного повелителям времени будущего. Окружавшие его подвижные стены Вихря Времени почти успокаивали, хотя и казалось, что они — стены бездонного колодца. Волны цвета и звука проносились вверх мимо него, в них не было закономерностей, во всяком случае, он их не замечал.

Он позволил себе падать дальше. Это, конечно, не значит, что он мог прекратить это падение. Он начал видеть что-то. Это

что-то реальное или это просто мозги шалят? Один из фундаментальнейших философских вопросов, ответ на который не знала даже Матрица — что такое реальность?

Воспоминания о давно прошедших днях, мыли о семье и детстве. Он вспомнил своих отца и мать. Он вспомнил поход в горах и что он там нашёл, когда пережидал грозу в пещере.

Он видел падающего себя. С ним был кто-то... женщина... профессионального вида, одетая в сшитый по заказу костюм и просторный халат... поздний срок беременности, длинные ноги, высокие скулы, взъерошенные чёрные волосы... подросток, светлые пряди среди рыжих волос, жёлтые штаны в чёрную клетку... жилистую молодую женщину с голубыми глазами и светлыми волосами...

Он увидел Ларну, она утонула, лежала в тёмном озере, на фоне которого её кожа казалась лунным светом. Нет, не утонула. У неё была обмытая водой рана от удара ножом. Она выглядела такой умиротворённой, такой молодой. Её стройное тело было немного похоже на мальчика, и это казалось символичным, представлением всего, что он потерял за годы своей жизни.

Он отпустил нож, и тот рассыпался в прах.

Ларна исчезла, а время продолжало проноситься над ним.

Он переключил свои мысли на внешний мир, попытался представить вселенную за пределами его разума. Все звёзды из его эпохи покраснеют и умрут, а их место займут новые звёзды. Но так же, как городские улицы примерно сохраняют свою сеть на протяжении столетий, галактики выживут примерно в такой же форме. Будут в них, разумеется, и изменения. Гигантские галактики, такие как та, в которой был Галлифрей, будут своей гравитацией притягивать свои галактики-спутники. Это был

такой медленный процесс, что цивилизации могли возникать и исчезать, так его и не заметив. В эпоху Доктора галактика в Стрельце уже была поглощена. Быть может — это было чисто умозрительное предположение — судьба гигантских галактик в том, чтобы быть поглощёнными ещё более крупными группами звёзд, а группы галактик сольются в огромные кластеры, кластеры в ультракластеры, а ультракластеры в одну огромную моногалактику?

В какой-то момент Доктор почувствовал, что сменил направление. Вселенная перестала расширяться, энергия Большого Взрыва израсходовалась. Какое-то время космос двигался по инерции, а затем начал сжиматься намного быстрее, чем расширялся. Стало немного холодно, словно на осеннем ветру, но это ощущение было, должно быть, чисто психологическим.

И были следящие за ним красные глаза.

А затем он стоял на палубе Станции, тяжело дыша.

Энергораспределительная Станции была почти копией той, которую он покинул. Но она казалась более пустой. Здесь его что-то окружало. Зло. Что ещё могло его убедить убить Ларну? Впервые он позволил себе подумать о её смерти, проанализировать свои эмоции и состояние разума. Он был потрясён тем, что не чувствовал ничего, кроме оцепенения. Ларна была частью прошлого, а прошлое не изменялось. Её больше нет, и никакой самоанализ этого не изменит.

И тогда он понял, что ничто извне не оказало на него влияния, что он сам взял нож и сам принял решение.

Дверь отодвинулась в сторону. За ней стояли Магистрат и два стража. Доктор отряхнул свой сюртук, поправил галстук.

— Привет! — сказал он, стараясь придать голосу жизнерадостность.

Магистрат схватил его за лацканы сюртука, прижал его спиной к ближайшей переборке, и уставился на него своими тёмными глазами.

— Ты убил нас! — закричал он так, что Доктор скривился. — Ты отключил питание и оставил нас тут умирать. Пройдёт несколько часов, пока Галлифрей сможет восстановить связь!

— Как минимум день, — сказал Доктор.

Магистрат снова ударил его спиной об стену, а затем отпустил, дав ему соскользнуть по стене, и отвернулся.

— Если бы я этого не сделал, ты бы погиб, — сказал Доктор.

— Без питания мы и так погибнем.

— У вас всё ещё есть аккумуляторы.

— На час, может на полтора.

Доктор улыбнулся:

— Тогда почему бы не воспользоваться этими остатками для того, чтобы схватить одну из местных чёрных дыр и воспользоваться ею как источником энергии? Тут же недостатка в них нет, правда?

Магистрат замер на месте, задумавшись. Наконец он кивнул одному из стражей, и тот поспешил в отсек управления, чтобы организовать это.

— Ну вот. И что бы вы без меня делали?

— Избавь меня от этого, Доктор, я не в настроении. Погиб повелитель времени, мы столкнулись с врагом неизвестного происхождения и с неизвестными возможностями, способным уничтожить ТАРДИС. Лишив нас энергии и оборвав связь с Галлифреем и Матрицей, ты не улучшил ситуацию.

— Верховный Совет планировал атаковать Спицу. Если бы они это сделали, никто не знает, что бы произошло. Может быть, мы бы уничтожили тех, что там есть, но гарантии нет. То, что там находится, возможно, контролирует Эффект, и если это действительно так, я только что предотвратил войну, в которой Галлифрей не мог победить.

— Если они контролируют Эффект, они нас и так уничтожить могут.

— Я думаю, что они его не контролируют. Но они явно обладают более продвинутыми технологиями, чем наши, и эта Станция в опасности.

Со всех сторон донёсся механический стук, свет мигнул и погас, затем снова загорелся.

— Моя команда обуздала местную чёрную дыру, — сказал Магистрат.

— Хорошо. Хорошо, — Доктор огляделся по сторонам, не зная, что делать дальше. — Мне нужно попасть туда. На Спицу.

— Лорд Норвал погиб, пытаюсь приземлиться, — напомнил Магистрат.

— Да... — сказал Доктор и замолчал.

— А ты не погибнешь?

— Нет...

— У них есть лучи обнаружения. Задень такой — и они запустят ретроактивную атаку — собьют тебя *до того*, как обнаружат. Туда невозможно попасть.

— Нет, нет, — Доктор ходил туда-сюда, постукивая пальцами по губе. — Нет.

— Позволь заметить: от того, что ты это повторяешь, правдой оно не становится.

— Так близко к концу, параллельные вселенные начинают сходиться, не так ли?

— Те, которые дожили до этого времени.

— Точно. Итак... в наше время параллельные вселенные держатся на расстоянии друг от друга. Мы можем смещаться на ТАРДИС поперёк времени, но это опасно, — Доктор начал размахивать руками, объясняя свою гипотезу. — А что если я телепортирую себя туда *в обход* их сигнализации, через альтернативную вселенную, в которой их сигнализация отсутствует? Самое чудесное, что я мог бы конвертировать себя в состояние квантовой неопределённости, и тогда я должен буду прибыть на место, потому что тогда единственный способ разрешения событий — если меня там кто-нибудь пронаблюдает.

— Или если ты заденешь сигнализацию.

— Но я уже буду там. Чтобы стереть меня, им придётся изменить прошлое, но тем самым они создадут парадокс, часть которого будет включать меня, находящегося там. Так что в каком-то виде я туда попаду.

Магистрат качал головой.

— Что, у тебя есть идея лучше?

— Это вообще не идея. Это нелепо.

— Это же квантовая механика! Конечно, она нелепая. Пойду возьму браслет телепортации. Глазом не моргнёшь, а я уже там буду.

Львиная морда, нагнув голову, смотрела на Доктора. Вокруг неё была густая рыжая грива, а сама морда была светлее. Глаза были угольно-чёрные, но в них был блеск разума. Была секунда контакта, взаимного уважения.

Существо прижимало Доктора к полу. Оно опрокинуло его в момент прибытия, ещё до того, как он стал на неровную землю. Доктор лежал на спине, смотреть он мог только в глаза этого существа. Он чувствовал на своей шее горячее дыхание, его сюртук пропитывался тающим снегом. Он с силой повернул голову... и то, что сидело на нём сверху, заревело и отпрыгнуло, переключившись на что-то другое. Доктор встал и поздравил себя с прибытием на поверхность Спицы. Затем его опрокинуло наземь другое существо.

Доктор слышал рёв других существ, их голоса разносило эхо. У того, которое прижимало его к земле, были сильные руки... значит, оно не было четвероногим. Доктор попытался повернуться, чтобы посмотреть, но существо нагнулось над ним и зарычало. Он передумал шевелиться. Он не узнавал существо, но прошло уже достаточно времени, чтобы могли эволюционировать новые виды. Этот вид не был особо оригинальным. У него была голова льва, а туловище выглядело как что-то среднее между кенгуру и гориллой. Доктор предположил, что оно могло быть гориллой. Оно заревело.

Прижав уши, оно впервые отвернулось от него. Давление на его грудь ослабло. А затем существо убежало. Доктор поднялся на ноги. Другое существо, которое напало на него первым, тоже исчезло.

— Куда они...

Тут было темно и холодно, но совсем не так темно и холодно, как в остальной мёртвой вселенной. Он застегнул сюртук на все пуговицы и потуже обмотал шею галстуком. Самые суровые зимы за пределами Купола были и то теплее. Вначале он подумал, что материализовался во внутреннем дворе или в крытой галерее, но затем увидел над собой

треснувшие балки и понял, что это помещение до недавнего прошлого было закрыто крышей. Он шёл по разбитой черепице. Это был большой зал, для танцев или для приёмов. Стены представляли собой четырёхэтажные утёсы из красного кирпича. На небе ничего не было видно: чёрные объекты на чёрном фоне.

Свет исходил от тусклых ламп, расположенных на стенах через регулярные интервалы. Они были похожи на электрические лампы накаливания мощностью не больше 20 ватт. *Какое-то* тепло тут было, но очень скудное. Вдоль каждой из стен было как минимум по дюжине выходов. Что ни капли не проясняло ситуацию.

Вокруг него стояли трое мужчин.

Двое сзади, один спереди. Их одежда была похожа на *shinobi shozoku* японских ниндзя: просторные рукава и штанины; менее свободные плечи, талия, и манжеты; широкие пояса и обувь с плоскими подошвами. На ткани когда-то было что-то вышито, но сейчас она была однородно-серой. На них на всех были блестящие накидки из похожего на резину вещества.

Все трое были мужчины, все трое были среднего возраста или старше. Широкоплечие. Старые солдаты. К их поясам были пристёгнуты пистолеты и ещё какое-то военное снаряжение. Доктор напрягся.

— Приветствуем, Доктор! — сказал тот, что стоял спереди. Акцент был незнакомый, слова были исполнены грусти.

— Вы знаете моё имя? — спросил он.

Тот, который был справа, подошёл ближе. Он был выше первого.

— Нужно уходить отсюда. Должно быть, малтраффи рычали, потому что приближается остальной прайд, они будут тут через несколько минут.

— Эти существа-львы называются малтраффи?

— Они научились тому, что с нами не стоит драться, — сказал третий, у которого кожа была немного темнее, — потому что мы всегда побеждаем.

Доктор подумал, не было ли это намёком и для него тоже.

— Да, я удивился, что они так быстро убежали. Они же настолько крупнее и ловчее людей, у них есть и когти, и клыки.

— Да, — ответил самый высокий.

— И это вы убили Норвала?

— Мы его убили? — спросил темнокожий.

— Вы уничтожили ТАРДИС, которая шла на посадку.

— Все, кто сюда прибывают, должны умереть, — сказал первый таким тоном, словно пытался извиниться.

Доктор долго не мог подобрать слова для следующего вопроса.

— На вас это не распространяется, — быстро сказал первый.

— Конечно нет, — подтвердил самый высокий.

Доктор беспомощно улыбнулся.

— Гордел, — сказал темнокожий мужчина.

— Вилхаф, — сказал самый высокий.

— Паллант, — сказал первый.

— Мм...

— Вы собирались спросить, как нас зовут, — это было утверждение, не вопрос.

— Да, — признал Доктор.

— Нам тут имена не очень нужны, — высокопарно заявил Вилхаф.

Они вошли в тёмный коридор, с таким же освещением. Доктор посмотрел на светильник, мимо которого они проходили.

— Это лампы Томпсона, — сказал ему Паллант. — Они вечные.

— Старые лампы с вольфрамовыми нитями накаливания? — спросил Доктор. — Неужели за сто триллионов триллионов триллионов триллионов лет никто не придумал ничего лучше?

Доктор подумал, что они могут читать его мысли. У них была эта неприятная привычка экстрасенсов отвечать на ещё не заданные вопросы. Он сформулировал мысль «Вы читаете мысли?» и направил её первому.

Паллант даже не посмотрел в его сторону.

Быть может, он экстрасенс-врун? Доктор сформулировал злейшее, обиднейшее ругательство с анатомическим уклоном и направил его Вилхафу. Тот даже не моргнул.

— Мы пришли. Это Гелиос.

— Хм... да, хорошо, — неловко сказал Доктор.

Источник света был один — небольшой костёр в центре комнаты. В столбе дыма лениво поднимались клочья пепла. Оранжевый огонь успокаивал, гипнотизировал. Там сидел ещё один, пожилой мужчина, который большим деревянным посохом ковырял костёр. У него была окладистая седая борода, одет он был в такую же одежду, как и его коллеги.

Доктору хотелось рассмотреть этого старика и костёр, но вместо этого он воспользовался возможностью осмотреть помещение. Место это было довольно неприятное, рассмотреть что-то во мраке было непросто. Это был колоссальный купол,

который охватывал большую часть здания. Самая верхняя часть крыши треснула и упала, словно яичная скорлупа, по которой ударили ложечкой. Но это было следствием старения и усталости материалов, а не вражеских действий или природных катастроф. В комнате было полно книжных шкафов и стеллажей, все они были заполнены под завязку. И повсюду были статуи и фрагменты статуй: мужчины в доспехах, женщины под мраморными накидками, лошади, львы, орлы, медведи.

— В этой комнате хранятся артефакты с планеты Земля, — сказал старик.

— Это библиотека? — спросил Доктор. — Или музей? Галерея искусств! Только вот присматривают за ней плохо, — он замолчал и посмотрел на хозяев. — Надеюсь, я вас не обидел?

Похоже, что нет.

— Вы поужинаете с нами грибами, — сказал Паллант.

— У нас тут другие приоритеты, — словно извиняясь, сказал Вилхаф.

Остальные рассаживались вокруг костра. Гелиос жарил на металлическом противне грибы. Доктор сел, лишь в последний момент поняв, что его сидение — большая стопка фолиантов в кожаном переплёте. Корешки поотрывались, кожа выцвела. Вокруг валялись и другие книги, поменьше. Он поднял одну из них и раскрыл на титульной странице.

— «О Время, твои пирамиды», — прочёл он. — Утерянный роман Борхеса. А я-то думал, что у меня единственные его экземпляры.

Нагнувшись, он поднял ещё три тома: «Алиса в Стране Чудес», «Корабли времени», «Бойня номер пять».

Остальные ели грибы, почти не обращая на него внимания.

Доктор осмотрелся и увидел мелькающие на стенах купола и артефактах их тени.

— Это то, что осталось от Земли? Его сохранили тут?

— Похоже, тут был потоп, — немного стыдясь, сказал Паллант. — Многие книги испортились так, что уже не восстановишь.

Он поднял одну из них. «Полное собрание сочинений Мильтона», — гласил золотистый заголовок на обложке. Однако страницы были скомканы в сплошную кашу.

— Они в ужасном состоянии, — сокрушался Доктор.

Паллант швырнул книгу в костёр, Доктор, ахнув, попытался перехватить её, но не успел. Доктор смотрел в огонь, который поглощал страницу за страницей, а зола взлетала вверх, к потолку. «Comus», «Paradise Lost», «Samson Agonistes», «Areopagitica» — все поэмы Мильтона. Всё это пропало потому, что Доктор предположил, что Паллант кинет книгу влево, а на самом деле тот бросил её вправо.

— Других применений для них у нас нет, — словно извиняясь, сказал Виллхафф. — Сейчас уже так мало времени осталось. Мало времени на чтение.

Гордел подал Доктору небольшую миску с грибами.

— Вам они понравятся, хотя вначале покажутся слишком сладкими.

Костёр разожгли из сломанной мебели, а затем поддерживали самыми большими книгами. Пробуя гриб, Доктор задумался о том, какие ещё сокровища уже утеряны в огне. Но в то же время у него были более важные дела. Ему нужно было повидать Бога.

— Да, они действительно сладкие. К вкусу, правда, надо привыкнуть, — он поднял одну из книг. — Вы их читаете перед тем, как сжечь?

— Мы последние. Даже бессмертных уже давно нет, — сказал Паллант, не ответив на вопрос. Но для Доктора это стало поводом для новых вопросов.

— Вы единственная жизнь, оставшаяся во всей вселенной?

— Может быть, да, а может, и нет. Несколько прайдов малтраффи выжили, грибы выжили. Могут быть другие формы разума, с которыми я никогда не столкнусь. Сущности из тёмного вещества, абстракции, и прочие. Может быть, даже люди есть; но мы их никогда не встретим, и это самое главное.

— Тут невозможно умереть, во всяком случае, до последнего конца, — добавил Вилхаф.

— Да, конечно... Я как раз хотел спросить, что едят малтраффи, но это же ТАРДИС, здесь всё существует в состоянии темпорального милосердия. Вот почему эта коллекция пережила распад протонов, повлиявший на остальную вселенную.

Доктор поднял другую, более новую книгу. Она была написана от руки. Дневник. Он спрятал её в карман, чтобы прочесть позже. Это не очень вежливо, но его хозяева были не очень откровенны, а времени было мало. Доктор посмотрел на участок ночного неба, открывавшийся в дыре крыши. Полная чернота, все его потенциальные возможности уже исчерпаны.

Гелиос впервые оторвал взгляд от миски с грибами:

— Либраринт огромен, в нём есть величайшие артефакты из многих тысяч цивилизаций. Мы решили привести вас сюда, потому что у вас большая привязанность к Земле.

Вилхаф нагнулся и искал что-то в мешке, стоявшем рядом с ним. Содержимое мешка тарахтело, бряцало, хрустело. Что там внутри, — думал Доктор, — трофеи из посещённых ими залов? Если они действительно последние выжившие, то это вряд ли можно назвать воровством.

— А есть ли такой же зал для Галлифрея? — спросил Доктор.

— Мы нашли вот это, — Вилхаф дал Доктору вынутую из мешка маленькую книжицу.

Он осмотрел её, прежде чем раскрыть. Она была в обложке из шкуры какой-то рептилии, на которой была вытеснена печать Рассилона. Он раскрыл её.

— Книга пророчеств, — объяснил Вилхаф. — «Другие Свитки».

— Сейчас, наверное, все пророчества уже просрочились? — заметил Доктор. — От них теперь пользы как от прошлогоднего календаря.

— В ней говорится о будущем Галлифрея и вашего народа, — сказал ему Паллант.

— Что же, — сказал Доктор, аккуратно закрывая книгу. — Думаю, мне в неё лучше не заглядывать.

Мужчины промолчали.

— Вы мне её дали не просто так?

Доктор раскрыл книгу ближе к концу — своего рода суеверие не позволило ему открыть самую последнюю страницу. Он посмотрел на страницу и прочёл случайно выбранное предложение.

Внезапно побледнев, он захлопнул книгу.

— По вашей логике, это уже произошло, — заверил его Гордел.

— *Так* это не произойдёт, — Доктор бросил книгу в огонь, где она начала шипеть и трещать. — Для вас это, может, и прошлое, но для меня это в будущем. У меня есть свобода выбора, я могу сделать так, чтобы это не произошло.

— Я уверен, что вы этого не сделаете.

— Вы определённо *кажетесь* уверенным.

— О самой библиотеке записей мало, — сказал Виллхафф, снова меняя тему.

— Нет записей? Вы имеете в виду о том, куда все делись? И нет указаний о том, когда это место забросили? — Доктор немного помолчал. — А кто это построил? Ваши предки?

— Бог, — почтительно сказал Вилхаф.

Доктор чуть не подавился грибами.

Паллант распростёр руки:

— Есть множество памятников, мы не должны о них забывать. Дом Бога в своё время бывал и в других вселенных. За долгие эпохи многие расы являлись в Либраринт. Нашим священным долгом было не дать недостойным найти Его. Есть свидетельства того, что было много войн, были миллионы погибших. Теперь, когда вселенные, наконец, объединяются в одном, окончательном конце, мы знаем, что мы исполнили свои клятвы.

— Аминь, — сказал Гордел.

Доктору доводилось видеть такое на многих планетах, на которых произошла какая-то катастрофа, падение метеорита или атомная война... что угодно, из-за чего цивилизация рушится, а остатки населения пытаются выжить среди развалин, неспособные понять ни своё окружение, ни своих предков.

— Хвала Господу, — сказал Виллхафф.

Гелиос развёл руками:

— Наши легенды говорят о том, что Бог находится здесь, за одной из дверей. Мы, конечно, не знаем, за которой из них.

— Я думаю, что если Бог где-то и живёт, то именно в таком месте, — задумчиво согласился Доктор, жуя гриб.

Такого рода общества часто создавали на основе остатков технологии и «расовой памяти» о прошлом сложные религии и легенды.

— Да, кладбище на южной стороне здания, — прошептал Паллант. — Я помню, как ходил туда когда-то. На надгробных плитах есть свидетельства.

— Не нужно забывать тот раз, когда ты нашёл мою могилу, — как бы между прочим заметил Гелиос.

— Как такое возможно? — спросил Доктор.

— Кому знать? Каждое утро мы просыпаемся и оказываемся здесь, мы помним, где растут грибы, в какой мы комнате, где в засаде залегли малтраффи. Разве может быть иначе?

— У вас восхитительный взгляд на мир. Каждый день познавать заново.

Паллант, улыбаясь, посмотрел на Доктора:

— Мы гибриды людей и галлифрейцев, дети Кастерборо. До Проклятия мы были сторонниками политики вмешательства, нацеленной на создание гармонии в известных галактиках, на ускорение наступления новой эры вселенского мира. Нам это не удалось и это наше наказание.

У Доктора расширились глаза.

— Это гипотеза Вилхафа, — добавил Гелиос. — Мне она нравится больше всех, хотя она, скорее всего, и неверная. В большой степени она основана на апокрифах и на его

собственных спекуляциях. Гипотеза Гордела такая же невероятная. Я же склоняюсь к тому, что мы из Группы Случайно Забытых, Когда Все Остальные Перенесли Из Этой Реальности. Это может объяснить нашу одержимость поиском Бога.

— Я думаю, что Гелиос — Мерлин, — сказал Вилхаф.

Гордел устало обвёл всех взглядом:

— Мы — сверх эволюционировавшие выжившие из расы талов, сбежавшие от неизбежного уничтожения Скаро, приведшего к началу Последней Далековой Войны.

— Да вы понятия не имеете о том, кто вы! — ахнул Доктор.

— А где мой дневник? — внезапно спросил Паллант.

— Твой дневник скоро найдётся, — сказал Гордел, многозначительно посмотрев на Доктора.

Виллхафф и Гордел начали писать что-то в блокнотах, в таких же, как тот, который нашёл Доктор.

Доктор пожал плечами, изображая непонимание.

— Вы не против, если я разомну ноги? Хочу осмотреть эту комнату. Кто знает, может быть, найду дневник Палланта. Больше никто не хочет?

Ему никто не ответил.

— Вы её, наверное, уже видели, — сказал, вставая, Доктор.

Четверо мужчин сидели вокруг костра; Гелиос и Паллант доедали грибы, остальные писали дневники. Доктор осторожно пошёл среди обломков. Он нашёл свободное место между двумя полками, как раз под одной из лампочек.

Убедившись, что его никто не видит, Доктор вынул из кармана дневник Палланта. Он полистал его, начав примерно за четверть до конца. В основном там были карты, на которых

довольно красивым рисунком морды малтраффи, видимо, были обозначены территории различных прайдов.

Они читали книги, во всяком случае Паллант. Страницы были покрыты цитатами, а местами были даже вклеены страницы из разных томов. Была страница из словаря архитектурных терминов, на которой были разные формы дверей, пара рисунков женщин. Прочитав несколько страниц, Доктор обнаружил информацию о том, где найти воду и грибы, очень подробный список того, чего лучше не делать, и почти детский титульный лист: «Это книга Палланта».

В первой части излагалась автобиография. Очень прямолинейно. Зачем Палланту писать имя своей матери, имена братьев и сестёр? Доктор не мог придумать причины, по которой Палланту могло понадобиться записывать такие банальности. Любое другое поколение могло бы писать для потомков, но сейчас потомства не будет, будущего осталось всего лет пятнадцать. Для кого он это писал?

Они что, амнезией страдают?

А это возможно... «Каждое утро, проснувшись, мы оказываемся здесь», так сказал Паллант. Значит, он проверяет свой дневник и выясняет кто он такой. Если у них у всех проблемы с памятью, это объясняет их немного странные поведение и манеру говорить. Также это объяснило бы, почему они пытаются восстановить своё прошлое по кусочкам, найденным во время поиска топлива. Быть может, на них как-то влияет Эффект? Такое ведение дневника могло бы помочь справиться с искажениями времени и сдвигами реальности.

Нет. Что-то в этой теории не так. Записи в дневнике были дотошные, автор был почти одержим деталями. Вот: описание его прибытия. Времена, описания малтраффи, какие именно

книги он брал в руки. Дословные цитаты, описания того, что Паллант чувствовал. У того, кто это писал, не было проблем с памятью.

Доктор остановился и перечитал последний абзац на странице. Там было описано о том, как Паллант потерял дневник, как Доктору понравились грибы, и как он пошёл гулять один.

Доктор посмотрел на костёр: все четверо продолжали заниматься своими делами. Когда Паллант мог это всё написать?

Он послунывил палец и перевернул страницу.

Повелители времени внезапно атаковали Либраринт и победили нас. Мы ничего не могли поделать, каждый наш ход они могли предвидеть и были к нему готовы. Они вдвоём прошли сквозь наши ряды так, словно нас и не было.

Он перевернул страницу.

Гелиоса нет, Вилхафа серьёзно ранили, но его восстановил золотой свет. Магистрат и его флот пропали, и наш бог тоже. Что хорошего было в этом дне?

А вот это было странно.

Дневник из будущего? Но нет... Доктор нутром чувствовал, что эти люди не могли перемещаться во времени. Они... он пытался найти ответ. Может быть, кто-то уже написал сценарий, а они были всего лишь актёры?

Доктор сдался и посмотрел запись за сегодняшний день.

— Ну конечно! — прошептал он. — Ну конечно! — воскликнул он. — Вы *помните* будущее. Только будущее, но не прошлое. Как странно. О, кстати, я нашёл ваш дневник!

Он бросил его Палланту, настоящий кручёный бросок, но Паллант знал, куда в конечном итоге прилетит книга, и легко её

поймал. Доктор поморщился. Предстоящий разговор будет не из приятных.

— Это проклятье, — мрачно сказал Вилхаф.

— Ну, не знаю. Это даже полезно. Это сэкономило мне кучу времени, когда я пытался понять, что происходит: я просто перелистнул страницу и увидел ответ. Вы можете выигрывать в лотереях, ставить на нужную лошадь, это здорово, если вы играете в карты, все ваши предположения верны, страховку вам нужно покупать только если вы знаете, что она вам понадобится, никаких неприятных сюрпризов за углом или неожиданных счетов, вы можете избегать транспортных пробок... ну, здесь вы избегаете малтраффиковых пробок, вы сразу знаете, подружитесь ли с новым знакомым.

Доктор немного помолчал.

— Но вы будете знать, как закончится ваш роман, ещё до того, как он начался; чем заканчивается ещё не рассказанный анекдот, что вам подарят на день рождения, вы уже слышали все песни, которые вам предстоит услышать, вы помните свою старость, но не помните друзей детства, вы не сможете читать Агату Кристи, потому что будете знать, как дворецкий это сделал, приятных сюрпризов тоже не будет. И, посмотрев на кого-то, вы узнаете, как он умрёт.

— Прошое для нас загадка, как для вас будущее.

— Но прошое-то уже случилось, вот в чём разница.

— С вашей точки зрения это может показаться странным, но ваше положение ещё более странное. У нас прошое, по крайней мере, записано. Вы же направляетесь в будущее вслепую.

— И я бы не хотел, чтобы это было иначе. Значит, вы пишете дневники... но вы делаете это за день до событий.

«Вторник: Завтра я пойду в зоопарк, и я пишу это потому, что когда оттуда вернусь, я забуду, что побывал там».

— Наша память такая же, как и ваша, просто она направлена в другую сторону. Мы тоже ошибаемся... завтра может случиться что-нибудь, что мы забыли, но у нас у всех есть несколько ярких воспоминаний о том, что будет через десять лет.

— Есть небольшая разница в том, что если вы потеряли ключи, вам достаточно лишь вспомнить, где вы их найдёте, и сразу идти туда... но, наверное, вы тоже можете сказать, что всё, что нужно мне — вспомнить, где я их оставил. Это всё равно логическая бессмыслица. А вы не могли бы сказать...

— Будущее уже произошло. Мы бы сказали вам: тридцать пять.

— Позвольте закончить. Что, если бы я попросил вас сказать, какое число я задумал? Вы уже сказали свой ответ. Хорошо. В таком случае я скажу что-нибудь другое. Скажем... тридцать пять.

Доктор немного помолчал. Если бы он сказал не «тридцать пять», а другое слово, тогда они бы ранее сказали это другое слово, поэтому он бы сказал другое число, и они бы сказали его. Это бесконечная последовательность, словно играть кто большее число назовёт, или пытаться разобраться, яйцо было раньше или курица. Он мог понять, что происходит, но до ответа всегда оставался ещё один шаг. Это был простой вопрос с бесконечным множеством ответов.

— Прошлое такое же податливое, как и будущее. Мы видим будущее, но не влияем на него. Вам это может казаться парадоксальным, но как путешественник во времени вы должны что-то понимать в сложной природе вселенной. В

ваших путешествиях бывали моменты, когда прошлое разворачивалось вокруг вас в точности так, как вы помнили из прочитанного. Время относительно.

— Простое, которое наблюдали, не изменяется, — возразил Доктор. — Это один из постулатов теории времени.

— У вас есть свободная воля, — заверил его Вилхаф, — в прошлом, настоящем, и будущем. Ничто не фиксировано, всё, что запомнено, можно забыть.

— Но как вы можете утверждать, что у меня есть свобода выбора, если вы знаете, что я сделаю?

— Мы вам помешаем.

— Помешаете? А, конечно. Вы знаете, зачем я тут. Вы знаете, что я ищу дверь, и вы постараетесь помешать мне.

— У вас ничего не выйдет. С нашей точки зрения у вас уже не вышло.

— Вы прочли на несколько страниц вперёд, так? Жизнь всего лишь книга, которую вы можете листать. Что же, быть может, я смогу переписать учебники истории, кто знает.

— У нас есть священный долг. Это место большого могущества, и во вселенной есть желающие присвоить это могущество себе.

— Поэтому вы убиваете любого, кто здесь появляется, как беднягу Норвала. И вы знали, куда попадёт его ТАРДИС после случайного скачка. Вы выстрелили ещё до того, как увидели цель. Не удивительно, что малтраффи вас избегают.

Он сел и посмотрел на их освещённые костром лица.

Виллхафф указал на дальнюю часть зала:

— Вы проведёте всю ночь вон в том углу, погрузившись в искусственно вызванную кому.

— Утром мы перенесём вас ближе к костру, — сказал Паллант. — Затем, как только вы вернётесь в сознание, появятся ваши коллеги и спасут вас.

Гелиос улыбнулся:

— Можете отойти, если хотите, но мы уже знаем, что вы не дойдёте до Двери, мы знаем, как вы проведёте ночь.

— И вы не попытаетесь меня остановить? — Доктор уже шагнул прочь от них, мысленно перебирая возможные варианты.

Лежать и спать в том углу? Это на него ни капли не похоже. С самого раннего детства с ним всегда было одно и то же: если кто-то ему говорил что-то сделать, он делал прямо противоположное. «По газонам не ходить», «Вход запрещён», «Пожалуйста, не нарушайте законы физики». Но эти люди уже видели будущее, они рассказали ему о том, что уже произошло. Он знал, что есть другая возможность, что от них *можно* убежать. Но Доктор заметил, что направляется именно в тот угол, на который ему указал Вилхаф. Эта часть комнаты его зачаровывала так же, как и любой другой запретный плод: «Не смотри туда», «Старайся не думать об этом».

Он хотел было развернуться и пойти в противоположную сторону, как вдруг ему в голову пришла мысль.

— А что если в этом углу *решение*? — прошептал он сам себе.

Он ещё решительнее направился в угол.

Они считают, что он должен лечь в углу... он так и сделал.

Никакого решения не случилось.

Он расстроился. Тут было холодно. Он представил себе лежащего себя таким, каким его видели в будущем старые воины.

Он перевернулся и посмотрел в их сторону. Они по-прежнему сидели вокруг костра. Время от времени они посматривали в его сторону, проверяя, не ушёл ли он.

Конечно!

Они только *думали*, что видели его тут. А на самом деле он улизнул, одурачил их. Нужно всего лишь соорудить что-то вроде манекена, что-то, что обманет их на таком расстоянии, в этом тёмном зале.

Вот только Паллант сказал, что они подходили к нему утром и перенесли его.

То, что они видели будущее, сбивало его с толку. Нужно начать всё с начала. Представить это всё со стороны. Или сверху. Он мысленно смоделировал несколько вариантов, но лучшее, на что ему можно было надеяться — на то, что они соврали, рассчитывая изменить его действия. А зачем им это? Если он сбежал, они знают, что у них ничего не выйдет. Это само-сбывающееся пророчество? Они его так сильно деморализуют, что он даже не попытается что-нибудь сделать? Что же, одной из особенностей само-сбывающихся пророчеств является то, что они сбываются независимо от того, какие тайные методы используются.

Он их как-то обманул, он был одновременно в двух местах.

Он вспомнил о своём трюке с сонтаранами и рутанами, и у него внутри всё опустилось, когда он понял, что совсем забыл о переговорах, что оставил двух лидеров вдвоём в ТАРДИС. Сейчас он с этим ничего не мог поделать. Надо решать проблемы по порядку. В тот раз он был сразу в двух местах. Тогда он, правда, использовал ТАРДИС, а здесь машин времени не было.

А что же у него здесь есть?

Он вывернул карманы: моток верёвки, звуковая отвёртка, браслет телепортации, томик «Четыре Квартета», пакет кукурузных хлопьев, пузырёк с йодом, рутанский Конвертор.

Набор был разношёрстный, и Доктору понадобилось целых десять секунд на то, чтобы понять, что он может сделать.

Гелиос встал и потянулся. Старик посмотрел на спящего Доктора и пошёл, обходя обломки, к одному из арочных проходов.

Доктору всё это было хорошо видно из тени на другом краю зала. Пока что его план работал. Теперь нужно проследить за стариком.

Аккуратно, чтобы никого не разбудить, он вышел из зала. Гелиос опережал его на несколько секунд, а кирпичные коридоры были сущим лабиринтом, но Доктору было слышно чавканье ботинок старика по мокрой плитке. Он шёл на звук, стараясь не отстать. Здесь не было дня и ночи — только ночь. Возможно, люди Спицы спали тогда, когда хотели.

Звуки шагов прекратились. Раздалось жужжание и скрежет. А затем Доктор услышал, что Гелиос снова пошёл. Он был в десяти метрах, не дальше. Судя по звукам, там открылась тяжёлая дверь.

Доктор выглянул из-за угла. Там была дверь, и в любом другом месте исходящий из неё свет казался бы бледным, но здесь он был почти ослепительным. Доктор прокрался ближе и заглянул в неё. Это была маленькая комната, почти крипта. Гелиоса не было видно, но было множество другого, заинтересовавшего Доктора. Это было святилище вселенной; самые ценные предметы хранились аккуратно, каждый в своей витрине или в шкатулке. Довольно потёртый сегмент Ключа

Времени; полу-органический шлем; имевшая стольких претендентов Корона Пятой Галактики; голубое с золотом яйцо, из которого рос цветок... Было и много других предметов, некоторые из которых Доктор узнавал, некоторые были ему абсолютно неизвестны. В своё время они были символами власти, но их время давно прошло. Теперь они были пережитками прошлого, не более. На стене была встроенная компьютерная панель, подсвеченная сзади. Она казалась непримечательной, но дополнительное обследование не помешает.

На мраморном полу были мокрые следы, которые вели от двери прямо к одной из стен. Доктор улыбнулся, прошёл по следам и нашёл потайную дверь. Зная, что там есть дверь, было уже несложно найти педаль, которая её открывала. Двери раздвинулись плавно и бесшумно; за ними был ещё один коридор.

В этой части здания было немного теплее, немного светлее, сохранилась она намного лучше. Стены были не такие сырые и обшарпанные, воздух был не такой затхлый. Тут был какой-то гул — то ли электричество, то ли ещё какая-то энергия.

Дальний конец коридора выходил в большой зал. Доктор задержался у входа. Зал был хорошо освещён, в нём доминировала большая двойная дверь. Её половинки были погружены в пол, как в бомбоубежище, или в убежище от торнадо в Канзасе. Половинки двери были безупречно белые, как фарфор. Была замочная скважина и две ручки. Как Доктор и ожидал, там был Гелиос. Опираясь на посох, он стоял на коленях лицом к дольной стене. Он тихо произносил не то молитву, не то заклинание. Закончив, Гелиос осторожно встал, подошёл к двери и осмотрел её.

Доктор сместился ближе, чтобы лучше видеть, и его туфля проскребла по мраморному полу. Гелиос удивлённо повернулся на звук.

— Я знаю, что вы тут, Доктор, — спокойно сказал Гелиос.
— Я вижу будущее, вы забыли?

— И прошлое тоже, — заметил Доктор, входя в комнату.
— Вы прореагировали *после* того, как я выдал себя, не раньше...
— вдруг он остановился. — А ещё из этого следует, что ваше знание будущего далеко не идеально, иначе вы бы вообще не удивились.

На лице Гелиоса появилась добрая улыбка:

— «Горе от ума» — это как раз про вас. Единственный среди местных, я вижу и прошлое, и будущее, но и то, и другое лишь урывками.

— Худшее из двух возможностей.

— Да. К примеру, я понятия не имею, как вам удалось пройти мимо остальных или как вы убедили нас в том, что всю ночь проспали.

Доктор подошёл к двери, пытаясь разговором скрыть то, что он рассматривает замок и дверные ручки.

— Это было очень, очень умно, и мне бы очень хотелось вам об этом рассказать, но если я расскажу, вы сможете запомнить это и предупредить остальных. Быть может, даже задним числом.

На двери угадывались круглые углубления, сглаженные временем.

— А теперь вы хотите открыть эту дверь.

Это был не вопрос.

— Я подумываю об этом, — признал Доктор.

— За те тысячелетия, которые мы тут живём, очень мало кто доходил так далеко. Но вам нельзя позволить смотреть на лицо Бога.

Доктор ухмыльнулся:

— Бога? Так это он за этой дверью? Это странно, потому что я чётко помню, что Паллант сказал, что он не знает, за которой дверью Бог. Но что забавно, вы при этом знали и где эта дверь, и о тайном проходе к ней. Но от других вы эту информацию скрыли, да?

— Даже для самых преданных из нас соблазн может оказаться слишком сильным, — сказал Гелиос.

— Но для вас искушение не слишком сильно?

Морщинистое лицо помрачнело:

— Нет! Я противостоял этому соблазну тысячи лет, я знаю, что я удержусь до самого конца.

— Значит, вы никогда не пробовали открыть дверь?

— Нет! Соблазн, конечно же, был, но я устоял.

— Ни разу не соблазнились? — цокая языком, Доктор опустил руку в карман сюртука. — А что если я вам скажу, что это не врата рая, а всего лишь дверь повреждённой ТАРДИС некоего Савара? Что если я вам скажу, что у меня есть ключ от этой двери? — он протянул ключ так, чтобы тот блеснул в мягком освещении.

Гелиос слегка улыбнулся и протянул сжатую в кулак руку.

— Я бы сказал вам, что я знаю об этом, и что эта дверь в любом случае не заперта, и что... — он раскрыл ладонь, показав такой же точно ключ.

— Вы знаете правду, но всё равно не открываете дверь?

— Я знаю то, что мне сказали, но у меня есть вера. Я верю в то, что за этой дверью меня ждёт Бог.

— Тогда почему бы не открыть дверь?

— Что?

— Зачем удерживать себя? Чего вы так боитесь?

— Я...

— Рассказывайте. Раз уж вы так уверены, то...

— Что, если я открою врата...

— Да?

— Что, если я открою врата, а Бога там не окажется? Что, если после ста тысяч веков ожидания там не будет Бога? Пока двери закрыты, всегда есть шанс. А если дверь открыть, этого шанса может больше не быть.

— Бог Шрёдингера, — засмеялся Доктор и вставил ключ в замок. — Всегда считал этот мысленный эксперимент слишком жестоким, как раз для защитников прав вымышленных животных. Представьте себе, что заперли кота в ящике и попытались его отравить. Думаю, пора уже выпустить вашего бога, чтобы он размялся и на лоток сходил.

— Вам нельзя позволить открыть эту дверь, — крикнул Гелиос и схватил свой посох.

Доктор, не обращая на него внимания, повернул ключ. Он потянулся к ручке двери.

Посох просвистел у самой руки Доктора, затем взметнулся вверх и завис напротив его лица.

Доктор упал на спину, успев подставить руки.

— Почти открыл, — сказал он.

Гелиос отвернулся и постучал посохом по двери.

— Что бы ни было за этой дверью, никто не должен обладать таким могуществом.

— Вселенная из антивещества, — объяснил Доктор, вставая. — Пространственно-временной континуум, похожий

на наш, но противоположный, достигнутый при помощи сингулярности. При обычных условиях, если бы я открыл дверь, произошёл бы контакт двух вселенных. Случилась бы аннигиляция, — он показал небольшой цилиндр. — Но вот это рутанский прибор, который преобразует антивещество в вещество и наоборот. Он может стабилизировать врата. Я знаю, с чем столкнусь, Гелиос, и я не боюсь.

Гелиос покачал головой:

— Вы не знаете. И малейшего понятия не имеете. Если бы вы знали, то убежали бы отсюда с криком.

Доктор внимательно осмотрел лицо старика.

— Я вас знаю, — понял он.

— Да, — сказал Гелиос. — А я знаю вас.

— Вы помните, что произошло? Почему вы здесь?

— Не всё, — признался Гелиос. — Но это, наверное, даже к лучшему. Я помню жену и детей. Помню имена и времена. Я знаю, что прибыл на Спицу для продолжения работы своего отца... Больше я ничего не могу сказать.

— Если вы меня знаете, то знаете и то, почему я должен открыть эту дверь.

Гелиос схватил Доктора за локоть и посмотрел ему в глаза:

— Настанет день, когда будет потеряно всё!

Искренность его голоса встревожила Доктора.

— Сегодня?

— То, с чем вы столкнётесь сейчас, вселенная переживёт. Но вы уже сделали первые шаги к... — он замолчал. — Вы видели мельком то, что должно случиться. Вы читали Свитки, вы видели Врага. Если вы войдёте в эту дверь, вы начнёте это будущее.

— Будущее не может быть предопределено, — твёрдо сказал Доктор. — Всегда есть надежда, всегда есть выход. Предупреждён — значит вооружён.

— Больше я вам ничего не могу сказать, — настаивал Гелиос.

— Тогда не мешайте, — сказал Доктор, снова берясь за ручку двери. — Я знаю, что я делаю. Если там есть сила, ею можно овладеть и использовать её в наших целях.

В этот раз Гелиос не стал его останавливать.

— Вы знали, — тихо сказал старик. — Вспомните об этом, когда вселенная вокруг вас будет рушиться. Вы знали, что делали, это был ваш выбор. Я теперь лишился всего, всего, кроме веры. Я пытался, — Гелиос встал. — Я видел будущее, я знал, что не смогу вас убедить. Но я пытался.

Он развернулся и ушёл из комнаты.

Доктор помедлил, но лишь мгновение. Двери гудели, он слышал шёпот. Он тщательно пристроил над дверью рутанский Конвертор, вставил в замок ключ, и отошёл, позволяя двери отъехать в сторону.

Из двери полыхнул столб пламени, отбросив его в сторону. Столб пламени вырос до потолка. Жар был сильный, и Доктор немного отступил, чтобы не сгореть.

В пламени кто-то был.

— Я пришёл сюда к тебе, — сказал Доктор. — Я знаю, кто ты.

— И кто же? — спокойно спросил голос из огня.

Доктор расправил плечи:

— Ты — один из величайших представителей нашей расы, ты — Омега.

Раздался смех, но не низкий, насмешливый смех, который ожидал Доктор, а женский смех.

— Ты даже пол определил неправильно.

Она сместилась из центра пламени к краю. Огонь мерцал между пальцами её ног, вокруг самих ног, доставал до пояса. Пламя освещало её сзади, и по её телу были янтарные тени. Светлые волосы ниспадали по её плечам, прикрывая её. Губы у неё были красные, глаза голубые.

И на какое-то мгновение она была ниже, полнее, с короткими тёмными волосами, зелёными глазами, веснушками на плечах и родинкой на голени.

Снова став блондинкой, она улыбнулась ему.

— Ты уже тут, — сказал Доктор, смеясь, едва осмеливаясь верить этому. Он шагнул к огню, его обдало горячим воздухом. — Я пришёл сюда за тобой. Я хотел просить его...

— Я знаю, — она протянула руку. — Он тебя ждёт.

Вдвоём, они шагнули в пламя.

ГЛАВА 10

Царь бесконечного пространства

Доктор шёл через сад, женщина шла рядом с ним.

Он уже привык к холоду Либраринта, к его затхлому воздуху, к темноте. Лишь сейчас он понял, как мало было в конце вселенной цвета. Тот мир был окрашен в сепию, лишён света и цвета. Новое же окружение было ослепительно, ему в лицо дул свежий воздух. Он не знал, на что обращать внимание в первую очередь.

Тут был тёплый весенний день, сквозь ветви деревьев струился свет. Они шли рука об руку вдоль берега ручья, по ровному лугу, поросшему травой без бурьянов. Ручей тёк по заботливо ухоженному саду, в котором каждое деревце, каждая статуя, каждый цветок, казалось, были частью одного большого замысла. Клумбы, статуи и дорожки были безупречно чистые, хотя садовников нигде не было видно. В воздухе звучала похожая на пение птиц музыка.

Доктор сжал и разжал свои антипротонные пальцы, постучал ими по губам.

— Тело из антивещества по ощущениям абсолютно такое же, как и тело из вещества, — заверила она его.

— Это тело очень похоже на моё старое, — согласился Доктор. — А вот ты, с другой стороны...

На ней было свободное платье из кружев и шёлка цвета слоновьей кости, собранное на талии широким поясом. Её длинные светлые волосы удерживались золотой заколкой и свисали до поясницы. На шее у неё было сплетённое из цветов ожерелье, а в руках веер. Она была его роста, даже немного выше, учитывая, что она шла босиком, а он в туфлях.

Она улыбнулась:

— Я регенерировала.

— Регенерируют при смерти только повелители времени, — возразил Доктор. — А древние галлифрейцы просто не умирали.

— Для меня это тоже было неожиданностью, — засмеялась она. — Я родилась галлифрейкой, но я жила так долго, что могла эволюционировать.

Доктор посмотрел на неё, сомневаясь в ней. Если это вообще была она.

— Как ты оказалась тут? — спросил он.

— Меня перенёс сюда Омега. Он сделал это место своим уделом.

В этот момент они свернули, и впереди показался огромный замок Омеги. Он был размером с гору, тёмный, как грозовая туча. Его словно насыпали, несколько слоёв башен и бойниц. Стены были либо из скал, либо из каменных блоков. Некоторые из башен словно зависли, вопреки гравитации.

Доктор напрягся, почувствовав мощь, излучаемую замком.

— Ты знала Омегу раньше, чем меня, — сказал Доктор.

— Намного раньше. На много-много раньше.

— Ты была его женой, — пробормотал Доктор.

— Мне уже два миллиона лет. Ты понимаешь, что это значит?

Уголок его рта приподнялся в лёгкой улыбке:

— Мне нужно поздравить тебя с днём рождения?

Она остановилась и сердито посмотрела на него:

— Это значит, что я родилась во времена, когда знали будущее, и что во времена Проклятья я была молодой женщиной. Это значит, что я видела, как звездоколы отправились к Ккабе, а вернулись оттуда повелители времени. Я помню Темноту. Я жила и во дворцах, и на улице. Я жила среди двухсот поколений повелителей времени. Я видела, как очень много моих друзей и возлюбленных старели и умирали рядом со мной. Я видела, как горные хребты вздымались и рассыпались. Я жила так долго, что видела перемены даже на Галлифрее. Если бы я за это время не изменилась, то не прожила бы свою жизнь, я бы растратила её.

— Океаны воды утекли, — задумчиво сказал Доктор. — Моё мнение об эволюции: важно не то, какой ты, а то, как ты этим пользуешься.

— Я делала, что могла, — ответила она.

Они остановились рядом с небольшим прудом.

— Здесь мы одни, — тихо сказала она.

— Присядем? — предложил Доктор, снял сюртук и постелил его на траву, переживая о её безупречном платье.

Она опустилась на колени, а затем села, одну ногу поджав под себя, а другую вытянув вперёд. Она обмахивалась веером. Доктор опустился на колени сзади неё, почти касаясь грудью её лопаток. Он стоял, почти касаясь её ноги. Он посмотрел за неё, на пруд. Вода была такая чистая, что просматривалась до самого дна.

— Там должна быть рыба, — заметил Доктор.

И по воде пробежала дюжина радужных полосок. Доктор смотрел на них с довольным видом. Она обернулась на него через плечо и улыбнулась.

Он посмотрел на её лицо, у него впервые появилась возможность рассмотреть его как следует. Оно было почти слишком красивое: овальное, обрамлённое золотыми волосами. Губы у неё были насыщенно-красные, идеальных пропорций нос, голубые глаза.

Она снова повернулась к воде и смотрела, как рыбы носятся по пруду туда-сюда, и Доктору осталось смотреть лишь на её широкие плечи и тонкую шею. Её кожа была такой бледной. Он коснулся рукой её левой щеки, белой, почти как гипс.

— Я думал, что потерял тебя, — сказал он ей.

Она погладила его запястье. Он водил кончиками пальцев возле её виска. Она поцеловала основание его большого пальца. Она подняла левую руку, завела её назад, и коснулась его затылка. Она провела рукой по его шее, потеревала его короткие волосы. Всё это время они постепенно приближались друг к другу.

— Я не думал... — начал он.

Её мысли. Единственная точка соприкосновения с её виском, и они поделились мыслями и воспоминаниями. Доктор закрыл глаза. Это была она, не было ни единой причины сомневаться в этом. Она прожила настолько больше, чем он, жила в Доме его семьи бесчисленное число поколений. Она была наставницей его деда и его отца. Она присутствовала при его рождении. Она его нянчила, учила, танцевала с ним, любила его, родила его детей.

Она отпустила его руку.

— Ты всегда был там.

— Я знал, что найду тебя.

Доктор вспомнил ночь, когда он опоздал, увидел это её глазами. Стража вошла во двор, окружила детей и гостей Дома. На горизонте горел Капитолий, даже отсюда было почти слышно толпу в Паноптикуме. Она была вся в слезах, когда Стража разыскивала в комнатах её невестку, зачитывала обвинение семьи в сношениях с инопланетянами. И она не могла ничего сказать, когда её оттаскивали, иначе они узнали бы её секрет, узнали бы, что не все Рождённые Из Утробы умерли, что некоторые из них все эти сотни веков всего лишь прятались среди остального населения.

Она развернулась к нему лицом. Её ожерелье из цветов расплелось и могло упасть в любой момент. Она опустила ладонь на его поясницу, удерживая их обоих. Он держался за её не прикрытое платьем плечо.

— Больше я тебя никогда не брошу, — пообещал Доктор.
— Что бы ни пришлось делать, я тебя не брошу.

Несмотря на раннее утро, на рынке было полно людей.

Капитан Реймор даже не пытался делать вид, будто он понимает экономику Нижнего Города во всей её сложности. Товары свозились на рынок торговцами со всего Галлифрея и продавались здесь в розницу. В ходу была древняя монета, трезант, но в основном товары и услуги обменивались. Рыбу из подземных морей меняли на древесину серебряного дерева или на гвозди для рыбацких подлодок. Это всего лишь простой пример, на самом же деле система была гораздо сложнее, со строгими правилами об основе контракта, цене товаров, и прочем.

Рынок находился на окраине Нижнего Города, далеко от Купола Капитолия. В небе ярко сияло солнце, подчёркивая яркость товаров и узоры в одежде торговцев. Было очень шумно; голоса торговцев смешивались со ржанием лошадей, тянувших гравикарты, с топотом ног, со стуком разгружаемых и загружаемых ящиков. Развевались флаги, атмосфера была праздничная. Одно слово повторялось снова и снова: «Омега».

Реймор и Пелтрок шли вдоль рядов рынка и люди инстинктивно расступались, давая дорогу членам Стражи Канцелярии. Намётанным глазом Реймор замечал всё, начиная от карманников и заканчивая главарями банд, но что было хорошо в преступном братстве, так это то, что они понимали правила. Все присутствовавшие люди знали, что Стражу не интересуют ни они, ни их дела, они явились в Нижний Город исключительно по делу. Не было дураков, готовых ввязаться в драку, когда в любой момент сюда могла телепортироваться сотня стражей. Наиболее злостные нарушители закона скрывались на пару минут, понимая, что на некоторые вещи Стража закрывать глаза не могла. Но мелкие воришки, бомжи и прочий сброд даже с места не двигались.

— Бесстыжие, — пробормотал Пелтрок.

— Они к нам в Капитолий не лезут, констебль, вот и мы их тут не трогаем. Если какой-нибудь повелитель времени заявится сюда и окажется в беде, то... кто мы такие, чтобы судить о высшем сословии?

В далёком прошлом были попытки очистить Нижний Город от преступности, но ни одна из них не увенчалась успехом. Устранив одного из криминальных авторитетов, власти обнаруживали, что его конкуренты перехватывали его дело, территорию, подчинённых, и становились в результате

сильнее. Это была хаотическая система, которую не понимали ни Стража, ни Верховный Совет.

— Лучше нам, как и Верховному Совету, воспользоваться политикой невмешательства, верно, Пелтрок?

— Как вы думаете, при новом режиме для нас будет место?

— При новом режиме? — сурово переспросил Реймор.

— *Омега*, — сказал Пелтрок. — Ходят разговоры, что Президент собирается уступить ему свой пост. Я не могу представить себе Омегу в стороне от правления Галлифреем.

— Да... Ну, в таком случае, Стража не разделяет радости публики.

— По пути сюда я проходил мимо Мемориала Омеги, — сказал Пелтрок. — Там много людей собралось.

— В Паноптикуме вчера вечером люди молились и оказывали почести. Совет не знал, что им делать: то ли присоединиться к этим людям, то ли арестовать их.

— Но вы же знаете, да?

— Я служу в Страже уже почти девятьсот лет, констебль. Было время почитать её историю. Я знаю свой долг.

— Вы постараетесь его выполнить?

Реймор лишь посмотрел на Пелтрока.

— Вы бы убили Омегу? — повторил Пелтрок.

Реймор кивнул:

— Рассилон оставил ясный приказ, и у него были на то причины. Он понимал, что при всём их могуществе, при всех их знаниях, его повелители времени не совершенны. Он понимал, кто настоящий враг.

— «Стража была тут до повелителей времени, Стража тут будет после повелителей времени», — сказал Пелтрок, цитируя первую строчку присяги.

— Вот именно.

— Доктор ведь тоже один из «Четырёх Имён»?

— Да. Но Рассилон очень чётко объяснил, что Доктор должен быть убит лишь тогда, когда он... — Реймор замолчал, а затем схватил рукой одного из прохожих за шиворот. Его жертвой был невысокий мужчина в залатанной одежде. — И куда это ты собрался?

Мужчина привычно начал дёргаться и глядеть по сторонам непонимающим взглядом.

— Капитан Реймор, сэр! Просто иду по рынку. Просто по делам. Ваше новое тело вам очень идёт, капитан. Немного излишне молодо, как на мой вкус, но... Ай!

Реймор поднял его в воздух и поставил между собой и Пелтроком.

— Кто это, капитан? — спросил Пелтрок, с угрозой склонившись над невысоким мужчиной.

— Это Гроут, — ответил Реймор. — Помнишь, я говорил, что они к нам не лезут? Так вот это одно из исключений. Он подделками занимается, я его один раз поймал с набором ключей для Капитолия.

— О, капитан! Это же триста лет назад было! — заскулил Гроут. — Да и не пользовался я ими.

— О, я вспомнил, вы мне о нём рассказывали, — сказал Пелтрок.

Случайно или нет, ему удалось вызвать у Гроута приступ паранойи. Гроут заморгал.

— Обо мне знает Стража? — медленно сказал он.

— *Все* о тебе там знают, Гроут, — сказал ему Реймор. — Когда наставники хотят напугать учеников, они говорят: «Не делай так, а то кончишь как Гроут».

— Пойдите... *Таймики* знают обо мне?

— Повелители времени, — медленно поправил Пелтрок. — Им не нравится то слово, которое ты только что сказал. Они считают, что оно не передаёт должного уважения. Они говорят, что такими словами только гроутики пользуются.

Реймор позволил себе ухмыльнуться. Пелтроку следовало быть аккуратнее, так ведь можно и перестараться, но, судя по лицу Гроута, как минимум одно из сердец у прохожих замерло.

— Но... — заговорил Гроут, и несколько секунд не мог сказать следующее слово. — Но ведь наверняка у повелителей времени сегодня найдутся более важные дела? Все эти инопланетяне, Доктор, Омега. Тут люди всю обсуждают возвращение Омеги... А у вас там, наверное, вообще праздник, — он указал пальцем на Купол.

— Странно, что ты упомянул Доктора, — сказал Реймор. — Рассказывай всё, что знаешь.

— Ну, он пропал, так? Об этом сообщали в публичном вещании.

— Никто не может просто исчезнуть.

— Да, я знаю, он залёг на дно. Прячется.

— Прячется, говоришь?

— А разве нет?

— Это ты мне расскажи, Гроут. Ты же знаешь Доктора, верно?

— Доктора *все* знают, — возразил Гроут. — Вы знаете Доктора. Это ведь не значит, что вы подозреваемый?

— Последняя, кто так рассуждала, оказалась сообщницей Доктора, — сказал Пелтрок.

— В конечном итоге её убили, зарезали в оба сердца, — добавил Реймор. — И она не единственная, с кем это случилось за последние дни.

— Мне кажется, что он знает, где Доктор, — сказал Пелтрок неожиданно грозным голосом. — Может быть, применим зонд разума?

Гроут попытался попятиться:

— Эй, вы что, не надо такого. Он уже не приходит сюда так часто, как раньше. Я его уже много лет не видел.

Реймор снова сверкнул глазами на Гроута, и тот снова дёрнулся.

— Не видел, — настаивал Гроут. — Он, небось, прыгнул в свою ТАРДИС и улетел с Галлифрея.

— Все ТАРДИС учтены, Гроут.

Реймор вздохнул:

— Беги отсюда. Если увидишь Доктора, дай мне знать, понял?

Благодарно кланяясь и расшаркиваясь, Гроут попятился от стражей. Он зашёл в толпу и исчез.

— Доктора тут нет, так ведь? — спросил Пелтрок.

— Нет. А если бы и был — убийца не он.

— Тогда зачем исполняющий обязанности Президента послал нас сюда искать его?

— Это всё политика, Пелтрок.

Они нашли пустое торговое место и остановились там отдохнуть. Реймор снял шлем и почесал голову. Он посмотрел на возвышавшийся над Нижним Городом Купол, сиявший на солнце, как слоновая кость.

— У них там бесконечная власть, — сказал он. — Они могут сделать почти что угодно, отправиться куда угодно,

узнать что угодно. Большинство инопланетян считает их богами. Они не понимают, что вся эта власть, все эти возможности... это такое же ограничение, как вообще не иметь возможностей.

Пелтрок фыркнул:

— Это похоже на выдумки представителей элиты, направленные на то, чтобы остальное население довольствовалось своей долей.

— Возможно. Но почему, по твоему, они всё своё время посвящают проведению ритуалов и церемоний, почему так много времени они уделяют заговорам друг против друга и вручению друг другу почётных титулов? Потому что если ты живёшь вечно и можешь делать что угодно, ты можешь вообще ничего не делать.

Двое стражей, облокотившихся на прилавок, исчезли в треснувшем стекле. На мгновение оно снова стало зеркалом, в котором не было видно ничего, кроме сгорбившейся на троне фигуры. Это было чудовище, на него нельзя смотреть. Начало формироваться новое изображение, солнечный свет постепенно скрывал золотые металлические блики и его красные глаза.

Мужчина и женщина шли по саду. Он был ростом чуть выше среднего, с продолговатым лицом и с коротко стриженными волосами. На нём были просторная шёлковая рубашка и узкие бежевые брюки. На руке у него был наброшен синий шерстяной сюртук. На ногах у него были носки в ромбик, и не было туфель. Её волосы были распущены. Он узнал развевающееся белое платье и отметил отсутствие широкого пояса, который она обычно носила поверх него.

Шли они быстро, по-деловому, по главной дорожке, ведущей к замку. Через несколько минут они будут возле подъёмного моста. Мужчина был настроен серьёзно. Позади них не было ничего, вообще ничего. Если бы один из них обернулся, то сад там был бы, чтобы они могли его увидеть. Но без этого он не существовал, кроме как в мысли. Но это всё, что тут было: его сознание. И кто мог сказать, что это реально, а это... Он не мог... Он начал думать о невообразимом, и тронный зал постепенно исчез.

Он навёл порядок в мыслях, сосредоточившись на гостях. Это был Доктор; здесь, во вселенной антивещества. Он смотрел на замок, явно впечатлённый его архитектурой, бастиянами и бойницами, сплошным камнем стен. Но это был замок разума, он существовал лишь на мгновение, пока не отведёшь взгляд. Он прекратит существовать сразу после того, как Доктор и его жена перешагнут порог.

— Ты тут одна? — спросил Доктор. Его голос был мягким, он глотал слова.

Её голос был чистый, как музыка.

— Да. Не считая Омеги, конечно.

— Он держит тебя тут против твоей воли.

Она улыбнулась:

— Я не пленница. Он вмешался, чтобы спасти меня. Во вселенной вещества я была на пороге смерти. Перенеся меня сюда, он преобразовал меня в антивещество, залечил раны. Я живу его волей. Поэтому я никогда не смогу выбраться отсюда.

— Мы придумаем, как это сделать, — пообещал Доктор.

Омега смеялся, прислонившись к зеркалу. Уж если кто-то в этой вселенной и мог исполнить это обещание, так это Доктор. Но всему своё время.

Доктор рассуждал вслух:

— Значит, он перенёс тебя сюда. Из этого следует, что Омега может оказывать влияние на нашу вселенную.

— Брешь, которую ТАРДИС Савара пробила в пространстве-времени, позволяет ему наблюдать и в какой-то степени вмешиваться.

— Ты давно здесь?

— Когда мы видим сон, это длится всего лишь секунду или две. Мы можем видеть сны, которые кажутся бесконечными, но все они происходят за секунду.

— Это не совсем так, — поправил её Доктор. — Фаза быстрого движения глаз, в которой мы видим сны, может продолжаться до часа-полутора за ночь.

— Но ты понял, что я имела в виду? — спросила она. — Ты понимаешь, что я не могу понять, пробыла ли я тут один день или тысячу лет.

— Омега изменился с тех пор, как ты его знала?

— Он не безумец.

— Я не об этом спросил.

Она медлила, чувствуя на себе его взгляд.

— Он всё это время был заперт тут.

— Я не об этом спросил.

— Нет. Нет, он не изменился.

— Он всё ещё любит тебя?

Облачённая в перчатку рука потянулась к зеркалу, пытаясь прикоснуться сквозь стекло к её лицу.

— Меня он сюда взял не поэтому.

— Нет?

— Он взял меня сюда из-за тебя. У тебя есть то единственное, что ему нужно. Свобода.

— Я вообще не понимаю, почему он тут заперт. Если у него есть возможность создать всё это, он должен быть способен соорудить выход.

— Нет.

Доктор остановился:

— Да ладно, если рутане могут преобразовывать вещество в антивещество, то и Омега тоже может.

— Всё не так просто. Эта вселенная существует исключительно потому, что такова его воля. Без его сознания она исчезнет.

— Поэтому он не может уйти, потому что не может сделать последний шаг, какая-та часть его должна остаться.

— Правильно, — сказала она. — Я не понимаю, почему он вообще хочет отсюда выбраться. Тут очень красиво. Он тут бог!

Доктор посмотрел вверх:

— Он хочет выбраться отсюда потому, что небо неправильное.

Она посмотрела вверх и тут же нахмурилась:

— А я этого раньше не замечала.

Омега вздохнул. Небо было невозможно синее, а облака выглядели так, словно их нарисовали большой кистью. Проблема была не в цвете, а в форме. Казалось, что небо и облака нарисованы на внутренней поверхности огромного купола, который загибался и уходил за горизонт. Не было ощущения того, что находишься за пределами помещения.

— Есть солнечный свет, но нет солнца, — сказал Доктор.

Омега знал об этом. Свет падал сверху, но у него не было источника, и тени лежали в разных местах под разными углами.

— Всё это создано из его мыслей, и по прошествии такого времени он забыл, как выглядит небо, — сказал Доктор. —

Поэтому ему и нужно вырваться. При всём своём могуществе он бессилен.

Нет, — подумал Омега. Нет, не поэтому. В любом творчестве всегда есть разочарование. Самые совершенные скульптуры, портреты и поэмы не совсем те, какими их задумывал художник. Иногда отклонения незначительны, временами они даже полезны, создавая ненамеренный смысл, новое предназначение. Но гораздо чаще идеальная форма остаётся запертой в сознании. Даже здесь, где не было ничего, кроме его мыслей и снов.

Омега помнил небо. Он помнил лучи солнца на лице, проплывающие облака. Но не мог их воссоздать.

Он закрыл глаза и опустил голову. Когда он снова посмотрел в зеркало, там было изображение вселенной вещества. Это был кабинет — светлый и просторный. Из него открывался вид на огромную статую молодого мужчины, державшего подмышкой шлем скафандра. Это был мужчина с твёрдым, исполненным надежды лицом, который вот-вот должен был заложить славное будущее, частью которого он не станет.

Большой колокол Паноптикума пробил восемь колоколов. Кастеляну Ворану было неудобно в его кресле.

Он был всего лишь исполняющим обязанности Президента, и считал плохим вкусом занимать президентский кабинет, особенно с учётом того, что занимать эту должность ему предстояло всего пару часов. Но так было утром, а сейчас хирург Гратнол советовал Президенту отдохнуть как минимум один день. Рана была несерьёзная, но Президент был в этом теле уже больше тысячелетия. Рана была недостаточным поводом для полной регенерации тела. Кастелян лишь сожалел,

что Президент не выбрал более удачного времени, чтобы попасть под нож.

Из этого кабинета он мог смотреть на Паноптикум и видел людей, собравшихся у подножия статуи Омеги. Наверное, если спросить у них, зачем они там собрались, они и сами не смогут ответить. Омега возвращался, народу было нужно выразить свои чувства по этому поводу, разобраться в них. Кастелян думал о том, не останется ли он без работы. Когда вернётся Омега, ему, несомненно, предоставят место в Верховном Совете. Его почти наверняка изберут Президентом — какой из колледжей будет против? Отменит ли Омега старые институты, или же попытается работать в их рамках?

Так это, значит, «перемена»; это то, о чём все эти годы говорил Доктор. Возможность выигрыша, вероятность проигрыша.

В качестве исполняющего обязанности Президента Воран мог проконсультироваться в Матрице, но он не мог соединить с ней своё сознание напрямую. Ему нужно было самому сформулировать проблемы и найти их решения.

Самым важным было спасти Омегу, а для этого Галлифрею нужно придумать способ воссоединить связь с будущим, а затем победить жителей Спицы. Восстановление контакта со Станцией было вопросом сугубо техническим, и учёные были уверены, что к полуночи это будет сделано.

Способ обхода обороны Спицы существовал, Кастелян не сомневался в этом, но этот способ нужно было ещё найти. Раньше повелители времени воевали, и во многих случаях одерживали победы над гораздо более сильными противниками, чем они сами. Но со времени Марнала это был первый случай, когда была необходима такая демонстрация

силы, раньше ключом к победе всегда была подготовка. Повелители времени всегда старательно собирали разведывательные данные. Они никогда не позволяли себе воевать, не узнав всё о своих врагах. В этом была Ошибка Марнала.

Однако было мало врагов, способных пережить удар чёрной звездой, а в рукаве у повелителей времени было ещё много других козырей.

Кастелян переживал лишь о том, что Доктор мог обречь их на вымирание. С закрытыми воротами времени не было возможности узнать, что происходит в будущем. Аккумуляторы Станции уже должны были сесть. Магистрат изобретателен, он придумает, как спасти команду, в этом Кастелян был уверен. Но они там будут одни, без защиты. Имея в своём распоряжении Эффект и целый день на подготовку, те, кто был на поверхности Спицы, могли сделать со Станцией всё, что им было угодно. Если так, они смогут определить происхождение Станции и тоже нанести удар, за несколько часов до запуска чёрной звезды.

Ударивший ножом Президента — лорд Савар — был взят под арест, но не говорил ничего внятного, только свои обычные причитания.

Источник всех проблем Галлифрея — Доктор — пропал, оставив после себя почти переполненный морг. Техник по имени Вейм. Двое занимавшихся распределением энергии повелителей времени, леди Ларна. Этот техник был членом влиятельной восточной семьи. Его Старшая Кузина прибыла на поезде из Олиести, облачённая в полное траурное платье, в окружении свиты слуг и роботов. Кастелян встретил её на вокзале и сопровождал её в морге. Он видел тела их всех; лица

троих повелителей времени были прикрыты церемониальной накидкой. Лицо Вейма, в соответствии с его статусом, не было прикрыто. Его Старшая Кузина провела краткий ритуал, а затем её помощники поместили труп в железный гроб. Они заберут тело домой и там его похоронят, как это принято на востоке. Из уважения, Кастелян заранее поручил одному из своих подчинённых оформить все необходимые документы. За весь час, который Кузина провела в Капитолии, она произнесла не больше дюжины слов.

Троих повелителей времени сейчас матрицировали: их сознания обрабатывались для того, чтобы стать частью коллективного сознания Матрицы. Когда в хранилище данных появится сознание Ларны, возможно, удастся разгадать загадку исчезновения Доктора. На столе Ворана лежал недочитанный рапорт констебля Сапро о случившемся. Доктор и леди Ларна покинули Зал Наблюдения за Временем во время приведения его в должность. Доктор деактивировал врата времени и повредил энергетические каналы. Ларна была убита, предположительно из-за нежелания участвовать в его плане. Стражи выломали дверь, но Доктора там не обнаружили. У Сапро не было объяснений тому, куда мог деться Доктор. Его люди продолжали обыскивать катакомбы, вентиляционные шахты, канализацию.

В дверь ворвался Пендрел, секретарь Ворана.

— А постучать не мог? — раздражённо спросил Кастелян, поднимая со стола рапорт Сапро.

— Прошу прощения, исполняющий обязанности Президента. Дело довольно срочное.

— Пендрел, ты не заметил, что сегодня утром *всё* довольно срочное?

— С вами хочет поговорить сонтарская делегация, сэр, они говорят, что их лидера похитили.

Они прошли по подъёмному мосту в крепость Омеги. Ров не был заполнен водой, в нём росла трава.

Внутри был длинный коридор, освещённый факелами. Потолок был низкий, пол был покрыт каменной плиткой. Не было ни одного бокового хода, лишь двойная дверь впереди, метрах в ста.

— Потрясающий декор, — заметил Доктор, и его слова отразились эхом от каменной кладки.

— Омега здесь содержит лишь то, что ему нужно.

Доктор указал большим пальцем за плечо:

— Тот сад сложно назвать функциональным.

— Это его подарок мне, он выделил мне власть ухаживать за садом.

Двойная дверь в конце коридора распахнулась, как только они подошли к ней.

Они вместе зашли в тронный зал. Зал был треугольной формы, потолок был куполом. Дверь, в которую они вошли, была в одной из вершин треугольника. Сам трон был напротив неё, на возвышении. Это была большая драпированная штука с высокой спинкой и большими подлокотниками, но Доктору она больше всего напоминала кресло.

Во все стороны вели тёмные арочные проходы. Возле трона стояло ростовое зеркало. Помимо него и трона в зале был только большой камин, в котором ревел огонь.

Доктор смотрел на танцующее в очаге пламя, замороженный, как ночной мотылёк. Ему хотелось протянуть руку, дать огню лизнуть её.

— Источник его власти, — сказала она ему.

— Огонь?

Она с улыбкой покачала головой:

— Так он решил отображать сингулярность. Она даёт ему контроль над физическими законами в этой вселенной.

Они подошли к камину, и Доктор заглянул в огонь. При формировании определённого типа чёрных дыр всё содержащееся в них вещество и энергия коллапсируют на себя, огромная гравитация сжимает и сжимает вещество до тех пор, пока не достигнет бесконечной плотности. Это состояние отменяет некоторые из фундаментальных законов квантовой механики, устраняет различия между веществом и энергией, пространством и временем. Реальность сменяет квантовое... В общем, слова не способны объяснить то, что происходит в момент формирования сингулярности. Теоретически, это позволяло возникнуть и произойти чему угодно. Из состояния сингулярности вселенная возникла, ею она и закончится. Обычно то, что такие сингулярности скрыты за горизонтами событий, не давало им влиять на вселенную. Омега же, будучи под горизонтом событий, нашёл способ реализовать теорию на практике, укротить возможности сингулярности. Он своей волей придал ей форму.

— Полагаю, что это также позволяет ему направлять антивещество сквозь Эффект, давая ему практически неисчерпаемый источник энергии в нашей вселенной.

— Это лучше знать тебе, чем мне, — ответила она.

— Это зло, — сказал ей Доктор. — Ты слышишь, как оно шепчет? Звук, похожий на колыбельную?

— ДОКТОР.

Голос доносился отовсюду, словно вещали репродукторы. Несмотря на это, Доктор ощущал, что источник голоса был справа, в одной из ближайших к трону арок.

Любой, кто бывал в Паноптикуме, узнал бы вышедшего оттуда мужчину, но всё равно удивился бы его росту. Он был выше двух метров, его плечи были пропорциональной ширины. Широкие мускулистые плечи и свисающая на грудь борода лишь подчёркивали, каким он был великаном.

Надетый на него пурпурный плащ свисал до земли и шелестел по каменным плитам. Не хромал ли он? В этом Доктор сомневался: возможно, это из-за веса золотых доспехов. На нём был плотно прилегающий к голове шлем, закрывавший его затылок и волосы. На висках из шлема торчали огромные бараньи рога, завивающиеся назад, а затем кончиками направленные вперёд и вверх. У Доктора возникли сомнения на счёт того, были ли рога частью шлема.

Он прошёл мимо них, даже не взглянув на своих гостей. Поднявшись на три ступени постамента, он сел на трон и взялся руками за подлокотники.

— Лорд Омега, — сказала она. — Это Доктор.

— Да, оставь нас, — повелел он. — Оденься к ужину.

Она поклонилась и вышла в одну из арок.

— А мой внешний вид вас устраивает? — спросил Доктор, указывая руками на свой сюртук. — Я не знал, что тут всё так формально. В приглашении не говорилось, что костюм нужен строгий — он посмотрел на свисавший с трона пурпурный плащ Омеги, — или маскарадный.

— Вы хотите выпить? — спросил Омега.

Доктор покачал головой:

— Нет, спасибо. Я бы не отказался от стула; путь сюда был неблизким, и у меня не было времени присесть.

Позади него возник небольшой деревянный стул.

— Спасибо, — Доктор сел и понял, что так он по сравнению с сидящим на троне великаном казался ещё меньше и незначительнее.

Он встал и начал ходить по залу. Он осмотрел зеркало, глянул в него. Помимо своего отражения, он увидел в нём звёзды и планеты.

— Окно во вселенную вещества, — объяснил Омега.

Доктор надул губы:

— Вот это я понимаю, зеркальце!

Он огляделся, понимая, что Омега не сводит с него взгляда.

— Мило тут у вас, — сказал он. — Так значит, вы видели, как я обошёл людей Спицы?

— Это было довольно просто. Когда вещество телепортируется, в месте назначения создаётся дубликат, а оригинал уничтожается. Вы изменили свой браслет телепортации так, чтобы оригинал не был уничтожен. То тело находится в само-спровоцированной коме.

— Ловко, правда? — беспечно сказал Доктор. — Так вы, значит, можете наблюдать за настоящей вселенной. А что насчёт этой?

— Это мой удел. Здесь я всё вижу, всё знаю, всё контролирую.

— Включая вашу жену?

— Она сейчас купается, готовится к ужину. На ней сейчас нет ничего, кроме собственного тела, — он хитро ухмыльнулся: — Хотите её увидеть?

Доктор отвернулся от зеркала.

— Хочу ли я её увидеть? Нет, — сказал он равнодушно.

Он посмотрел в огонь, на танец пламени.

— «Нет»? Или, быть может, «не так»? Она об этом не узнает. Вы можете прикоснуться к ней, почувствовать её мысли, и она об этом не узнает.

Языки пламени стали теплее, они почти гипнотизировали.

— Так вы это делали? — пробормотал Доктор. — Вы для этого перенесли её сюда?

Смех Омеги сотряс весь зал:

— У меня другие приоритеты. В данный момент её сердце принадлежит вам. Она потрясающая женщина.

Доктор повернулся:

— Вы ревнуете? Вы хотите, чтобы она была вашей!

— Если бы я этого хотел, Доктор, поверьте, так бы оно и было. Да и нет у неё сейчас чувств ко мне, если они вообще когда-либо были.

Доктор впервые посмотрел в глаза Омеги. Лицо древнего повелителя времени было морщинистое, вокруг красных глаз были тёмные круги. Словно он не спал миллион лет и всё это время нёс на себе тяжесть мироздания.

— Мы разговариваем, вот и всё. Она рассказала мне о Галлифрее, о повелителях времени, о её мёртвых детях, о бесчисленных тысячелетиях, прожитых ею, пока я правил... этим. У неё довольно уникальный взгляд на историю нашей планеты.

Пока Омега говорил, Доктор шёл в сторону трона. Он шагнул на возвышение:

— Она видела лучшее и худшее из того, на что способен наш народ.

— *Ваш* народ, Доктор.

Доктор сделал ещё один шаг и посмотрел Омеге в глаза.

— Вы галлифреец, Омега. Даже больше. При взрыве Ккабы вас должно было поразить энергиями времени. Вам должна была достаться полная мощь этого взрыва. Готов поспорить, что вы понимаете время гораздо лучше среднего повелителя времени.

Омега засмеялся; звук смеха издавался всей комнатой.

— Возможно, вы правы.

— А ещё, существование за пределами родной вселенной должно было дать вам... Как вы сказали? «Уникальный взгляд».

Красные глаза прищурились:

— Я видел, как изменялись прошлое и будущее. Я видел вселенную, где не было Рассилона, а повелители времени были благодаря мне богами. Я видел вселенную, в которой Рассилон до сих пор правит Галлифреем из Матрицы. Ещё в одной он был женщиной, моей любовницей.

— Параллельные вселенные?

— Такие вселенные существуют, но это была наша вселенная, испещрённая парадоксами и противоречиями, как сухарь червями.

Доктор немного отступил:

— Я знаю нескольких моряков, которые предпочитают, чтобы их сухари были с червями. Они улучшают вкус, к тому же, как мне сказали, это хороший источник белка.

Омега проигнорировал его:

— Во всех тех реальностях, во всех версиях истории я заперт тут. Иногда из-за предательства, иногда умышленно, один раз даже по собственной воле. Есть бесконечное число возможностей, бесконечное число Докторов. Но я — все Омеги, я един.

— Значит, вы обыскали все эти разные реальности в поиске возможности сбежать и так и не нашли ответ?

— Я нашёл ответ.

— Брешь в пространстве-времени? Эффект?

— Я пользовался ею для наблюдения за вселенной вещества. Чем она больше, тем больше моя власть там.

— Но она всё равно имеет свои пределы. И мне кажется, что Эффект вышел из-под вашего контроля. Когда ТАРДИС Савара свалилась в чёрную дыру, вы попытались воспользоваться ею и сбежать, вы попытались обеспечить её энергией за счёт антивещества. Но по какой-то причине это лишь запустило Эффект. Вы подожгли фитиль, но реакция вещества с антивеществом распространяется быстрее и дальше, чем вы рассчитывали.

Лицо Омеги исказилось гневом:

— Да, но это не плохо, это позволяет мне управлять событиями.

— Включая события в прошлом?

— Да.

— Вы не можете менять прошлое, это невозможно.

— Хотите, я верну Ларну, сделаю так, что она не умерла?

— Омега немного помолчал. — Сделаю так, что вы её не убивали?

Доктор стал прямо:

— Да.

— Как пожелаете.

Изображение в зеркале затуманилось, а затем стало проясняться.

Двери кабинета Кастеляна раздвинулись, и зашла леди Ларна, сопровождаемая двумя стражами.

Она снова была одета в повседневную одежду с высоким воротником. Волосы были завязаны на затылке. Одежда была формальная, но не соответствующая её рангу. Она отказалась сесть, и исполняющему обязанности Президента Ворану пришлось встать. Её одежда была символом, легко понятным Ворану: она была готова лишиться из-за своих действий статуса, но раскаиваться не собиралась.

— Леди Ларна! — сказал Воран, стараясь придать голосу покровительственный тон.

Она слегка поклонилась:

— Я не сожалею о своих поступках и по праву повелительницы времени требую их оправдания перед полным Трибуналом.

Воран улыбнулся и решил всё-таки сесть.

— Когда это всё закончится, леди Ларна, надеюсь, что от Галлифрея ещё останется хоть кто-то, кто сможет провести суд, — он сделал вид, что изучает рапорт констебля Сапро. — Здесь сказано, что когда констебль вошёл в энергораспределительную, вы пытались помешать Доктору прыгнуть в колонну времени.

Ларна скривилась:

— Если бы этот идиот меня не оттянул, я бы смогла его остановить.

Воран тихо засмеялся:

— Возможно. В виду текущего кризиса нам придётся отложить ваш суд. Помогая Доктору в саботаже в энергораспределительной, вы проявили немалые хитрость и техническую квалификацию. Нам нужны эти ваши таланты для

устранения нанесённого ущерба. Я собираюсь командировать вас в восстановительную команду. Свободны.

Пендрел, секретарь Ворана, ворвался дверь и протиснулся мимо Ларны.

— А постучать не мог? — раздражённо спросил Кастелян, поднимая со стола рапорт Сапро.

— Прошу прощения, исполняющий обязанности Президента. Дело довольно срочное.

— Пендрел, ты не заметил, что сегодня утром *всё* довольно срочное?

— С вами хочет поговорить сонтарская делегация, сэр, они говорят, что их лидера похитили.

Доктор смотрел, как Ларна выходит из офиса Кастеляна. Изображение в зеркале постепенно угасло, его сменило отражение лица самого Доктора

— Спасибо, — сказал он.

— Она красивая молодая женщина.

— Да, — слегка покраснев, сказал Доктор.

Он вспомнил её, лежащую на мозаичном полу энергораспределительной, вспомнил растекающуюся по плиткам пола кровь, убивший её нож в его руке. Он посмотрел на Омегу и подумал о жене, о её портрете в его квартире, о её медальоне на шее Ларны. Доктор сделал свой выбор, оттолкнув... убив Ларну. Он попал сюда через её труп, он отказался от неё и от Галлифрея, от сонтаран с рутанами, и всё это ради имеющегося здесь могущества.

— Вы всё равно чувствуете себя виноватым? — спросил Омега.

— Конечно, — сказал Доктор. — Чем бы я ни пытался это искупить, я всё равно убил её.

Омега нахмурился:

— Но теперь преступления не было. Вы чувствуете вину за преступление, которого не совершили.

— Я совершил его.

— Уже нет. Этого не было.

— Вот так всё просто?

— Да.

— Это мне кажется нечестным, — сказал Доктор, вспоминая, как взял Ларну за руку, начал танцевать, разделил с ней мысли и интимные моменты.

— Просто другие правила.

Она вернулась, одетая в зелёное платье, которое было бы вполне уместным на средневековом банкете на Земле. Оно было с длинной юбкой, вышитым корсажем, с тугой талией. Её волосы были тщательно уложены вокруг перламутровой тиары.

— Ужин подан, — объявила она.

Доктор подошёл к ней и взял её за руку.

— Ты в порядке? — спросила она.

— Ты в порядке? — повторил он.

Она неуверенно кивнула.

Когда Доктор отвёл от неё взгляд, тронный зал был уже банкетным. Посредине стоял большой треугольный дубовый стол. У каждого из углов стола стояли стулья с высокими спинками, а напротив них были накрыты полные столовые приборы. За одной из арок стучали кастрюли, бряцали столовые приборы, шипели сковороды. Кухня. И эта комната всегда была такой, — вспомнил он. Они зашли, и стол уже был там, а Омега всё время сидел спиной к камину. Пламя отбрасывало блики на

металле его доспехов и обрамляло его крупную фигуру. Разумеется, это умышленный эффект.

Доктор отодвинул стул для своей спутницы, а затем сел сам. Он посмотрел на стол. Столовые приборы были из серебра, украшенные гравировкой древне-галлифрейских узоров. Перед каждым из присутствовавших приборы были в таком количестве, что хоть магазин открывай. К примеру, перед тарелкой Доктора лежали: чайная ложка, столовая ложка, кофейная ложка, суповая ложка, ложка для торта, ложка для раздачи, и ещё несколько ложек более загадочного предназначения. Число ножей и вилок было примерно такое же.

Он поднял взгляд на Омегу. Тот уже жевал ногу... непонятно чего. Наверное, куриную.

— А вы что будете, Доктор? — спросил он, и при этом было видно мясо у него во рту.

— Я не видел меню, — ответил он.

— Можете заказывать что угодно. Абсолютно что угодно.

— Что угодно? — повторил Доктор.

Омега кивнул.

— Не мясо. Я вегетарианец.

— Что бы вы ни выбрали, Доктор, ни одно животное не пострадает. Ваша еда будет продуктом моего разума.

Доктор изобразил улыбку:

— Дело в принципе.

— В каком принципе? Вы принципиально не едите вымышленных животных? Попробуйте стейк из минотавра или суп из драконьей чешуи.

— Когда мне встречается единорог, лорд Омега, то сделать из него бургер — последнее, о чём я думаю. Это всё равно что...

ну, вы ведь не предложили бы мне жареного галлифрейца, правда? Даже вымышленного.

— Почему? Я мог бы... — он замолчал, его лицо растянулось в улыбке. Затем он рассмеялся, и разжёванная курятина разлетелась по его части стола.

Доктор передёрнул плечами:

— Нельзя ли посмотреть в меню?

Омега недовольно заворчал, но взмахнул рукой, и рядом с Доктором возникла книга.

Доктор улыбнулся и взял книгу в руки:

— Спасибо.

— А ты что будешь? — спросил тем временем Омега у жены.

Она заказала овощной суп и бокал одного из галлифрейских сортов вина. Всё тут же появилось перед ней. Она взяла соответствующую ложку и начала есть.

Доктор раскрыл меню посередине. Страницы были тонкие, словно папиросная бумага, как в старой Библии его матери. Ему пришлось посплюснуть палец, чтобы перелистнуть. Он пролистал несколько первых блюд.

— Ну что, Доктор?

— У меня всё хорошо, спасибо, лорд Омега.

Он закрыл меню и снова его открыл. Оно снова открылось на середине. В этот раз это мелким шрифтом перечислялись основные блюда. На этой странице было больше трёх десятков блюд из говядины. Он начал перелистывать страницы, по десятку за раз, но никак не мог приблизиться к концу. В итоге он её захлопнул.

— В книгах самое лучшее то, — сказал Доктор, — что всегда можно понять, что приближаешься к концу. В какой бы

переплёт ни попал герой, вы держите книгу в руках и думаете: «Так, я на триста тридцать третьей странице, осталась ещё семьдесят девять. Начиналось медленно, но вот уже дело подходит к кульминации». А вот это меню, в котором на бесконечном числе страниц расписано всё до последней детали... это просто скучно. Что за интерес, когда возможно *всё*?

Омега недовольно посмотрел на него.

— Я ограничусь стаканом воды, пожалуйста, — перед ним тут же возник стакан. — И счёт, пожалуйста.

— Вы мой гость.

Доктор надпил воду:

— Бесплатный сыр только в мышеловке. Мы оба знаем, что я был допущен сюда не просто так. Не могли бы мы перейти к делу?

Омега положил обглоданную кость на тарелку, и кость тут же растворилась.

— Я хочу вернуться во вселенную вещества.

— Что же, — сказал Доктор, глубоко вздохнув, — нельзя иметь всё, чего хочется.

Омега заворчал, и замок немного задрожал.

— Ворчание ничего не изменит, — едко заметил Доктор. — Это невозможно. Ваше сознание нужно для поддержания созданной вами вселенной, без вас ей придёт конец. Но вы — часть этой вселенной. Вам не уйти, не уничтожив себя. Вы пробыли тут два миллиона лет, в вашем распоряжении был бесконечный запас ресурсов, и вы не смогли придумать решение этой проблемы. Я очень польщён, что вы считаете, что я придумаю что-нибудь за ужином, но... иногда решения просто нет.

— Вы очень проницательны, — прорычал Омега.

— Пожалуй, да, — согласился Доктор. — Решение вполне очевидное: нужно добыть другое сознание, которое снимет с вас эту обузу. Оно будет поддерживать вселенную, а вы сбежите. Это вы и предложили Савару: быть богом здесь, в этой бесконечной позолоченной клетке. Но Савару ваши условия не понравились, и всё, что вам удалось — вы сделали его особенно чувствительным к Эффекту. Это ведь вы стоите за его перевоплощениями?

Омега кивнул.

— И вы начали разыскивать во вселенной другого кандидата. Повелителя времени на пороге смерти, которому нечего терять. Вы бы ответили на его молитвы, и дали бы ему не просто жизнь, а вечную жизнь, — Доктор посмотрел на другой край стола и улыбнулся жене. — Но наша общая подруга отказалась.

— Нет, — мягко сказала она. — Нет, я не отказывалась.

Зал снова наполнился хохотом Омеги.

Доктор растерянно посмотрел по сторонам.

— Скажи ему, — велел Омега.

— Меня убили, — спокойно сказала она. — Пуля в затылок. Для запуска регенерации выжило недостаточное количество мозга. Я бы умерла. Омега следил за мной, он изъяс меня из пространства-времени за мгновение до моей смерти. Я материализовалась на сером песке, голая, одна. Я подумала, что это загробная жизнь, и в какой-то мере так оно и было.

— Через какое-то время я дал ей о себе знать.

— В этом я не сомневаюсь, — сказал Доктор. — Ведь вы столько выиграете, если она примет ваши условия.

— Послушай его, Доктор. Он спас мне жизнь.

— Но не просто так, — ответил он. — В обмен ему нужна была свобода. Если бы Омега просто хотел тебя спасти, он мог бы изменить линии времени, сделать так, чтобы пуля пролетела мимо. Я это уже проверил, вы доказали, что можете вернуть Ларне жизнь не перенося её сюда.

— Совершенно верно.

— Но ваш план не сработал. Почему? Её сознания должно было быть достаточно. Вот что не даёт мне покоя. Вы из-за этого меня сюда заманили? Чтобы я разобрался, почему это не сработало?

— От вас не требуются ответы, Доктор. Вы сам и есть ответ.

Доктор поджал губы и постучал по ним пальцами:

— А вы уверены, что задали правильный вопрос?

Омега откинулся на спинку стула:

— Разорвав одну сковывавшую меня цепь, я обнаружил другую. Моё тело было уничтожено. Лишь моя душа выжила. Только эта часть меня всё ещё существует. Во мне не осталось ничего того, что может вернуться во вселенную вещества. Без... помощи.

— Омеге нужно, чтобы здесь оставалось после него сознание, — объяснила она, — и это могла бы быть я. Но тогда ему некуда было деться. Ему нужно тело, которое его душа могла занять. Он не может создать его с нуля, по той же причине, по которой не может покинуть вселенную антивещества.

— Моё тело уже занято, — сказал Доктор, положив руку на грудь. — Мною.

— У вас есть запасное, — Омега указал на треснутое зеркало.

Доктор увидел там себя, спящим на полу Либраринта.

— Тело повелителя времени. Во вселенной вещества, возле самого Эффекта. Я могу перенести себя в него и снова занять место во вселенной. Ситуация настолько идеальна, словно её создали нарочно.

— Кто? — спросил Доктор.

Омега засмеялся:

— Вы останетесь здесь, во вселенной, в которой вы бог, с женщиной, которую вы любите, и которую до этого считали навеки утерянной. Можете придавать этому месту форму, населять его, если вам угодно. У вас будет всё, всё, чего захотите. В буквальном смысле все ваши мечты. Всё, кроме возможности вернуться во вселенную вещества.

Доктор встал, вцепившись руками в край стола:

— И с чего вы решили, что я соглашусь на это? Зачем мне выпускать во вселенную бога, к тому же имеющего зуб на повелителей времени?

— Там я не буду богом, обнажённая сингулярность не может существовать в реальной вселенной. Я не хочу быть там богом. До того, как стать богом, я был мужчиной, и я хочу стать им снова. Это единственное, чего мои способности не могут дать мне здесь.

Доктор улыбнулся, его не обмануло страдальческое лицо Омеги. Он отвернулся от Омеги и подошёл к огню.

— Вы из той эпохи, когда Галлифрей правил мечом, когда он использовал свои огромные возможности для доминирования над остальными. Став Президентом, вы получите полный доступ к Матрице, к Великому Ключу, Орудию Дематериализации, Магнотрону, чёрным звёздам... не говоря уже о целом арсенале оружия, о котором известно

только Президенту. И вы один из Старейшин Галлифрея, один из истинных Бессмертных. Вы станете Президентом навеки. С сингулярностью или без, даже как мужчину вас ничто не сможет остановить. Ничто. Так что, боюсь, я не могу позволить вам вернуться.

Омега едва заметно улыбнулся:

— А с чего вы взяли, что у вас есть выбор?

ГЛАВА 11

Помяни Чёрта

Над бастionsами Станции вспыхнул синий свет, единственный свет в тёмной вселенной. Несколько мгновений спустя раздался далёкий рёв, словно обрушившаяся на берег волна или раскат грома. Вся структура пространства-времени кипела и бурлила, как котёл, и Станция раскачивалась вместе с ней, удерживаемая в целости стазисным гало.

Шестеро членов экипажа стояли на своих постах вокруг консоли Станции. К тому, что пол качается у них под ногами, они привыкли ещё несколько часов назад. На Станции не было никаких повреждений, и они пришли к выводу, что это была не нацеленная на них атака, а просто побочный эффект увеличения бреши в пространстве-времени. Со времени потери контакта с Галлифреем щель расширилась, пространство и время вокруг неё сжались. Самыми заметными последствиями этого были внезапные сильные всплески энергии. Проведя в мёртвой вселенной почти день, экипаж Станции проанализировал вызывающие разлом реакции вещества с антивеществом и научился предсказывать поведение Эффекта.

Несколько менее чувствительных приборов были по-прежнему направлены на Спицу, лорд Хемал и лорд Квардук окружили объект в своих ТАРДИС. Близко они, разумеется, не приближались. Те, кто остался на Станции, были спокойны. Теперь они ждали, уверенные в том, что смогут переждать

бурю. Они ждали, прореагируют ли обитатели Спицы на их присутствие, ждали ослабления возмущений, ждали восстановления Галлифреем врат времени.

В течение дня они составили сложную карту обитаемой зоны Спицы, собирая всю информацию, которую могли дать их приборы. Хедин всё это время не отдыхал. Техники работали посменно: пять часов работы, пять часов отдыха. Даже Магистрат нуждался в отдыхе, но — как и другие члены экипажа — он обнаружил, что не может заснуть. Он сидел в кресле, пил вино и восхищался выносливостью старшего коллеги. Хедин не отлучался, он терпеливо наносил точки на карту и сравнивал результаты наблюдений с компьютерными предсказаниями, не демонстрируя ни единого признака утомления.

— Кажется, мы закончили, — объявил Хедин. — Полная топография и полный анализ потоков энергии.

Техники у других пультов кивали, соглашаясь.

Магистрат отставил бокал на столик и вернулся к консоли, поднявшись по ступенькам к своему месту в центре командной палубы. Сменявший его там молодой техник Кинксок уступил ему место.

— Покажите! — приказал Магистрат.

В колонне в центре консоли возникло голографическое изображение Спицы. Все шестеро, кто стоял за консолью, рассматривали его. Оно было окружено тонкими жёлтыми линиями.

— Периметр обороны охватывает всю Спицу, — начал Хедин. — Проекторы энергии расположены по длине Спицы с интервалом в несколько миллионов километров. В обитаемой зоне их концентрация выше.

Изображение увеличилось, показывая зону, поддерживавшую биосферу.

— Здесь активность очень слабая. Множество свидетельств бурной жизни в прошлом, но сейчас признаков жизни почти нет. Но есть небольшой синтезный генератор... вот тут, — изображение снова увеличилось, — и это ключевой пункт.

Это была похожая на пирамиду конструкция высотой несколько миль, нуждающаяся в серьёзном ремонте.

— Здесь есть признаки жизни. Также, тут находится крупный узел информационной инфраструктуры. У меня есть подозрение, что вся система обороны управляется из расположенного здесь комплекса.

— Признаки жизни? А Доктора вы нашли? — Магистрат пристально всмотрелся в изображение, словно мог его там разглядеть.

Хедин нервно улыбнулся:

— Не знаю... Постойте...

От одного конца Спицы к другому пробежала яркая вспышка света. Вся конструкция заметно покачнулась. Спица была такой огромной, что сила, способная её двинуть, должна была быть просто колоссальной.

Освещение начало мерцать. Магистрат осмотрелся.

— На нас напали? — спросил он.

Техник Апа широко улыбался:

— Нет, нет. Наоборот!

Раздался скрежещущий стон, и в углу командной палубы медленно появился белый обелиск. Не успел процесс завершиться, как в нём отодвинулась в сторону дверь, и из неё выбежали несколько повелителей времени и стражей. У всех у них были аптечки для оказания медицинской помощи. За ними

на анти-гравитационных плотах выплыли три похожие на гробы медицинские капсулы.

Во главе группы была одетая в красную рабочую тунику леди Ларна.

Магистрат улыбнулся. Она его заметила и повернула в его сторону. Он пошёл ей навстречу.

— У вас тут есть энергия, — сказала она.

Магистрат кивнул.

— Ваша связь с Оком была оборвана, мы опасались худшего.

К ним подошёл Хедин:

— Доктор придумал, как нам выкрутиться.

— Он добрался сюда, — сказала она, кивая. Она знала, она в нём не сомневалась. — Где он сейчас?

Магистрат махнул рукой в сторону центральной колонны и голограммы Спицы.

Ларна кивнула. Она не хуже Магистрата знала, что Доктор может сам о себе позаботиться.

— У нас мало времени, — деловым тоном сказала она.

Она отстегнула от запястья небольшую коробочку и вложила её в ближайшую панель управления. В тот же миг возникло изображение Кастеляна. В течение секунды оно дрожало. Магистрат нахмурился. Такая простая технология, как темпоральная передача изображений, не должна давать сбоев. Он снова посмотрел на Ларну — она, скривившись, держала палец на кнопке.

— Он планирует удалить её из пространства-времени, у него всю ночь руки чесались сделать это. Поговорите с ним.

Магистрат кивнул. Она отпустила кнопку.

— ...им. Займись этим, Пендрел.

— Теперь я вас слышу, Кастелян, — сообщил Магистрат.

Высокая голограмма обернулась, явно довольная тем, что канал связи снова работает.

— Я всё ещё исполняю обязанности Президента, Магистрат. Рад вас видеть. Мы боялись, что вас уже нет в живых. Наше оружие заряжено и готово к запуску.

— Здесь ситуация стабилизировалась. Не открывайте огонь.

Воран был явно недоволен:

— Превентивный удар может...

— Там, внизу, сейчас находится Доктор, — настаивал Магистрат.

— В данный момент, Магистрат, это меня скорее... — Кастелян мелодраматично вздохнул. — Ну, если вы уверены...

Магистрат формально всё ещё говорил с Кастеляном, но обращался скорее к Ларне:

— Доктору удалось добраться до поверхности Спицы, но мы не знаем, что с ним было дальше. У нас нет подробных карт Спицы, в том числе её оборонительных систем.

Кастелян кивал головой:

— Похоже, вы держите ситуацию под контролем. Хорошо. Здесь, на Галлифрее, есть несколько дел, требующих моего внимания. Мы продолжим следить за вашей ситуацией, и вы, разумеется, можете рассчитывать на любое количество людей или ресурсов, которое вы сочтёте нужным. Я вышлю вам подкрепление, Магистрат, но леди Ларна, боюсь, должна вернуться в Капитолий.

Ларна едва заметно покачала головой. Магистрат стал между ней и Вораном.

— Знания леди Ларны необходимы здесь, Кастелян. Нам нужно разработать план действий.

Воран вздохнул:

— Хорошо. Доложите мне свой план в течение часа, наш запасной вариант я держу в состоянии готовности. Магистрат, и расположите Станцию и оставшиеся ТАРДИС в конфигурацию дематериализации. Ситуация у вас всё ещё представляет угрозу для Галлифрея, не забывайте об этом. Это всё, Пендрел. Спасибо.

Изображение Кастеляна пропало.

— Спасибо, — сказала Ларна. — Что задумал Доктор?

— Я, вообще-то, надеялся, что это вы мне об этом расскажете.

— Он мне не сказал, — на её лице было разочарование. — Но там, внизу, есть могущество. Я не думаю, что он хочет его для себя, но это такое искушение.

Магистрат указал на одну из секций консоли:

— Благодаря лорду Хедину мы знаем, где Доктору удалось приземлиться, мы даже знаем примерно, где он находится сейчас.

Она сразу двинулась к приборам:

— Я попробую найти его точное положение.

— Мне это не удалось, — качая головой, сказал Хедин.

Ларна ему улыбнулась:

— Лорд Хедин, вы уже на грани полного истощения, — прошептала она, — к тому же вы, наверное, уже давно сами не создавали модель для камеры бесконечности, а лишь манипулировали готовыми.

— Кроме того, — сказал Магистрат, впечатлённый её бестактностью, — *вам* его телепатический след будет найти гораздо легче.

Ларна покраснела, а Хедин и Магистрат тихо засмеялись.

Он не спал уже много недель.

Двойная жизнь Савара не давала ему ни спать, ни видеть сны.

Его другое я, слепое, не ощущало этой потери. Наоборот, эта потеря подпитывала его безумие, служила его предназначению. Его тёмный хозяин возвращался. Этот Савар ощущал это, ему нужно было предотвратить это любой ценой.

Он чувствовал, как надвигаются силы зла и тьмы. Не только запертый бог. Он всего лишь первый. Но его поражение могло бы отпугнуть остальных, отложить неизбежное.

Было время, когда Савар сомневался в существовании зла, думал, что его придумало упорядоченное общество, или даже элита этого общества. Тогда темнота была для него всего лишь отсутствием света. Но теперь всё изменилось. Он сам был злом, по крайней мере, его часть. Он знал, что с наступлением ночи возникала его копия с тёмными сердцами. Он чувствовал в себе это зло и сейчас, оно было у него в крови, в его ДНК. Но было ли это зло в каждом или только в нём? Если оно оставалось запертым, было ли это то же самое, как если бы его не было вообще?

У него был кошмар о будущем, в нём он видел освещённые свечами тоннели, самые старые части Цитадели. Место, где всё это решится. Он должен был быть там, он должен был призвать темноту, бывшую в нём.

Его разум проник в замок его тюремной камеры. Он нашёл засовы и сместил их.

Замок щёлкнул, и дверь открылась.

Ларна тёрла глаза и смотрела на очередное проплывающее по монитору изображение поверхности Спицы. Она ввела в компьютер задание для поиска.

Консоль издала тихий звон.

— Я нашла его, — объявила Ларна.

Био-сигнатура Доктора была на краю обнаруженного Хедином строения. Были там и другие формы жизни. Зная теперь, где искать, Ларна начала увеличивать разрешение сканирования.

Магистрат поднимался к консоли, чтобы посмотреть в центральную колонну. Изображение приближалось с головокружительной быстротой. Оно сфокусировалось на куполе, а затем сканеры проникли и под него.

— Так быстро? — спросил он.

— Хедин был ближе, чем думал.

Но она понимала, что Магистрат не согласен с её объяснением, он был действительно впечатлён.

На мониторе перед ней изображение становилось более резким. Ларна ахнула. Магистрат смотрел в колонну, рассматривая то же самое: Доктор неподвижно лежал на куче кирпичей.

— Он живой? — спросила она.

— Он в глубокой коме, — сказал Хедин. — В том же помещении четверо гуманоидов.

Изображение переключилось, показав троих спящих мужчин в тёмных одеждах. Четвёртый караулил, присматривая за всеми.

— Это люди Спицы? — спросил один из техников. — Я ожидал чего-то... чего-то большего.

— Что будем делать? — спросила она.

Магистрат какое-то время смотрел на изображение Доктора.

— Идёмте со мной, — приказал он. — Лорд Хедин, доложите о результатах поиска Совету.

Воран смотрел в камеру бесконечности.

Ему было хорошо видно Станцию и две ТАРДИС, занявшие вокруг Спицы положение для атаки. Это были единственные четыре объекта в мёртвой вселенной, которые обладали энергией.

Ряды окружавших его повелителей времени были неровные; никто, похоже, не понимал, где ему нужно стоять, за исключением монахов, которые стояли в стороне.

Хедин — вернее, изображение Хедина — стоял рядом с ним.

— Как видите, исполняющий обязанности Президента, мы заняли оборонительную позицию.

Изображение в камере беззвучно приближало Спицу, пока они не оказались внутри одного из зданий.

— Активность сосредоточена здесь, — сообщил Хедин. — Здесь мы обнаружили Доктора. Магистрат планирует опуститься туда в своей ТАРДИС и... — Воран почувствовал, что его тянут за рукав. — В чём дело, Пендрел? Надеюсь, это

что-то важное? — обернувшись, Воран увидел перед собой Пендрела, а позади него одного из сонтаран.

— Это заместитель командующего Грол. Он желает поговорить с лидером повелителей времени о деле чрезвычайной важности.

Исполняющий обязанности Президента фыркнул. Он уже забыл об инопланетянах. Ему хотелось послать их подальше, но вслух он этого, разумеется, не сказал. Существо было коренастое, одетое в те же космические доспехи, что и существа, которых он видел на видео публичного вещания. От него пахло дизельным топливом.

Воран повернулся к Хедину:

— Пожалуйста, не отключайтесь, милорд.

Хедин уважительно кивнул.

— Где Док-Тор, лидер? — рявкнул сонтаранин. Его раздутая голова и свиное лицо плохо сочетались друг с другом, редкие усики лишь усиливали впечатление, что это не вполне человек.

— Я лорд Воран, исполняющий обязанности Президента Верховного Совета повелителей времени, — он решил, что не стоит упоминать о том, что тот, кто отвечал за проведение переговоров, сбежал и подозревался в убийстве.

Сонтаранин прорычал:

— Ты годишься. Мы потеряли контакт с нашим лидером.

— Он сильно занят переговорами, — аккуратно сказал Воран. Немного поколебавшись, он добавил: — Личная встреча с Доктором и рутанским послом.

За спиной у Грола вспыхнуло изображение на камере бесконечности. Воран попытался выглянуть из-за сонтаранина,

чтобы увидеть, что там случилось. Вокруг Спицы потрескивали электрические разряды.

— Хедин, что там такое? — спросил он.

— Всплеск энергии из бреши в пространстве-времени, исполняющий обязанности Президента. Он происходит в соответствии с предсказаниями нашей модели.

Инопланетянин снова зарычал. Он шагнул так, что снова заслонил Ворану камеру бесконечности.

— Ты врёшь, бесчестное существо!

Воран возмутился:

— Как вы смеете! Я лидер Верховного Совета повелителей времени!

— Ваш титул мне непонятен. Предъявите мне генерала Сонтара!

Воран нахмурился:

— Оставьте меня в покое. Я слишком занят.

Сонтаранин ткнул рукой в сторону Ворана:

— Вы взяли в плен верховного лидера нашей расы. Это равносильно военным действиям. Наша делегация возвращается на наш флагман. Если вы не предъявите нам Сонтара в течение часа, мы будем вынуждены начать войну. Мы действуем по праву Межгалактического Закона.

— Вы объявляете войну Галлифрею? — спросил Воран, всё ещё пытаясь выглянуть из-за Грола на камеру. — Это смешно.

Грол прошёл мимо него к выходу.

Пендрел выжидающе смотрел на Ворана.

— Что? — спросил исполняющий обязанности Президента, жестом извиняясь перед Хедином.

— Нужно ваше разрешение для использования временного черпака, чтобы вернуть сонтаран на их флот, — объяснил Пендрел.

— Хорошо, хорошо. И чёрт с ними! Займитесь этим, — сказал Воран, отмахиваясь. — Простите, лорд Хедин. Что вы говорили?

Ларна думала о том, что сказала бы Врейто про «костюм неопределённости».

Горничная одобрила бы то, что он покрывал каждый сантиметр тела за исключением лица и ладоней, но в то же время она была бы в шоке от того, насколько тонким было это прикрытие. Это была матово-чёрная кожа, туго обтягивавшая все изгибы её тела, как чулок. Надевать его было неприятно: она поместила лоскут на бедро, и тот быстро расползся по ней, как плесень. После завершения он был сухой и на удивление тёплый.

Ларна была в ТАРДИС Магистрата, в ближайшей к командному отсеку каюте для гостей. Переодеваться в присутствии Магистрата она постеснялась.

Посмотрев в зеркало, она удивилась. Врейто это определённо одобрила бы. Костюм не привлекал внимание к телу, а превращал тело в пустоту, в чёрное пятно, от которого инстинктивно хотелось отвести взгляд.

В чём и была основная идея Костюма.

Она завязала волосы на затылке. Теперь она была готова возвращаться в отсек управления, к Магистрату.

Он тоже был в Костюме. Ларна обнаружила, что смотреть на него невозможно, поэтому сосредоточилась на том, что он делал. Он склонился над одной из медицинских капсул,

которые её команда доставила сюда с Галлифрея. Это был металлический ящик, неприятно похожий на гроб. Только пульсирующий внутри него мягкий свет и два символа на крышке выдавали его истинное предназначение. Магистрат при помощи небольшого прибора стабилизировал антигравитационное поле, поддерживавшее этот гроб в воздухе.

Он выпрямился, и Ларна засмеялась, когда он посмотрел мимо неё.

— Вы готовы? — спросил он, занимая место у пульта. — Вы знаете, что мы должны сделать?

Она глубоко вздохнула и кивнула:

— Мы залетим туда через параллельную вселенную, как это сделал Доктор, и спасём его.

Он дал ей небольшой наладонный контейнер. Тот удобно лёг в её руку и прилип к ладони.

— В нём четыре Z-летки, — объяснил он, показывая одну из своих. — Это диски размером с монету, которые останавливают течение времени в ограниченном объёме пространства. Прижимаете его к любой части чьего-то тела, и человек оказывается обездвижен, — он вернул диск на место. — Как только мы обезопасим Доктора и обездвижим всех людей Спицы, нужно будет найти центр управления и отключить систему обороны.

Магистрат улыбнулся; Ларна подумала, что выражение её лица выдало её чувства.

— Риска нет, — сказала она, — я знаю.

Его улыбка стала ещё шире.

— Риск есть, — тихо засмеялся он. — Мы будем рисковать своими жизнями. И наши там действия, о которых исполняющий обязанности Президента не знает, которые он не

санкционировал, могут спровоцировать войну между людьми Спицы и повелителями времени.

Восстановив дыхание, она засмеялась, внезапно почувствовав себя спокойнее.

— Я понимаю и я готова. Когда мы отправляемся?

Магистрат потянул рычаг, и дверь открылась.

— Мы уже прибыли, пока вы переодевались.

Он вышел за дверь, и не успела она выйти следом, как первый из людей Спицы уже висел у него на спине без сознания. Она лишь услышала странный шорох, а подняв взгляд уже увидела Магистрата, согнувшегося под весом пожилого мужчины в свободной чёрной одежде. На лбу у мужчины была Z-летка.

Пол был усеян обломками и щебнем. Под ногами был неровный пол, над головой — треснувший купол. Обернувшись, она увидела, что ТАРДИС замаскировалась под кусок обрушившейся кладки.

Магистрат направлялся к костру в центре помещения. Ларна — её подготовка, наконец, дала о себе знать — пошла за ним, прикрывая его со спины. На изображении этого помещения, которое они видели со Станции, Доктор лежал без сознания возле костра. Там спали трое людей Спицы. Четвёртый сторожил на краю помещения. Это его обездвигил Магистрат.

Освещение было очень слабое, но её глаза быстро привыкли. А вот к холоду она была не готова, и Костюм её не грел. Ей пришлось потереть ладони друг об друга, чтобы разогнать кровь.

Доктор лежал на полу, похоже, в глубокой коме. Вокруг него спали трое людей Спицы.

Она подошла к Доктору, слыша, что медицинская капсула следует за ней.

Трое людей Спицы пошевелились. Она подумала, что Магистрат сейчас обходит их с другой стороны, незаметный благодаря темноте и Костюму. Лучшее, что она могла сделать — отвлечь их, пока он выйдет на удобную позицию. При этом она сможет одновременно заниматься Доктором.

— Стоять! — приказал голос позади неё, слева.

— Добрый вечер! — сказала она, не поднимая голову.

Она опустилась на колени рядом с Доктором. Как она и думала, он находился в каком-то подобии транса самоизлечения. Внешних повреждений на нём не было.

— Встаньте!

Она не послушалась. Они окружили её. У самого старшего в руке был длинный деревянный посох. У других были какие-то пистолеты.

— Где Паллант? — спросил один из них.

Кто-то постучал по крышке медицинской капсулы:

— Это что, мобильная медицинская помощь?

Ларна встала, подняв перед собой руки.

— Это всего лишь медицинская капсула, — сказала она.

— Разведите руки! — крикнул один из них.

Другой, самый старший, у которого был посох, отошёл от неё и исчез в тенях. Странное время он выбрал для этого.

Осталось двое. Ларна улыбнулась и пошла к ближайшему. Она только что мельком увидела в тени Магистрата. Старик уходил, и Магистрат шёл за ним.

— Стой, стрелять буду! — крикнул мужчина, к которому она приближалась.

Ларна продолжала идти к нему. Она была между мужчинами.

— Я не знаю, что мне делать... — беспомощно крикнул он своему товарищу.

— Гелиос, что нам делать? — вскрикнул второй, явно обращаясь к ушедшему старику.

Ларна задержалась.

Они оба открыли огонь. Их пистолеты были каким-то импульсным энергетическим оружием, они стреляли вспышками света, издавая при этом свистящие звуки. С такого расстояния они не могли промахнуться.

Костюм заработал: Ларна внезапно оказалась левее того места, куда они стреляли, и они в неё не попали. Простое применение принципа неопределённости Гейзенберга, объединённое с довольно примитивной технологией перемещения во времени. Костюм следил за будущим и перемещал себя вместе с хозяином туда, где не было большой опасности.

Но энергия должна была куда-то деться. Два всплеска энергии. Первый шёл спереди, прошёл у неё над головой, и она услышала треск и приглушённый взрыв — энергия угодила в стену. Второй импульс шёл из-за её спины. Он прошёл мимо неё примерно на уровне груди, по чётко прямой линии. На долю секунды раньше, чем это случилось, она поняла, что он попадёт в стоявшего перед ней мужчину.

Его грудь взорвалась, он падал на спину, руки и ноги беспорядочно дёргались. Ларна пыталась его предупредить, но всё уже произошло, его уже отбросило назад. Мужчина позади неё запаниковал, он стрелял в неё снова и снова. Эти выстрелы выбивали обломки из стен и полок.

Ларна пошла к раненому; выстрелы её не задевали, а от медицинской капсулы они просто отскакивали. Была, правда, опасность того, что шальной выстрел попадёт в Доктора.

Ларна присела рядом с раненым. На груди у того была ужасная сочащаяся рана. Она вынула Z-летку. Он был ещё жив, он смотрел на неё умоляющими, переполненными ужаса глазами. Она улыбнулась ему и прижала Z-летку к его лбу. Он замер, его рана тоже. Врач мог бы назвать это «состояние стабильное».

Старик с посохом сбежал, раненый обездвижен, часовой обездвижен. Остался только стрелок. Он оставался на месте, всё ещё возле костра, недалеко от Доктора и медицинской капсулы. Он всё ещё стрелял по ней, но выстрелы следовали уже реже: видимо, он понимал их бесполезность. К счастью, стрелку не пришлось в голову взять Доктора в заложники. Единственное, что он сделал — расстегнул плащ и сбросил его на землю, чтобы тот не сковывал движения.

Ларна пошла к нему. Он выстрелил два раза, оба раза мимо. Когда между ними было меньше метра, он попытался ударить её пистолетом. Он промахнулся. Рядом с его стулом была металлическая пластина. Ларна нагнулась, подняла с пола пластину, позволив ему выстрелить в упор (в этот раз импульс проделал большую дыру в полу). Она взмахнула пластиной и ударила его по голове. Он зашатался и потерял равновесие.

Он успел выстрелить ещё один раз. Выстрел попал в пластину, и выбил её из рук. Ларна вскрикнула и схватилась за запястье. Она похолодела, поняв, что пластина сбила контейнер с Z-летками, и тот валяется сейчас где-то на полу, среди мусора.

Костюм зашипел.

Нет, только не это...

Она подняла руку и увидела, что та постепенно становится видимой. Он повредил её костюм, смог его надорвать. Ещё несколько секунд, и она окажется перед вооружённым солдатом, одетая только в бельё.

На полу что-то блеснуло. Одна из Z-леток — в ней отразилось пламя. Но до неё не дотянешься.

Пока действие Костюма ослаблялось, она стояла на месте, позволяя стрелку рассмотреть её — увидеть, где она; увидеть, что она всего лишь женщина.

Костюму осталось жить несколько секунд. Стрелок поднял пистолет. Они были совсем рядом, стояли над Доктором

Ларна бросилась вперёд, схватила его за запястье и заломала ему руку. Вскрикнув, он выронил пистолет. Он взмахнул кулаком, но она успела откатиться в сторону, и он ударил по мраморному полу, почти наверняка сломав себе пальцы. Несмотря на это, он бросился на неё, вложив весь свой вес в удар, который не мог попасть в цель. Уворачиваясь, Ларна подняла Z-летку и прижала диск к его лбу. Он упал — шевелиться он уже не мог, но сила тяжести на него всё равно действовала.

Ларна глубоко вздохнула и присела рядом с Доктором, чтобы пощупать его пульс. Доктор был тёплый — теплее, чем она. Он был в глубокой коме. Она проверила его дыхание, шею, грудь. На нём не было никаких очевидных ран. Она забросила его руку себе на плечи, взяла его одной рукой за талию, а другой за ноги, и подняла.

Он тихо застонал.

— Ты в безопасности, — сказала она ему.

Она выпрямилась. Медицинская капсула подлетела к ней спереди, крышка открылась, и капсула наклонилась, чтобы принять пациента. Ларна шагнула вперёд вместе с Доктором и опустила его в ящик. Крышка над ним закрылась.

Было холодно. Она вспомнила, что человек со Спицы, которого она обездвижила последним, сбрасывал с себя плащ. Она нашла этот плащ и набросила его себе на плечи. Как она и подозревала, в плаще было очень тепло. Материал хорошо согревал, словно в нём были нагревательные элементы, как в электрическом одеяле.

Она совсем забыла о Магистрате. Он ушёл за последним, за стариком с посохом. После этого он должен будет начать поиск комнаты управления системой обороны. Ларна заметила, в какую дверь они пошли. Она поспешила туда же, по короткому, плохо освещённому коридору. Было тихо... нет, она слышала, как рядом кто-то движется. Она впервые так делала: впервые шла по коридору, не зная, что её ждёт в конце. Всю свою жизнь она провела в идеально отрегулированном окружении Капитолия, она знала там каждую комнату, каждую нишу. А здесь... Здесь могла быть комната, полная этих львиных существ, которых она видела со Станции, или боевые роботы, которых сканеры не зарегистрировали.

В двадцати метрах перед ней была кирпичная арка. Звук доносился из той комнаты. Ларна напряглась и аккуратно заглянула за угол.

— Заходите, дорогая, всё уже кончено.

Магистрат стоял у подсвеченной сзади панели управления. Старик лежал в углу; его лицо было в синяках, изо рта торчала Z-летка. В стенах этой маленькой комнаты было множество

ниш и полок, которые были уставлены древними на вид артефактами с разных планет.

Магистрат заметил, что её костюм не работает:

— Проблемы?

— Я разобралась со всеми, Доктор в медицинской капсуле.

Он снова повернулся к панели управления:

— У вас ваш компьютер с собой?

Она стала рядом с ним, отстегнула от пояса терминал, положила его на интерфейсный разъём и активировала. Обычно галлифрейское оборудование справлялось с расшифровкой чужих технологий, и этот случай не был исключением. Нечитаемый текст на дисплее быстро сменили галлифрейские символы.

— Он мощный, — сказала она. — В других обстоятельствах я бы просто подключила его к Матрице, но это может дать людям Спицы возможность проникнуть в неё.

— Мы их всех нейтрализовали, — напомнил ей Магистрат.

— Всех, о ком мы знали, а о способностях их компьютеров нам вообще ничего не известно.

Он задумчиво кивнул.

Несмотря на использование только портативного оборудования, инопланетный компьютер не смог сохранить свои секреты.

Магистрат смотрел на дисплей.

— Эта панель управляет обороной всей Спицы, — недоверчиво сказала она.

— Ну, Хедин же предвидел, что мы найдём здесь управление.

Она изменила несколько настроек:

— Это единственный компьютер. Вся оборонительная система автоматизирована и управляется через этот ящик.

— Это вполне разумно при маленьком населении, — холодно сказал он. — С их стороны было бы предусмотрительно припрятать где-то запасные блоки, но запасные нужно ещё включать и программировать. Вы можете переключить на этот ящик все оборонительные системы?

Она кивнула и нажала соответствующую кнопку:

— Теперь всё управляется отсюда. Все системы обороны отключены.

— Хорошо. Вы позволите? — Магистрат отодвинул её в сторону и отстегнул от пояса короткую чёрную трубку. Он направил трубку на панель на стене, та треснула и взорвалась снопом искр.

— Это должно нам помочь, — сказал он и взял у неё компьютер. — Мы должны вернуть Доктора на Станцию. Возвращайтесь к ТАРДИС и занесите его вовнутрь. А я тут ещё не закончил.

Он дал ей ключ от ТАРДИС.

«Я не хочу идти одна», — чуть было не сказала Ларна, но успела остановиться.

Он улыбнулся, пытаясь успокоить её.

— Возьмите вот это, — предложил он, протягивая ей оружие, которым уничтожил панель управления. — Вам оно не понадобится, но с ним вам будет спокойнее.

Оружие было тяжелее, чем казалось на вид. Ларна убедилась, что понимает, как им пользоваться, и пристегнула его к поясу.

Накопление энергии вокруг Спицы приближалось к максимуму. На её поверхности мерцали похожие на молнии разряды. От них не было ни разрушений, ни шума. Они беззвучно вспыхивали на поверхности Спицы, направляясь в стороны от неё.

Что-то происходило.

Что-то приближалось.

Магистрат стоял на коленях и хрипло дышал. Каменная плитка была мокрая, холодная вода просачивалась сквозь его Костюм.

— Ты будешь мне служить? — спросил спокойный голос.

— Ни за что! — сказал Магистрат, поворачиваясь на голос.

Смотревшие на него красные глаза загорелись ярче, Магистрат вскрикнул и, не выдержав, отвёл глаза.

— Я следил за тобой, я видел все твои жизни. Я знаю, кем ты был и кем ты станешь. Ты не заслужил такой конец. Служи мне!

— Нет! — сказал Магистрат.

— Пусть будет так.

Он махнул рукой, и Магистрат исчез.

Время от времени пол трясся. Ларна вернулась в помещение с костром, в котором Доктор лежал в медицинской капсуле. Судя по звукам, под ней были какие-то большие, как двигатели большого океанского лайнера, машины. Машины, которые судорожно останавливались. Звуки были механические, далёкие.

Она подошла к костру, к единственному источнику тепла в этом помещении, и единственному источнику света, если не считать тусклые лампы на стенах и голубое гало вокруг

медицинской капсулы. Света костра хватало на то, чтобы разглядеть ряды полок и форму стоявших на них предметов, но разглядеть, что это за предметы, не удавалось.

Единственным звуком был размеренный пульс генератора медицинской капсулы. Она присела рядом с ним, чтобы проверить показания приборов. Судя по показаниям, Доктор находился в глубокой коме, признаков физических повреждений не было.

Ларна взяла в руку ключ от ТАРДИС.

В дальней части комнаты раздался какой-то шум. Хруст, стук.

Она тут же вскочила на ноги, готовая к нападению.

Трое обездвиженных людей Спицы должны быть там, где она их оставила. Она пошла между обломками на полу, чтобы проверить каждого. Первый протягивал вперёд руки, словно пытался остановить её. Ларна не смогла заставить себя приблизиться к нему. Она убеждала себя, что это глупости: Z-летка была по-прежнему у него на лбу.

Второй мужчина лежал на месте, Z-летка спасала его жизнь. В груди у него была дыра, эта рана выглядела ещё страшнее от того, что не двигалась, кровь удерживалась статическим полем на месте. Ларна подумала о том, кем были эти люди, как их звали. Со Станции она прочёсывала эту территорию в поисках признаков жизни. Было некоторое количество охотников-хищников, но ими жизнь практически и исчерпывалась. Хотя нельзя было полностью исключать возможность наличия других жителей, больше они на Спице людей нигде не обнаружили. Было ли им тут так же одиноко, как Ларне? Она знала, что может вернуться на Станцию, на Галлифрей. А у этих людей были только эти руины.

Где был третий?

Она развернулась, пытаясь сориентироваться. Он был у одной из трёх дверей, но у которой? Все три двери были в тени. Она взяла себя в руки и позволила глазам привыкнуть к темноте. Проход к двери был расчищен от мусора. Из-под обломков выглядывал красивый мрамор. Когда тут был солнечный свет, в мраморе, наверное, можно было увидеть красивые зелёно-золотистые прожилки, но в этой мёртвой темноте такие нюансы были уделом прошлого.

Снова что-то стукнуло. В той стороне, куда она шла. Ларна глубоко вдохнула, но не остановилась.

Последний стоял там, где его оставили, Z-летка была у него на голове, там же, куда её прилепил Магистрат. Это *здесь* он был последний, — поправила она себя. Был ещё один, самый старый, на полу комнаты управления. Этот был темнее, чем остальные. Он выглядел спокойнее, увереннее в себе. Она снова не смогла заставить себя подойти совсем близко. Она была в двух метрах от него. Даже с такого расстояния, даже в темноте она видела, что все метаболические процессы в нём замерли. Он не дышал: его грудь не вздымалась, ноздри оставались абсолютно неподвижными. Даже самый изощрённый гимнаст не смог бы устоять в такой позе так долго, да ещё чтобы при этом не дрожали мышцы.

Он же был в стазисе, почему она его так боялась?

Она сказала себе не быть душой и подойти поближе.

Его одежда была старая, выцветшая. Манжеты обтрёпанные.

Когда-то эта одежда была красивой, из тончайших шёлка и хлопка, украшенная вышивкой. Похожий на резину плащ

выглядел новее, словно его взяли со склада всего несколько лет назад.

Она сделала ещё один шаг, остановившись совсем рядом.

Лицо у него было доброе. Это был честный воин, а не какой-то головорез.

Она протянула руку и погладила его лицо. Она всё равно боялась его. Этот мужчина был статуей, удерживаемой на месте тем же процессом, который мог не дать вчерашнему дню стать сегодняшним, а триста шестьдесят второй странице книги стать триста шестьдесят третьей.

Она была повелительницей времени с Галлифрея, она лучшая выпускница среди одноклассников. Она сейчас на инопланетном артефакте, в триллионах лет от дома, ей поручено спасти жизнь члена Верховного Совета. Это то, чего ей всегда хотелось, и она позволяет своим иррациональным страхам одержать верх над ней.

Ларна улыбнулась и закрыла глаза. Она была один-на-один со вселенной. Эта изоляция была свободой. Всё именно так, как ей всегда хотелось. Была опасность, была неопределённость, но был и выбор, были возможности. Она не знала, что случится дальше и что она увидит, когда откроет глаза.

Что-то коснулось её руки.

Её глаза и рот раскрылись. Раздался слабый звук. Ларна поняла, что этот звук вырвался из её рта.

На лицо и на плечи мужчины с потолка сыпалась пыль.

Она снова начала дышать, пытаясь снизить количество адреналина в крови до обычного уровня.

Успокоившись, она повернулась к замершему воину спиной и пошла обратно в центр помещения. Медицинская капсула по-прежнему стояла вертикально.

И как раз в этот момент капсула упала в костёр.

Капсула накрыла огонь, и от неё во все стороны разлетелись облака пепла. В помещении стало темно, но Ларна продолжала идти, уверенная в направлении. Антигравитация капсулы отключилась, капсула полностью обесточилась.

— Доктор! — закричала она.

Какое-то время ему там ничего не грозит, его защитит корпус капсулы. Но она не знала, как долго.

Больно! Она обо что-то споткнулась. Металлическая балка. Она остановилась и нагнулась, чтобы ощупать рану. Когда рука нащупала липкую кровь, Ларне показалось, что кровь её заразила, как будто частички ржавого металла начали плодиться в её теле, как бактерии.

Голова закружилась, ей нужно было сесть. Какая-то часть её мозга аккуратно усадила её на пол.

Это спасло ей жизнь.

Медицинская капсула взорвалась дождём осколков. Должно быть, тепло костра создало достаточное давление, чтобы...

— Доктор! — снова закричала она.

Она вскочила на ноги, забыв о своей ране.

Остатки медицинской капсулы скрючивались в жаре пламени.

Ларна остановилась на безопасном расстоянии, понимая, что если Доктор до сих пор там, он уже мёртв. Её единственной надеждой было то, что он почему-то не был там. Она попыталась подойти поближе, но жар был слишком сильным.

Позади неё раздался стук. Ларна сняла с пояса оружие Магистрата и протянула его вперёд, как фонарик.

— Кто там? — спросила она.

Тени двигались. Вокруг неё мелькали то голова, то рука. Некоторые из теней были её собственные, но не все. Не все. Тут был кто-то ещё.

Это был Доктор.

Он, шатаясь, вышел из теней и опёрся на один из стеллажей.

— Доктор, — тихо сказала она. — Это я.

Он выпрямился, расправил плечи и широко раскрытыми глазами осматривался по сторонам.

Помещение затряслось, послышался скрежет кирпичей друг о друга. Сверху посыпались песок и штукатурка.

— Огромная сила... высвободилась. Нам нужно спастись.

На мгновение она испугалась, что он стал как Савар, обезумел от увиденного.

Она взяла его за руку. Он неуверенно посмотрел на руку, потом посмотрел ей в глаза и неуверенно улыбнулся. Он осмотрел её с ног до головы, словно они были едва знакомы.

Наконец он бросился вперёд, обнял её, чуть не задушив, и начал целовать её лицо.

— Ларна, — сказал он. — Ларна, Ларна.

Она опустила голову на его плечо, не понимая, кто из них кого держит.

— Я думала, что ты погиб, — сказала она.

Доктор выпустил её из объятий и начал оглядываться в поиске выхода.

— Нам нужно торопиться, аннигиляция вещества и антивещества усиливается, — словно в подтверждение его слов, пол снова пошатнулся. — Брешь в пространстве-времени расширяется.

Он увидел ТАРДИС и пошёл к ней.

Ларна схватила его за руку:

— Подожди. Доктор, ты должен объяснить мне, что происходит, — она указала ему на стопку книг, надеясь, что он ненадолго присядет.

— Прости. Да, — сказал он, продолжая идти к машине времени. — Я объясню по пути.

Дойдя до двери, он провёл по ней рукой.

Ларна отперла дверь ключом, и они зашли вовнутрь.

Внутри было тепло и сухо по сравнению с местом обитания людей Спицы. Доктор направлялся к консоли. Ларна шла за ним, потирая раненую ногу.

— Нам нужно дождаться Магистрата.

Доктор проигнорировал её и начал щёлкать тумблерами и двигать рычаги, словно в случайном порядке.

— Нет времени. Нужно возвращаться на Галлифрей.

— Нет! — крикнула Ларна, но было поздно.

Доктор запустил дематериализацию. Центральная колонна начала ритмично двигаться вверх-вниз, и Ларна почувствовала, как в расположенные под ними огромные двигатели хлынула энергия.

Доктор согнулся над приборами, проверяя и перепроверя заданный курс.

— Мы движемся напрямик во врата времени, — объяснил он. — Путь будет долгий, как минимум пару часов.

Он повернулся к ней и впервые с тех пор, как она его спасла, смог рассмотреть её как следует. Он улыбнулся, словно чувствовал себя немного неловко.

— У тебя нога ранена, — сказал он. Он начал рыться у себя в карманах. — Кажется, у меня где-то был йод.

— Объясни мне, что происходит, — сказала она, когда он подошёл к ней. — Почему мы бросили Магистрата? Что там с Омегой?

Он опустился на колени и снял с неё ту часть Костюма, которая прикрывала рану на ноге. Он нашёл небольшой пузырьёк и пропитал его содержимым свой носовой платок. Когда он прижал платок к ране, Ларна скривилась.

— Извини, — сказал он.

— Что произошло? — тихо спросила она. — Савар сказал, что там внизу великая сила, но...

Доктор приложил к её губам палец. Она схватила его за запястье.

— Расскажи мне! — настаивала она.

— Я шагнул за порог, — сказал он. — Я перешёл в другую вселенную. Антивещество, управляемое вскрытой сингулярностью.

Она отпустила его руку. Он не опустил руку, а провёл пальцами по её щеке, вокруг уха.

— Граница между вселенными вещества и антивещества является источником бесконечной, самоподдерживающейся энергии. Разумное существо может обуздать эту мощь, используя сингулярность, и воплотить теории в реальности. Это в буквальном смысле позволяет делать что угодно — отделить вещество от энергии, разрешить парадоксы, переписать законы математики и физики.

— Включая решение уравнений Агафона? Позволяет тому, кто её контролирует, управлять прошлым?

— Да. Всё, как и сказал Савар: всеведение и всемогущество.

У неё вырвался смех:

— Тогда зачем возвращаться?

— Ключом всего этого могущества является укрощение сингулярности, а она находится за горизонтом событий чёрной дыры, отрезана от остальной вселенной, как и задумано природой. Она может существовать только во вселенной антивещества.

— А... — сказала Ларна и Доктор посмотрел ей в глаза. — Нельзя ли...

Его губы растянулись в улыбке.

— Получить раскрытую сингулярность в этой вселенной? — закончил он за неё.

— Это должно быть возможно, — сказала она. — Для этого понадобится придумать способ испарить чёрную дыру, чтобы обнажить квантовую пену ядра. А затем понадобится придумать способ контролировать высвобождаемые при этом энергии. А прежде всего нужно захватить чёрную дыру.

Доктор улыбнулся:

— Или направиться туда, где нас уже ждёт захваченная чёрная дыра.

Ларна сомневалась:

— Око Гармонии?

Доктор пожал плечами:

— Название излишне мелодраматичное, но да. Чёрная дыра, которую Рассилон доставил на Галлифрей.

Ларна посмотрела на поднимающуюся и опускающуюся центральную колонну. Она прикусила губу:

— Это может сделать нас богами.

— Ты бы хотела этого? — спросил он.

Она поняла, что он её испытывает.

— А разве это не то, чего, по твоим словам, ты хочешь от Совета? Вмешательство?

Доктор наклонился над ней и провёл рукой по её лицу. Ларна не противилась.

— Ты хочешь, чтобы повелители времени помогли другим реализовать их потенциал, ты хочешь распространять мир и знания. Ты не хочешь завоёвывать вселенную.

— А чего хочешь *ты*? — спросил он.

Она засмеялась:

— Неважно, чего хочу я.

Его рука опустилась вдоль её шеи к медальону на её воротнике. Он потеревил рукой синий камень. Ларна посмотрела ему в лицо.

— Конечно, это важно, — сказал он. — Это важнее, чем всё остальное.

— Что ты хочешь, чтобы я сказала? — тихо спросила она. — Это фантазия...

— Это власть, — сказал он, проводя рукой по её плечу, обнажая его. — И ты знаешь, как её получить. Как бы ты ею распорядилась?

Ларна сглотнула:

— Ты меня испытываешь.

— Ты не хочешь, чтобы я тебя испытывал? — он массировал её плечо, снимая напряжение.

— Верховный Совет не позволит нам испарить Око Гармонии, — засмеялась она. — Это источник энергии для всего Галлифрея. Оно *не наше*.

— Возможно, они потом захотят вернуть его, — согласился Доктор, наклоняясь ближе.

— Подумай, о чём ты говоришь: гражданская война на Галлифрее, у обеих сторон неисчислимая огневая мощь. У них не останется другого выбора, кроме как применить против нас временную войну.

Она вздрогнула. Временные войны галлифрейского прошлого были кошмаром противоречий, парадоксов, и смерти. После этой войны повелители времени были вынуждены опечатать огромные участки пространства-времени, повреждение которых было уже невозможно восстановить.

— Я бы использовал против них временную войну. Если бы было необходимо, я бы сделал это первым.

— Как думаешь, это из-за этого появилась серая вселенная? — спросил она, пытаясь игнорировать его навязчивое внимание. — Из-за гражданской войны повелителей времени?

— Это не единственный способ, как она могла возникнуть, но вполне возможный.

— И ты готов этим рисковать?

— А ты? Мне понадобится твоя помощь, твои знания.

Она напряглась:

— Ты ведь не Доктор?

— Нет, — он нагнулся и провёл носом по её шее.

— Ты Омега. Ты как-то контролируешь Доктора, ты вернулся в эту вселенную. Что ты с ним сделал?

— То же, что и с Магистратом — убрал с дороги.

Он поцеловал её щёку. Она оттолкнула его.

— Ты — зло, — сказала она, и начала вставать.

Он положил ей руку на плечо, остановив её.

— Почему? Я дал Доктору то, чего он больше всего хотел. Я положил конец несправедливости, сделал всё так, как должно

было быть, — он снова наклонился к ней. — Без сингулярности я просто мужчина. А с ней мы будем богами. Ты правда думаешь, что что-то нас может остановить? Ты сможешь получить что угодно. Более того, ты сможешь получить всё. Это не будет тирания, не нужно будет проливать ни единой капли крови, вселенная добровольно подчинится тебе. Это зло?

— А ты мне подчинишься?

— А ты этого хочешь? — спросил он, отпуская её плечо. — Без сингулярности я не смогу предотвратить это.

— Ты просто мужчина? — Ларна почувствовала на поясе вес оружия Магистрата. — Смертный?

Он улыбнулся и протянул руку:

— Я просто мужчина. Тебе выбирать, Ларна. Чего ты хочешь?

ГЛАВА 12

Бесконечность и за ней

Левая рука, правая, левая, правая — Савар слезал вниз по кирпичной шахте к центру Галлифрея и Оку Гармонии.

Строительный раствор между кирпичами за тысячи лет поизносился, оставив зацепки для рук и ног. Раствор крошился под его пальцами. За спиной у него была колонна энергии, вырывающаяся из Ока. Чисто белая, толщиной как ствол дерева. Она слегка пульсирует и гудит, как хор молящихся.

Источник этой энергии зовёт его, во всяком случае, так ему кажется. Это его разум или какой-то инстинкт повелителя времени? Интенсивная гравитация чёрной дыры сворачивает вокруг себя пространство и время, и он чувствует это искажение так, как более низкие существа чувствуют яркий свет или жар пламени. Даже вдали от своей цели, он чувствует покалывание кожи.

Всё это время сидящий внутри него тёмный Савар напрягается, тужится вырваться на свободу. Он тоже хочет любой ценой добраться до Ока. Савара немного пугает мысль о том, что он, возможно, содействует другому, или у них вообще общая цель.

Он понимает, что это парадокс, понимает безумность этих мыслей, но ему нужно добраться до Ока раньше другого Савара, он должен добраться туда первый.

Савар продолжает спускаться.

Над волшебным садом блеснула молния, далёкий гром разбудил Доктора.

Ночной воздух был прохладный, но не холодный. Мягкая высокая трава заменяла матрас. Она спала рядом с ним, у основания большой яблони, запах её волос смешивался с запахом цветов. Он чувствовал, как она дышала, чувствовал биение её единственного сердца. Луны на небе не было, но было утреннее свечение, как будто бы близился рассвет. Но утро не наступит, пока он этого не пожелает.

Аккуратно, чтобы не разбудить её, Доктор встал, и какое-то время просто стоял над ней. Она спокойно лежала, свернувшись калачиком и подложив руку под щеку. В нелунном свете её тело казалось светло-серым, а светлые волосы — белыми. Он смотрел на неё и понимал, что не может представить себе жизнь без неё.

Они были здесь вдвоём от самого сотворения вселенной.

Он знал, что это тюрьма. Он знал, что его здесь заточило существо под названием Омега. Доктор знал, что он не должен был это знать, что Омега не хотел, чтобы он это знал. Но чего Доктор не мог понять, так это того, почему Омега скрывал от него это. Почему Омега думал, что ему захочется сбежать отсюда?

Не в силах сидеть на месте, Ларна вернулась в отсек управления.

Декор ТАРДИС Магистрата был весьма мрачным; узкие коридоры с угольно-чёрными стенами вели к тёмным, похожим на крипты спальням или к похожим на подземелья библиотекам и лабораториям. Отсек управления был таким же: мрачное,

укромное пространство, обитое чёрным деревом, в котором из мебели был лишь один единственный строгий стул с высокой спинкой. Единственными украшениями были размещённые на стенах сверкающие механизмы, которые могли оказаться как жизненно важными машинами, так и просто скульптурами. Здесь знакомый гул ТАРДИС приобретал задумчивый, зловещий оттенок.

Ларна стала у консоли. Центральная колонна поднималась и опускалась, как поршень. Откуда-то из-под ног доносился монотонный скрежет временных двигателей. Огни и индикаторы на консоли вспыхивали и гасли в загадочном порядке. Плоттер пути во времени пульсировал, но всё ещё не указывал времени прибытия. Путешествие не зависело ни от ТАРДИС, ни от пилотов. Они скорее падали сквозь дыру во времени, чем летели. Не было никаких признаков того, что их курс хоть немного отклонялся от математически идеального курса, вычисленного Матрицей. Не было ни единого признака того, что хоть один из многочисленных защитных механизмов, которыми была напичкана ТАРДИС, не работал. Несмотря на это, Ларна ощущала беспокойство ТАРДИС и разделяла его.

Возвращение на Галлифрей шло гладко; гораздо приятнее, чем путешествие в конец вселенной, с его видениями и галлюцинациями. Несмотря на долгий день, несмотря головную боль и ноющие мускулы, Ларна не могла уснуть. Частично это было связано с желанием не пропустить ни одного момента этого приключения. Но в первую очередь она не спала из-за страха увидеть очередной кошмар или снова почувствовать смерть. Последние несколько ночей это было так реалистично. Утонувшая в ледяном озере, ударенная ножом в сердце мужчиной, которого она любила.

На консоли что-то зажужжало и защёлкало. Обернувшись, она увидела, как там появился новый дисплей. До их прибытия осталось десять минут. Точка прибытия была под Цитаделью.

Нужно сообщить ему.

Спустившись с возвышения, на котором стояла консоль, она вышла из отсека управления. Главная спальня была рядом, дверь в неё была открыта.

Ларна зашла, рассчитывая найти его спящим там, где она его оставила. На кровати лежали только скомканные простыни и смятые подушки.

Обернувшись, она увидела его: он вышел из тени, застёгивая последнюю пуговицу чёрного пиджака с высоким воротником, надетого поверх белоснежной рубашки. На нём не было его — Доктора — очков. Почему? Это пижонство, или ему они не были нужны?

Он взял в руки пару кожаных перчаток, но затем передумал надевать их.

— Это одежда Магистрата, — укоризненно сказала она.

— То, что было на мне, надела ты, — напомнил ей голос Доктора.

— Извини, — сказала она, виновато посмотрев на кашемировый сюртук, в который она была одета.

— О, не переживай, — сказал он, обнимая её за талию. — Тебе это идёт больше, чем мне.

Она осмотрела его новый наряд. Одежда была строгая, аккуратная, и этот мужчина в теле Доктора совсем не был похож на Доктора.

— Тебе эта одежда тоже идёт, — сказала она.

Он поцеловал её в щёку.

— Опять босая, — холодно заметил он.

— Ты же знаешь, твоя обувь мне не... Откуда ты знаешь про предыдущий раз? У тебя не только его тело, но и его воспоминания?

Он улыбнулся:

— Нет. Брешь в пространстве-времени позволяла мне наблюдать за вселенной вещества, а к Доктору я питал особый интерес.

— Ты наблюдал за нами? — спросила Ларна, инстинктивно прикрывая рукой грудь.

— Я наблюдал за большей частью вселенной. Я видел, как три солнца галактики Сигимунд выстроились, чтобы сформировать Aurora Arctialis, видел вращение лептонов, образование драгоценных камней, рождение царей, подготовку великих пиров.

Он помолчал.

— Я всё видел, но был обречён не прикасаться, не чувствовать ни вкуса, ни запаха... — он обвёл глазами небольшую тёмную комнату, наслаждаясь каждой деталью, словно стоял на вершине высочайшей горы. На короткий миг он снова был Доктором.

— Мы приземлимся примерно через десять минут, — сказала она.

Он кивнул, словно уже знал об этом.

— Нам нужно как-то подготовиться?

— Нет, — он положил перчатки на кровать.

Сад был монохромный, пастельного оттенка.

Дерево было темнее, почти чёрное. Доктор восхищённо осмотрел его, а затем решил залезть. Лезть было легко, он

нашёл наверху ветку, которая была достаточно толстой, чтобы он мог на ней сидеть.

Сверху Доктору было видно план живых изгородей и клумб — прямые линии почти до самого горизонта. А на горизонте сад был окружён высокой каменной стеной. За ней был плоский пустырь. А ещё дальше было море, едва-едва удавалось различить его блеск и слышать прибой. На ночном небе было множество звёзд, выстроившихся в незнакомые созвездия.

Это была не тюрьма, и он не хотел бежать отсюда.

Доктор провёл руками по грубой, древней коре ствола дерева. Сколько оно тут уже стоит, какой истории оно было свидетелем, сколько ещё возлюбленных погружались в блаженный сон в его вечерней тени?

Он знал, что ответ — нисколько.

Это дерево простояло меньше дня, если вообще стояло. Это был плод его воображения. Все эти отпечатки времени, все инициалы, вырезанные на коре, ветки, обломанные зимними буранами, всё было создано его подсознанием, чтобы убедить его в том, что это реальность. От этих мыслей ему почему-то стало беспокойно, и он решил слезть с дерева.

Мог ли кто-нибудь утверждать, что в других местах всё было иначе? Прошное не существовало, есть лишь память о нём. Быть может, прошное вызвано настоящим, а не наоборот?

Это была всего лишь первая ночь, но ей уже предшествовали несколько столетий.

Если время — иллюзия, то кто такой тогда повелитель времени?

Нет... прошное существовало, оно было реально, он был в прошлом — в своём и других людей.

Он посмотрел на спящую далеко внизу женщину. Она была его частью несколько поколений до его рождения. Она обучала его отца и отца его отца. Она помогла воспитать его, была его наставницей, его другом, его первой любовью, его женой, матерью его детей, в прошлом она была для него всем. Она всегда была там. Она не была вымышленной.

Но, если бы она была вымышленной, то как бы он это понял?

Далеко над морем зазвучали раскаты грома.

Либо она была там всегда, либо прошлое изменялось, обновляло себя. Если он завтра проснётся, а её никогда не было, будет ли он её помнить? Он снова посмотрел на неё, и на него внезапно снова нахлынули мысли о том, что он должен проводить с ней каждую секунду, на случай, если она вдруг исчезнет и больше никогда не появится.

Он нахмурился. Это всё чушь, софистика. Доктор знал, кто он такой, кем он был всегда. Он повелитель времени, из знатного Дома Лангбэрроу на планете Галлифрей. Он был рождён в Луме, сын величайшего исследователя своей эпохи и женщины-человека, Аннализы... нет... его мать звали Пенелопа. Он знал имя своего отца, во всяком случае, его звали не Улисс; он был профессором в Беркли.

Своё собственное имя он сейчас вспомнить не мог, но он знал, что оно у него было.

У него над головой блеснула непрошенная молния, осветив силуэт крепости, как сигнальная ракета.

Это был собор поперечником несколько километров.

Свет струился из витражных окон в потолке из известняка, заливая стены и пол. Это был огромный круглый свод, паутина

из контрфорсов и балок. Вблизи, арки и параболы казались прямыми линиями, плоскими, как поверхность планеты. Балки под крышей были такой ширины, что по ним могла бы маршировать армия, если бы она смогла туда попасть.

Это была невозможная архитектура. Изнутри помещение было больше, чем снаружи. Перекрытия этажей и стены сюрреалистично переходили друг в друга вокруг энергопроводов и арочных порталов. Свет не был солнечным. Гравитация была местным феноменом, который подчинялся скорее прихоти, чем законам. Присмотрись, и станет понятно, что всё это помещение создано оптической иллюзией и ложной перспективой.

Но никто из тех, кому доводилось сюда спускаться, не осматривал подолгу архитектуру, потому что в математическом центре сооружения висело, исключительное и изолированное, само Око Гармонии.

Чёрная дыра была заключена в железную сферу диаметром десять километров. Тёмный металл от старости был испещрён оспинами, на нём были полосы ржавчины, похожие на пересохшие русла рек. Оно висело в собственной гравитации, на вид неподвижно. Излучаемая им мощь была осязаема, ощутима.

На вершине сферы была крохотная апертура, из которой струилась энергия, обеспечивавшая нужды Галлифрея с большим-большим запасом.

Савар спустился под купол, выискивая в кладке места, куда можно было ставить ноги.

Он поспешил на верхний уровень, зная, куда прибудет ТАРДИС, зная, что это будет сейчас. Воздух наполнили разносившиеся эхом стон и скрежет. Савар успел занять

скрытое место наверху и наблюдал за прибытием оттуда. Воздух изогнулся и раздвинулся, словно шторы шкафа фокусника. ТАРДИС стояла там, где не стояла никогда раньше. В этом святая святых не было потребности в камуфляже, и капсула времени сохранила свою естественную форму — белый обелиск.

Спереди отодвинулась панель, и изнутри вышли две фигуры.

Первая была одета в одежду Доктора, но светлые волосы до пояса и грациозные движения выдавали леди Ларну. Вторая фигура была одета в тело Доктора, но она Доктором тоже не была. Савар чувствовал её красные глаза и истинную форму. Запертый бог освободился и теперь находится здесь, у истока всего Галлифрея.

Савар потянулся к силовому ножу, который он взял в своей комнате. Сжимая его в руке, он начал осторожно спускаться.

— Объясни мне принцип действия, — попросил голос Доктора.

— Ты не знаешь? — ответила Ларна.

В её голосе не было ни тревоги, ни намёка на принуждение. Она была добровольной слугой запертого бога.

— Рассилон планировал просто использовать сверхновую в качестве топлива. Этого Галлифрею хватило бы на много веков. А потом... Наверное, мы взорвали бы ещё одну звезду. В них нет недостатка.

Немного помолчав, она продолжила:

— Око Гармонии — вращающаяся чёрная дыра. Вращаясь, она искажает вокруг себя пространство и время. Зона этого влияния — эргосфера — сконцентрирована возле экватора.

— Этот шар содержит и чёрную дыру, и эргосферу?

— Да. Иначе нас бы уничтожили гравитация и излучение. Хотя теоретически вырваться из эргосферы возможно, всё, что в неё ни попадёт, развалится; часть его засосёт в чёрную дыру, а другую часть швырнёт в направлении вращения. Но то, что вырвется, будет ускорено искажением пространства-времени, как пращой. Чёрная дыра настолько мощная, что даже крохотное количество энергии может быть усилено почти до бесконечности.

Он указал на столбы света, вырывающийся из отверстия в сфере.

— Правильно, — сказала она. — Внутренняя поверхность сферы зеркальная. Рассилон посветил в это отверстие лампой, всего лишь где-то на секунду. И с тех пор тот свет переотражается между эргосферой и зеркальной поверхностью, и при каждом контакте с эргосферой увеличивает свою энергию. Этот луч света обеспечивает энергией весь Галлифрей.

Он засмеялся:

— Гениально. Волшебное.

— Суперрадиационное рассеяние, — строго поправила она, — в соответствии со всеми законами физики.

— А в самом сердце чёрной дыры находится сингулярность, в которой все эти законы нарушаются.

— Где эти законы чуть менее строги, — ответила она, цитируя одного из своих наставников. — Но вселенная осторожна, она спрятала это опасное место. Между нами и сингулярностью облако радиоактивного вещества; затем область сильного пространственно-временного искажения; затем горизонт событий — врата, которые пропустят нас туда, но не выпустят обратно; и, наконец, звёздная масса, которая

постепенно становится всё плотнее, пока у самого ядра её плотность не становится бесконечной.

— Я Омега. От меня ничто не спрятано.

Затаившийся Савар улыбнулся.

Когда начался гром, Доктор взглянул через сад на замок.

Деревья, живые изгороди и небо шептали ему: «В чём дело? В чём дело? В чём дело?»

— В чём дело? — спросила его жена, проснувшись.

Листья хрустели. Листья повсюду усыхали и опадали.

— Омега, — прошептал Доктор и сел рядом с ней.

Она вздрогнула и поправила на плечах платье.

— Его нет, — сказала она. — Он оставил нас тут одних.

— Нет, — он посмотрел ей в глаза. — Нет. Нет. Нет.

Доктор посмотрел на замок. В замке горел свет.

Ветер кружил только что осыпавшиеся осенние листья.

Бутоны роз завяли на стеблях, гроздья винограда сморщились на лозах.

— Идём! — крикнул Доктор, встал и побежал к замку. Она бежала за ним.

Холодный ночной ветер обдувал их, когда они бежали через сад.

Листья сморщивались, усыхали, и дружно осыпались с веток. Река пересыхала, воображаемые рыбы беспомощно прыгали на высохшем иле. Увидев их, Доктор остановился и пожелал, чтобы их не стало. Он посмотрел на небо. Звёзды гасли одна за другой. В воздухе кружились пожухлые листья и пыль. Газоны у них под ногами покрывались песком.

Вокруг крепости вспыхивали молнии, которые длились гораздо дольше естественных.

— Быстрее! — поторопила его она.

Он ускорил шаг.

Омега подошёл к пульта управления, нашёл небольшую панель доступа, раскрыл её. Он начал вводить последовательность команд и при помощи звуковой отвёртки Доктора перепаяивать древние провода. То место, где они стояли, он окружил стазисным гало. А затем взялся прокладывать новый энергопровод и готовить его подключение.

Ларна заглянула через плечо, пытаясь разглядеть, что он делает.

— Хочешь, я проверю, что ты сделал? — тихо предложила она.

— В этом нет необходимости, — ответил он и подвинулся так, чтобы ей не было видно.

— Это сложные уравнения, я могла бы...

— Нет, — твёрдо ответил он.

Он нажал на кнопку, и панель закрылась.

— Я уже закончил. Переключи вон тот рубильник, пожалуйста, — он указал на большой рычаг справа от неё.

Ларна не решалась.

— Ты уверен, что это будет правильно?

— Переключи рубильник.

Ларна покачала головой.

Он двинулся к ней.

— Делай! — приказал он.

Он схватил Ларну за одно запястье, а потом за другое. Он толкнул её спиной на пульт, и начал медленно заламывать её руки. Она вырвалась и бросилась на него, сжимая кулаки.

Ларна всегда была сильной: самая сильная из кузин, самая сильная среди одноклассников.

Она сильно ударила его, прямо по лицу, и он упал.

Ларна осмотрела панель управления, над которой работал Омега, и проверила новые настройки. Он собирался перекрыть апертуру. Если энергия будет заперта внутри сферы, она начнёт экспоненциально расти; давление внутри вырастет и сфера взорвётся. Сингулярность ядра чёрной дыры будет обнажена, а высвобожденной энергии наверняка хватит на то, чтобы уничтожить Капитолий, а то и весь Галлифрей.

Ларна потянулась рукой, чтобы отключить изменения.

Его рука схватила её за горло и оттащила от пульта управления. Она попыталась оттолкнуть его, но он был для неё слишком сильный. Она согнула ногу в колене и попыталась вырваться, но это у неё тоже не получилось. Он сильно ударил её в живот. Она упала на колени. Омега направился к рубильнику.

Ларна огляделась в поиске способа остановить его.

У неё всё ещё было оружие Магистрата. Она чувствовала его на бедре. Хотя это и было тело Доктора, это не был Доктор. Ей нельзя думать о нём как о Докторе, нельзя позволить воспоминаниям помешать уничтожить его тело. Ларна нащупала рукой тёплый металл. Её пальцы обхватили его и нащупали курок. Омега держал руку над рубильником.

Она подняла оружие. Не было времени целиться.

Доктор — Омега — прыгнул в сторону, когда она нажала на курок. Конец устройства раскрылся и вспыхнул, изрыгнув сгусток энергии. Он умчался вглубь помещения, почти бесследно.

Омега добрался до неё раньше, чем она успела выстрелить ещё раз. Он наступил на её запястье, раненное ещё в бою с людьми Спицы. Другой ногой он пнул её. Она выронила оружие, и он поймал его одной рукой.

Он поднял её и поднёс к рычагу.

— ПЕРЕКЛЮЧИ РУБИЛЬНИК, — приказал он, бросая её на него. Она почувствовала, как рычаг под ней сместился, после чего она соскользнула вниз.

Омега шагнул назад, позволяя ей упасть.

Ларна потянулась рукой обратно к рычагу, попыталась потянуть его вниз, потом снова вверх, снова вниз. Было уже поздно.

Апертура позади неё закрывалась, столб энергии угасал.

Воран смотрел в камеру бесконечности.

Две оставшиеся ТАРДИС и Станция зависли вокруг Спицы. По поверхности артефакта по-прежнему вспыхивали молнии; похоже, они даже усилились.

— Лорд Хедин, была ли связь с Магистратом и леди Ларной после их отлёта?

— Нет, исполняющий обязанности Президента, — признал Хедин. — Наши сенсоры говорят об отключении оборонительной системы. Были также признаки старта ТАРДИС, но брешь в пространстве-времени мешает работе наших сенсоров.

Воран сложил руки домиком:

— Тревожно, тревожно.

— Может быть, послать ещё одну ТАРДИС?

— И рискнуть ещё одной потерей? Нет. Ждите дальнейших указаний.

К нему подбежал Пендрел:

— Сообщение с сонтарского флагмана, сэр. Это снова заместитель командующего Грол.

Воран покачал головой:

— Придётся, наверное, поговорить с ними.

Изображение коренастой фигуры сонтарского заместителя командующего появилось перед ним, дрожа и шипя, пока технологии разных планет согласовывались друг с другом.

— Исполняющий обязанности Президента! — хриплым голосом сказал он. — Вы не воспользовались своим шансом. Вы не предъявили нам Сонтара. С ведома Верховного Сонтариата я официально объявляю, что с этого момента Сонтарская Империя находится в состоянии войны с повелителями времени.

— Объявляйте войну сколько хотите, но где ваш генерал Сонтар вы всё равно не знаете.

Глаза Грола сузились:

— Вы нарушили все принципы Галактического Закона!

— Мы *следим за исполнением* этих законов, Грол. Большая часть из них написана *нами*.

— И это даёт вам право нарушать их?

— Заместитель командующего, мы потеряли вашего лидера, и я прошу у вас за это прощения, но что, по-вашему, мы можем сделать?

— Можно проверить последнее место, где мы его видели, — предложил Пендрел.

Воран сердито посмотрел на него:

— Что, никто до сих пор не проверил ксенодохию?

У него за спиной что-то забормотали монахи.

— Теперь, за совершённые вами ужасные преступления вас ждёт расплата от сонтарской расы, — проревел Сонтар. — Мсть будет быстрой и страшной, и вселенная будет долго воспевать тот день, когда...

Воран зевнул:

— Поступайте как знаете, заместитель командующего, у нас сейчас есть проблема, которая...

— Исполняющий обязанности Президента! — прервал его голос из-за спины.

— Заткнись, Пендрел! Простите меня, Грол. Как я уже сказал, сложившаяся ситуация требует нашего полного внимания, и эта ситуация важнее, чем поиски какого-то пропавшего инопланетянина.

— Исполняющий обязанности Президента! — настаивал Пендрел.

Воран повернулся от сонтаранина к Пендрелу. Этот шут чуть ли не тянул его за мантию.

— Надеюсь, это очень важно.

— Очень, исполняющий обязанности Президента. Трансдукционные барьеры! Они отключены.

— Что? Кто это сделал? Включи их снова, идиот!

С другой стороны подошёл ещё один ассистент:

— В трансдукционные системы и в квантовые силовые поля не подаётся энергия.

Один из техников тревожно всматривался в глазную консоль:

— Полная потеря мощности во всех системах. Они все отключаются.

— Галлифрей абсолютно беззащитен, — подвёл итог Пендрел.

Лицо Грола растянулось в широкой безгубой улыбке. Затем он прищурился, глядя на исполняющего обязанности Президента.

— Адмирал Кракс, разрешаю начинать атаку! — сказал сонтаранин, и его изображение погасло.

Сонтарский флот не менял своей позиции со времени прибытия. Теперь же их спектронные двигатели включились, как один.

Флот сохранил построение в виде двойного клина и начал запуск вооружений. Они быстро набрали боевую скорость. Последние несколько дней их стратегические компьютеры анализировали Галлифрей. Бомбардировщики уже вылетели в авангард, торпеды были загружены в торпедные каналы. Системы энергетического оружия заряжались несколько дней.

Рутанский флот позади них тоже заряжался.

Сонтарские стратегические компьютеры предсказали это, но пришли к выводу, что для рутанских компьютеров атака сонтаранами Галлифрея будет неожиданностью. Рутанские стратеги, которых сонтарская наглость застанет врасплох как минимум на несколько секунд, быстро поймут, что есть два варианта развития событий: либо галлифрейцы быстро аннигилируют сонтаран, либо у сонтаран есть секретное оружие, достаточно мощное для того, чтобы проломить технологию, на миллионы лет опережающую рутанскую. Ни в том, ни в другом варианте вмешательство рутан не было разумным.

Внезапный сбой в энергообеспечении был неожиданным, но являлся провидением, знаком того, что боги войны на стороне сонтаран.

Как и было предсказано, рутанские корабли позволили сонтарскому флоту действовать, ограничиваясь наблюдением.

Командный мостик сонтарского корабля был похож на утробу: красный рассеянный свет, похожие на пуповины силовые кабели. В центре сидел адмирал Кракс, вокруг него на своих постах сидела сотня пилотов и бойцов. Он не мог их видеть — его глаза были прикрыты панелями, предоставлявшими независимое отображение флота и вражеских сил.

Истребители и бомбардировщики неслись вперёд, входя в атмосферу Галлифрея. Объединённая огневая мощь флота могла разнести планету в клочья. Как долго продержится Капитолий под такой атакой?

Галлифрей был беззащитен перед ними. Другого такого шанса не будет.

— Огонь! — приказал он.

Доктор увидел это в зеркале.

— Галлифрей... — сказал он.

Он сосредоточился и почувствовал сдвиг бреши в пространстве-времени. Но он не мог управлять Эффектом.

Первые ракеты уже взрывались на поверхности планеты.

— Галлифрей будет уничтожен, — сказала она ему.

— Купол Капитолия нельзя разрушить.

— Но сам Галлифрей можно. И Омега на свободе.

Доктор смотрел в зеркало:

— Однажды я был оттуда, но уже нет. Теперь я здешний. Моё место здесь, с тобой. Здесь он нам ничего не может сделать. Он сделал меня богом.

Изображение сместилось. На нём была знакомая молодая женщина со светлыми волосами. Она кричала от боли. Его жена положила руку ему на плечо:

— Ларна?

Он кивнул.

— Она красивая.

Доктор, немного смутившись, снова кивнул:

— Но посмотри на неё, она не ты, ей никогда не быть тобой. Она оттуда, а ты совершенна, ты — всё.

— Ты мог бы остановить Омегу.

— Я знаю.

— Кроме него, ты единственное существо во вселенной, которое управляет сингулярностью. Ты — единственное, что может его остановить.

Доктор кивнул.

— Ты теперь можешь вернуться. Омега не мог, но теперь он вскрыл сингулярность во вселенной вещества, и ты можешь воспользоваться ею как дверью. Это свободный путь домой.

— Дом тут, — настаивал Доктор. — Ты — всё, что мне нужно. Я оставил тот дом позади, со всеми его склоками и изъязнениями, с безответной любовью, старостью и... — его голос затих; в зеркале он увидел мужчину в своём теле, навалившегося своим весом на Ларну, а её рот звал его на помощь. — Ты совершенна, ты всё, чего я хочу. Если бы Омега предложил мне выбор между этим и тем, я бы выбрал это.

— Ты должен вернуться.

— Я не могу, — сказал он. — Моя воля не даёт тебе умереть. Ты творение моего воображения. Если я уйду, ты умрёшь. Я не могу тебя бросить. Я не могу положить этому конец.

Идеальные красные губы улыбнулись:

— Всему приходит конец. Ты это знаешь, ты знаешь, что всё должно быть так.

Она поцеловала его.

Омега навалился на Ларну. Лицом она чувствовала его дыхание. Горячее, аммиачное, как у быка. Он прижимал её к полу, она чувствовала его превосходство в силе. Ларна всегда была сильной, но сейчас она не могла сделать ничего. Она чувствовала, как её мышцы сжимаются и напрягаются, но было такое впечатление, словно они принадлежали кому-то другому. Её сила не имела значения.

— Омега! — раздался знакомый голос.

Омега ослабил хватку и повернул лицо на голос.

В дверях в пункт управления стоял Савар. Тот, который мог видеть. В его руке был силовой нож в форме широкого меча, длиной больше его роста.

— Я тысячу лет ждал этого момента, — сказал Савар, приближаясь.

— Да что ты?

— У него есть пистолет! — крикнула Ларна.

Омега поднял оружие Магистрата, но Савар уже опускал свой меч. Он рассёк пистолет пополам.

Савар снова занёс меч.

Глаза Омеги вспыхнули красным.

На Савара опустилась тень, и когда она исчезла, там стоял уже другой Савар. Слепой, в серой одежде.

— Владыка! — ответил Савар, опускаясь на колени. — Я предлагаю себя тебе. Тело в этой вселенной вещества. Я тысячу лет ждал возможности предложить эту жертву.

— Ты опоздал всего на час, — заметил Омега. Он приложил руку к груди. — У меня уже есть тело.

Слепец не знал, что делать.

— Савар! — крикнула Ларна. — Вы помните меня? Я Ларна.

— Владыка... — беспомощно сказал Савар.

— Он убьёт вас, — предупредила Ларна. — Если вы не убьёте его, он убьёт вас.

Савар сгорбился, он словно не слушал.

— Он вами пользовался, но вы ему больше не нужны. Убейте его!

Савар прыгнул вперёд и взмахом опустил меч на плечо Омеги. Лезвие наполовину разрубило шею. Голова повисла.

Ларна бросилась оттуда.

Второй удар рассёк левое бедро, третий разрубил колено. Омега потерял равновесие.

— Я твой бог, — прохрипел голос Доктора, плюясь кровавой пеной. Омега протянул вперёд руку: — Поклонись!

Савар ударил мечом по плечу, и рука отвалилась. Лезвие тут же пошло назад, разрезая нос и щёку.

Он замахнулся мечом, чтобы ударить по голове Омеги.

Омега перехватил меч рукой, вывернул его из рук Савара и отбросил в сторону.

— Есть только одно будущее! — он издал громкий крик, животный рёв, исходивший из глубины его тела. Когда он замолчал, он стоял абсолютно здоровый, его кости срослись, кровь из ран не текла. — Есть только Омега.

Он взмахнул рукой, и Савар исчез. Плащ слепца упал на землю перед Ларной.

Она бессильно опустилась на пол.

Омега нагнулся над ней.

— Знаешь, — сказал он. — Я понимаю, зачем Доктору нужны спутники. Перед зрителями такие вещи делать гораздо приятнее.

— Это ты его превратил, — сказала она. — Ты сделал из него слепого Савара, альтернативного.

— И не только Савара.

Она услышала крики. Мужчины выли, как волки.

Крики агонии, начинавшиеся как слова.

Ларна посмотрела на него. Омега стоял к ней спиной и смотрел на сферу. Железо вздувалось, пузырилось, испарялось. В самом центре блестело *что-то*. Сингулярность.

— На Галлифрей опустилась ночь. Ты чувствуешь это? О, не волнуйся, дорогая. Здесь, в стазисном гало, ты защищена. Но они там все преобразаются. Воран, Пендрел — все. Они слепы и одиноки, они в отчаянии. Без защиты Ока, без присмотра Рассилона, услышь, во что они превратились! Услышь, кто они на самом деле.

Мужчина кричал. Хор синхронных воплей. Хриплые, гортанные звуки. Взрывы, разрушение зданий, падение статуй, горение тел. Все эти звуки доносились из Цитадели, проходя сквозь толстые известняковые стены.

Ларна заставила себя встать и посмотрела ему в глаза:

— С той властью, что тебе даст сингулярность, ты сможешь делать что угодно, иметь что угодно. Это действительно то, чего ты *хочешь*?

Лицо Доктора улыбнулось ей:

— Да.

Он сошёл с края помоста, бросился к сингулярности, схватил её и стал богом.

Пропуская сквозь себя эту энергию, Омега сбросил с себя шкуру Доктора. Он стал огромным сгорбленным существом, похожим то ли на быка, то ли на кабана. Окружившие его доспехи были из сплошных кусков металла, похожие на броню боевых кораблей. На голове у него были бараньи рога, на грудь свисала борода. На его правой ладони горела сингулярность. Он больше не был мужчиной, он не был животным... нет, он был силой природы, как ураган или лесной пожар.

Люди не могут противостоять урагану.

Омега увидел, что это хорошо.

Позади него кто-то медленно аплодировал.

Он обернулся. С насмешливым лицом в ладоши хлопал Доктор.

— Апофеоз, — сказал Доктор. — Слияние твоего физического тела и энергии сингулярности. Поздравляю.

Глаза Омеги вспыхнули красным, он пожелал уничтожения Доктора, привлёк к его уничтожению фундаментальные силы вселенной.

Доктор зевнул и показал свою правую ладонь. Вокруг неё мерцало пламя.

— Оп! — спокойно сказал он. — А у меня тоже есть сингулярность! Дай-ка я покажу тебе кое-что.

Они стояли на серой, пустынной земле. Безлюдное место, затянутое туманом небо, под ногами гравий и тектиты.

— Где мы? — потребовал Омега.

— Планета в седьмой галактике, погибшая в ядерном огне. Двенадцатая в этой звёздной системе. Прошло несколько веков с тех пор, как на неё обрушились война и радиация. Небо по-прежнему чёрное, океаны и озёра по-прежнему замёрзшие, — Доктор помолчал. — Это Скаро.

Они пошли по разрушенной, почерневшей земле.

— Тут есть что-нибудь живое? — спросил Омега.

Доктор глубоко вздохнул:

— Во время первой атаки погибла пятая часть населения. Города горели, воздух наполнили ядовитые газы, выбросы, биологические агенты. Каждая частичка асбеста, каждая капля токсичных отходов поднялись в воздух. Ещё одна пятая часть населения погибла из-за того, что не было адекватной медицины, способной им помочь. Огромная масса мелких частиц быстро скопилась в верхних слоях атмосферы, скрыв солнечный свет. Источники воды замёрзли, пища не росла. Умерла ещё одна пятая часть населения. И год спустя, как только долгая зима завершилась, их положение стало ещё хуже. Все животные крупнее насекомого к тому времени уже погибли. В отсутствие ограничивающих их количество хищников, насекомые заполнили всю планету. Начали оттаивать трупы. Эпидемии и пандемии распространялись беспрепятственно. Что тут могло выжить, что могло *захотеть* выжить в таком?

Глаза Омеги сузились:

— Повелители времени могли предотвратить это. С нашим могуществом, мы могли предотвратить то, что случилось тут и на миллионе других планет, где снова и снова происходило то же самое. Или же мы могли просто вычеркнуть, удалить это из истории.

Доктор впечатлительно прикусил губу:

— Значит, ты можешь это уничтожить?

— С радостью, — Омега взмахнул перчаткой, и звезда планеты превратилась в сверхновую, мгновенно поглотив планету.

Они наблюдали за катастрофой с безопасного расстояния, из соседней звёздной системы.

Доктор удовлетворённо улыбнулся:

— А теперь верни её.

Омега заворчал, ещё раз взмахнул рукой, и планета вернулась.

— Уничтожь её, — повторил Доктор.

Планета снова разлетелась на части, и Омега повернулся к Доктору:

— И что это должно доказать? Это доказывает лишь то, что у нас теперь могущество богов.

— Ты — ничто, — в конце концов сказал Доктор.

— Не смей меня отрицать! Я — всё! — крикнул Омега.

— Ты всё, и ты ничто, — оборвал его Доктор. — Уничтожаешь или возвращаешь планеты одной мыслью.

— То, что я могу сделать с одной планетой, я могу сделать и с тысячей. Я живу в бесконечности, Доктор, а не в узкой вселенной, где может случиться лишь одно. Теперь и ты можешь убивать и миловать. Мы можем заставить плясать вселенную под нашу дудку, исполнять все наши прихоти.

Доктор с сочувствием улыбнулся:

— Конечно, можем.

— Ты мне не веришь? — зарычал Омега.

Доктор покачал головой:

— Верю. Просто мне тебя жалко.

— Ты не достоин быть богом.

— Нет, я не об этом. Что с того, что ты управляешь вселенной, в которой нет смысла, где никогда не происходит ничего, что имело бы значение? Зачем проливать слёзы об умершем, если его можно вернуть, зачем болеть за свою

команду, если они могут и выиграть, и проиграть? Я не хочу быть богом.

— Ты слаб.

Доктор покачал головой:

— Ответь мне, Омега: что противоположно вещественному?

— Антивещественное, — мгновенно ответил Омега.

— Нет, нет, нет. Вещественному противоположно «несущественное», — Доктор вздохнул. — Вот что мы создали: вселенную, в которой всё является ничем. Вселенную, в которой всё несущественно. Конечно, ты можешь переписать историю, но зачем? Пока у тебя есть эти огромные возможности, ничто не реально.

— Я бог, Доктор. Я здесь решаю, что реально. Я — всё.

— Конечно, ты бог. Конечно, решаешь. Конечно, ты всё, — с ухмылкой сказал Доктор.

Омега заревел и занёс руку.

Доктор улыбнулся:

— Даже если бы ты мог меня убить, рано или поздно ты бы заскучал и вернул меня. Ты взаперти. Ты взаперти в своём всемогуществе так же, как был заперт во вселенной антивещества.

— Это неправда, — настаивал Омега. Но, несмотря на своё всеведение и всемогущество, он не мог объяснить, почему.

— Потому что тебе так хочется?

Омега почувствовал в себе галактики. Звёзды и планеты были у него во рту и в глазах, время и пространство протекали сквозь него, как кровь.

— Я бесконечен. Я — всё.

Доктор поднял голову:

— И это всё, чем ты есть? Бесконечность? И больше нет ничего, кроме *тебя*?

Омега запнулся:

— Ты прав.

Какое-то время они молчали.

— И это всё, чем я есть? — спросил Омега, глядя на свои руки. — И всё? Мой момент триумфа? Я мечтал об этом моменте больше, чем когда-либо мечтали все повелители времени. Стать богом! Стать *Богом*!

Доктор широко улыбнулся:

— Я знал, что ты поймёшь. Ты всё ещё можешь быть мужчиной, Омега. До того, как ты стал богом, ты был великим мужчиной. Стань им снова. Вернись на Галлифрей и займи там своё место.

Омега тоже улыбнулся:

— «Ты думаешь, что тот, кто видел бога, Кто радости небесные вкушал, Не мучится в десятке тысяч адов, Лишась навек небесного блаженства?»⁵

Доктор задумчиво постучал пальцами по губам. Цитирование Мефистофиля редко было признаком здравого рассудка.

— Изображать настоящую жизнь? — презрительно сказал Омега. — Такая жизнь была бы таким же обманом, как и быть пустым богом, — помолчав, он посмотрел вокруг. — Ничто больше не реально, ничто не имеет смысла.

Со слезой на глазах, он отошёл от порога.

— Ты разрушил все мои мечты, ты обрёк меня на бессмысленное существование.

⁵ Перевод Н. Н. Амосовой.

— Не бессмысленное! — крикнул Доктор. — Да, тебе нужно найти в своей жизни новый смысл, но жизнь не бывает бессмысленной.

— У меня осталась лишь одна свобода.

Доктор схватил Омегу за руку:

— Нет причин лишать себя жизни.

Омега улыбнулся:

— Не только себя. Эта вселенная потеряна, в ней нет больше смысла. Пора положить ей конец.

Мёртвые звёзды и планеты начали исчезать.

Время и пространство начали сворачиваться.

— Ты не можешь уничтожить всю вселенную! — ахнул на пороге Доктор.

— Почему это?

Доктор пожал плечами:

— Ну, для начала, где ты будешь жить после этого?

— Не будет никакого «после», — тихо сказал он. — Не будет никакого «до». Эта вселенная не будет никогда существовать. Не будет ни страданий, ни измен друзей и любимых. Ни разочарований, ни болезней, ни войн. Никто никогда не умрёт и не потеряет любимого. Будет проще, будет лучше.

Доктор вспомнил сад и красивую женщину с лунно-белой кожей.

— Всему приходит конец, — мягко сказал он.

— Вот именно.

Доктор глубоко вздохнул:

— Ты прав, быть может, пора положить этому конец.

Омега мрачно улыбнулся:

— Ты был достойным противником, Доктор.

— Спасибо. Пожмём друг другу руки?

Доктор протянул руку, Омега взял её в свою.

— Один вопрос напоследок, — сказал Доктор. — Ты никогда не думал о том, что будет, если сингулярность соприкоснётся с антисингулярностью? — и он очень сильно сжал руку Омеги.

Всё закончилось.

Ларна увидела, что апертура раскрылась, и из неё снова вырвалась колонна энергии. Рядом дымились остатки плаща Савара. Крики и бомбардировка прекратились.

Перед ней лежало голое и неподвижное тело Доктора. Оно было бледным, но грудь медленно поднималась и опускалась, его дыхание образовывало в холодном воздухе облачка пара.

Она сняла с себя пиджак и прикрыла его.

— Доктор?

Его веки задрожали и раскрылись:

— Ларна?

Это был он, она знала.

— Где Омега?

— Я не знаю, — слабым голосом сказал он, стараясь сесть.
— Изгнан. Отрезан. Умер. Я не знаю. Его сингулярность коснулась моей антисингулярности. Я не знаю, что было потом... антисингулярностей не бывает, я её выдумал, так что нет никаких теорий о том, что случилось дальше.

— А ты как?

— Я... Кажется, я только что спас от уничтожения всю вселенную.

Ларна помогла ему надеть пиджак.

Доктор неуверенно улыбнулся:

— Спасибо тебе, Ларна, — сказал он.
Ларна рассмеялась и поцеловала его.
— Тебе спасибо, Доктор.

ЭПИЛОГ

**Так это, значит,
победа...**

Солнечный свет прорывался в щели Купола Капитолия, словно армия освободителей.

Где-то наверху круглые сутки работали ремонтные бригады, устранявшие повреждения, так что это был последний восход солнца, видимый из Капитолия. Золотые лучи выхватывали насыщенные цвета террас, цвет красного дерева стен Цитадели, золото, серебро и мрамор часов и памятников. Дорожки и компьютерные башни сверкали в этих лучах. Это был дом самой могущественной расы всего космоса, это была столица вселенной. С момента поражения Омеги прошёл всего один день, а события прошлой недели уже казались давним кошмаром. Обломки убрали, последствия бунтов и бомбардировок расчистили, погибших предали земле. Жизнь возвращалась в обычное русло.

Удары колоколов Часовой Башни звенели над шестиугольниками восточной стороны Цитадели. Повелители времени и техники выходили из своих квартир и направлялись к местам работы и отдыха. Лорд Хенспринг и леди Гехаммер прошли друг мимо друга возле живого фонтана, в этот же момент там маршем шли три стража, направлявшихся возлагать венок у памятника Пропавшим Исследователям. Небольшая группа студентов обсуждала выращивание роз и шахматные эндшпили. Глубоко внутри Цитадели, окружённые гудящим оборудованием, покоились в своих доках ТАРДИС, как это было уже тысячи лет.

Констебль Пелтрок приставил к замочной скважине фазированную трионную отмычку, а капитан Реймор набирал код её запуска. Вокруг них стояла небольшая группа стражей, пытавшихся сдерживать сонтаран. В другой стороне помещения стояли несколько советников. Формально они всё

ещё находились в состоянии войны с Сонтарской Империей, но после восстановления трансдукционных барьеров сонтаране стали менее агрессивными.

— Эй-эй! — сказал ворвавшийся в помещение Доктор. — Осторожнее с этой ТАРДИС, это семейная собственность!

Исполняющий обязанности Президента Воран махнул рукой, и двое стражей, тихо заворчав, убрали отмычку.

— Открывайте капсулу, Доктор, мы уже достаточно ждали.

Доктор неловко улыбнулся и вынул из кармана сюртука ключ. Открыв дверь, он шагнул в сторону, уступая дорогу.

Несколько секунд ничего не происходило. Затем порог перешагнул генерал Сонтар. Доктор оставил его разбитым, замученным и истощённым. Вышедшее же существо было абсолютно другим. Оно было похоже на Сонтара, но в нём почти не осталось былой злобы.

Доктор поприветствовал сонтарского лидера, но при этом с волнением смотрел за его спину. Появилось мягкое свечение рутанина.

Остальные сонтаране напряглись. Но Сонтар покачал головой.

Доктор ахнул.

— Мы думали, что вы убили друг друга, — сказал им исполняющий обязанности Президента.

— Я убил рутанина, — сказал Сонтар. — А он убил меня.

— А затем ещё раз, снова и снова, — сказал рутанин.

— В пределах вашей машины времени окончательное наступление смерти невозможно. Через несколько минут противник снова оживает, независимо от того, что ты с ним сделал. Потрясающая технология.

Сонтар шагнул вперёд:

— Через какое-то время мы поняли тщетность наших действий. И тогда мы стали думать о том, как сбежать. В своих попытках мы не координировали наши усилия, но каждый учился на ошибках другого. Консоль была заблокирована, и нам не удавалось её включить. Другого выхода не было.

Рутанин вспыхнул ярче:

— Вскоре стало ясно, что сбежать невозможно. Мы размышляли над своей судьбой — быть навеки запертым с самым страшным из своих врагов, в полной уверенности в том, что мы обречены, несмотря на наши мечты и достижения. Наша вселенная превратится в Серость.

— И тогда мы поняли, как много у нас общего, как незначительны наши различия. Мы разговаривали. Всё случилось в точности так, как вы планировали, Доктор. Наедине друг с другом, не имея возможности ни сражаться, ни сбежать, мы пришли к соглашению.

Другие сонтаране нервничали, но никто не осмелился противоречить императору.

— Спасибо, Доктор. Ваша мудрость показала нам путь к миру.

— Спасибо, — повторил Сонтар. — Метод неортодоксальный, но более эффективный, чем тысяча лет мирных переговоров. Вы обманули нас, изобразив себя дураком, которому нечего сказать. Но всё это время у вас был план. Запереть нас вместе и позволить нам самим во всём разобраться. Вы смелый и умный мужчина, — он хлопнул Доктора по спине.

— Ну что вы, — пробормотал Доктор, чуть не упав, — не стоит благодарностей.

— Мы передадим своим флотам сигнал о немедленном прекращении боевых действий.

— Это что, так просто? — спросил Воран. — Ваши экономики тысячи лет были полностью сориентированы на войну. Война у вас в крови.

— Кровь можно изменить, — сказал рутанин.

— Обе наши расы способны быстро изменяться, — объяснил Сонтар. — Как повелителям времени должно быть известно, расы клонов легко контролируются, легко управляются. Банки клонов сонтаран могут быть переделаны, рутане могут подавить создание некоторых, самых воинственных своих форм.

— Мечи на орала? — спросил Доктор.

Сонтар кивнул:

— Именно так.

— Наши расы гордятся своим повиновением, своим единомыслием. Теперь нас объединяет мир.

— Вот так просто? — спросил Доктор.

— Так просто. Будет величайшая в истории вселенной демобилизация, массивная реструктуризация форм наших империй. Но это уже детали.

— Желаю вам успехов!

Сонтар улыбнулся, протянул свою руку, и Доктор пожал её. Рутанин развернул щупальце, и Доктор пожал его.

Затем генерал Сонтар повернулся к рутанину и протянул ему руку. Рутанин вырастил трёхпалую руку и пожал руку сонтаранина.

— Война окончена, — сказал Сонтар. — Благодаря Доктору. Повелители времени, разумеется, установят блокпосты, обеспечат оборону буферных зон вокруг наших

территорий. Если за сохранением мира будет следить Галлифрей...

Доктор поднял руки:

— Нет, нет, нет! Это совсем не в нашем стиле. Мы с радостью поможем вам советом, но следить за вами мы не собираемся. Этот мир — ваша ответственность, никто не собирается вас заставлять.

— Я понимаю, — согласился рутанин.

Сонтар задумчиво кивал:

— Нам нужно возвращаться домой и браться за дело.

Стражи стали по стойке смирно.

Воран довольно кивал:

— Хорошо. Хорошо.

Сонтаране построились за своим лидером и представителем рутан, и вышли.

На мгновение зависла тишина. Доктор и Воран остались одни.

— Ну, что же... — сказал Доктор.

Воран немного помолчал.

— Предстоит много работы. В восемь колоколов состоится заседание Совета, на котором будут обсуждаться последствия этого дела. Разумеется, вам следует на нём присутствовать.

Он ушёл.

Доктор закрыл дверь ТАРДИС и спрятал ключ в карман. Он похлопал её по стенке.

— Молодец, старушка, — сказал он.

Доктор постучал в дверь Ларны. Дверь раскрыла её горничная, Врейто.

— Советник! — поприветствовала она его, делая реверанс.

У неё за спиной мелькнула Ларна. Широко улыбаясь, она повернулась к нему. Доктор прошёл мимо горничной в квартиру. Он знал, какие в этой части Цитадели квартиры — его собственное жилище было не так уж далеко отсюда. Главным отличием от его комнаты было отсутствие разного хлама: полки не просто не были переполнены, на них вообще ничего не было. На стенах не было картин, стояли лишь несколько украшений. Но в центре стояли несколько ящиков с вещами.

Ларна держала в руках большой лист бумаги. Похоже, это были астрономические схемы — доклады из Бюро Астрономии. На ней была куртка без воротника и обтягивающие штаны, ало-оранжевой расцветки прайдонского колледжа. Волосы были распущены.

— Ты уже не первый день повелительница времени, — сказал он. — Могла бы и найти время на то, чтобы распаковать вещи.

Он запустил руку в ящик и вынул оттуда учебник по психологии.

— Я их собираю.

Он положил книгу обратно.

— Я получила новую работу. Такую, какую всегда хотела.

Сейчас было полно вакансий, повелители времени смещались по должностям, чтобы заместить убитых и пропавших. Ходили слухи о возможности принятия новых членов в Верховный Совет. Воран наверняка наградит кого-то из своих приспешников вроде Пендрела. Но любое назначение приводило к образованию новой вакансии, новые должности и титулы меняли носителей.

Чтобы не думать о том, о чём ему хотелось думать, Доктор напряг мозги, пытаясь угадать, что предложили Ларне:

— Руководство каким-нибудь исследованием? Что-то, связанное с практикой?

Она кивнула:

— Брешь в пространстве-времени вызвала много повреждений. Меня назначили руководить группой, которая наведёт порядок после Эффекта. Мы будем разыскивать и нейтрализовывать последствия.

Доктор раскрыл рот и беспомощно развёл руками.

— Молодец, — сказал он, наконец. — Это большая ответственность.

— Ну, большинство кандидатов на должность либо погибли, либо...

Доктор прервал её:

— Ни к чему эта скромность. Это высокая честь. Тебе бы не дали работу, с которой ты не можешь справиться.

— Будет много выездной работы, — сказала она. — Большую часть времени я буду руководить группой специалистов за пределами Галлифрея. Это именно то, о чём я всегда мечтала. Возможность путешествовать, покинуть Капитолий. Будут даже контакты с другими расами, освоившими перемещения во времени.

— Ты можешь отсутствовать довольно долго...

— По оценке Матрицы это займёт около двух тысяч лет.

Улыбка Доктора погасла:

— Это очень долго.

Она посмотрела на него с лёгкой грустью:

— Да.

Доктор встал:

— Я... не хочу мешать тебе собираться. Ненавижу прощания. Удачи!

Ларна наклонилась и поцеловала его в щёку.

— Спасибо, — сказала она.

Там было по одной свече за каждый год.

Двумя пальцами Доктор погасил последнюю. В комнате стало темно, в воздухе висел тяжёлый запах воска, как в церкви. У него слезились глаза, видимо, из-за дыма. Он вышел из комнаты. Дверь закрылась и, чувствуя настроение хозяина, заперлась на засов. А затем позади неё ничего не стало. Доктор на мгновение облокотился на стену.

Так это, значит, победа.

Лорд Норвал, Савар, и ещё два десятка других людей погибли, Магистрат пропал. Ларна улетает. Омега... какая разница... Побеждён. Его жена пропала. Воран исполняет обязанности Президента, Пендрел — Кастеляна. Хедин вернулся в Бескрайнюю Библиотеку переписывать биографию Омеги с самого начала. Ничего не изменилось, потому что на Галлифрее никогда ничего не менялось, разве что только в геологических масштабах времени. Ничто не улучшилось, ничто не ухудшилось. Сонтаране и рутане, похоже, могли измениться, а вот его народ — нет.

Он посмотрел на её портрет, вспоминая тот день, когда он нарисовал его. Она стояла в крытом дворике фамильного дома, одетая в платье, которое где-то нашла. Когда она там стояла, она спокойно сказала ему о том, что случилось чудо. Она была беременна. Он помнил, что он тогда почувствовал: смесь восторга и беспокойства. Знание того, что есть будущее, ощущение судьбы, неизбежности. Всё больше никогда не будет

прежним. Он говорил себе, что он никогда не оглядывается в прошлое, он смотрит только в будущее.

Доктор отошёл от стены и подошёл к своему любимому креслу. Вайклиф вышел из своего ящика, подошёл к нему, и начал тереться об его ноги. Он погладил кота по голове и передумал садиться.

Он чувствовал тепло лежавшего в кармане брюк ключа от ТАРДИС. Он вынул его, поднёс к глазам.

Его первый полёт за пределы Галлифрея был небольшой: на другой край звёздного скопления, в летний дом его родителей. Он тогда смотрел на тёмное ночное небо и видел в нёмдвигающиеся точечные огоньки.

— Это не звёзды, — сказала ему тогда мать. — Это корабли. Эти корабли не плавают по морям, они путешествуют в пространстве и времени.

Он хотел спросить у неё, куда они направляются и кто в них летит, но не спросил. Когда он вернулся, он спрашивал у своих наставников, искал ответ в книгах и в видеоархивах, но ответ ускользал от него. Он прочёл о звёздах и планетах, и обо всех людях, которые жили во вселенной, об их историях, об их науках. У него возникло много новых вопросов, и не на все из них были ответы в уже написанных книгах и в публичных видеозаписях.

Чтобы найти ответы, ему придётся отправиться их искать. Ему придётся покинуть Галлифрей, вырваться туда, во вселенную. Кто знает, где лежит будущее? Кому нужно знать будущее?

Доктор улыбнулся.

Послесловие от переводчика

«Что это было?! Что я только что прочёл? Что это вообще за Доктор?!» — примерно такого рода вопросы иногда возникали у англоязычных читателей этой книги, и русский перевод, скорее всего, ожидает то же самое. Единственный простой, короткий ответ, который я могу дать — а какая разница? Расслабляемся и получаем удовольствие от чтения. :)

Возможно, кому-то захочется прочитать эту книгу ещё раз. При повторном чтении она воспринимается немного иначе, некоторые детали кажутся более значительными, чем при первом.

Для тех же, кому очень хочется соотнести эту книгу с другими историями «Доктор Кто», я приведу несколько фактов.

1. Согласно одному из интервью Лэнса Паркина (2004 г.), эта книга изначально задумывалась как первая книга в арке из двух книг. Вторую книгу должны были написать Кейт Орман и Джон Блам. В первой книге Паркин должен был написать приключение Четвёртого Доктора и Романы, в котором они сталкиваются с монстром Центро. Этот монстр обладает способностью искривлять пространство и время, и он искажает жизнь Доктора так, что тот не сбегал с Галлифрея. По каким-то причинам эта арка не состоялась, и Паркину пришлось изменить свою часть.

<http://www.whoniverse.net/discontinuity/PD17.php>

2. На своём сайте автор книги относит её одновременно к приключениям Первого и Восьмого Докторов.

<http://lanceparkin.wordpress.com/doctor-who/doctor-who-chronologically/>

3. Книга издана в составе серии «Прошлые Приключения» (Past Doctor Adventures), а не в издававшейся одновременно серии «Приключения Восьмого Доктора» (Eighth Doctor Adventures).

4. Снова интервью Лэнса Паркина: «Он (Доктор из этой книги) однозначно не Восьмой Доктор основной сюжетной линии. Но выглядит он как Пол МакГанн».

<http://reprintthedoctor.weebly.com/lance-interview.html>

В общем, как на мой взгляд, лучше не забивать себе голову ерундой о месте этой книги среди других приключений. Мне эта книга очень понравилась, надеюсь, что и вам тоже.

ssv310